

ВАЛЕНТИН ЕГОРОВ

ШЛЯХ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

То были времена, когда Петр Первый кровавым топором прорубал окно в Европу. В Московии росла внутренняя смута, некоторые бояре и стрельцы исподтишка вели враждебную государю Петру I внутреннюю политику. Такие великие европейские государства, как Великобритания и Франция, боясь возвеличивания Московии и появления еще одного великого государства в Европе, начали вести откровенно враждебную Петру внешнюю политику.

Чтобы противостоять в борьбе с враждебными себе боярами, стрельцами, а также великими европейскими государствами, великий московский государь был вынужден создать в своем государстве службу дознания, политического сыска — прототип современной внешней разведки. А главой ее стал наш современник, с которым судьба сыграла небольшую шутку, забросив его в великие петровские времена.

Валентин Егоров
ШПИОН ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

В это декабрьское утро великий государь Петр Алексеевич выглядел ужасно и чувствовал себя более чем отвратительно. Он всегда плохо спал по ночам, но сегодня смог поспать всего только час с небольшим. Перед самым рассветом Петр Алексеевич проснулся от ужасной головной боли с начинавшимися сильными судорогами в левой стороне лица и шеи. Подобные конвульсии, сильные головные боли, затем жар с ознобом в теле приводили государя в крайне сильное смущение, ему приходилось долго от них оправляться. Головные и телесные судороги начали повторяться все чаще и чаще. Но государя больше всего смущало то обстоятельство, что после таких приступов на него снисходило крайне тяжелое и болезненное состояние. Государь сильно ослабевал, не мог самостоятельно подняться и стоять на ногах. Бессильно лежал на постели, у него не хватало сил пошевелить рукой или ногой или самому повернуться на бок. Это нервное мозговое заболевание, как называли это царское состояние придворные врачи, всегда начиналось под рассвет, оно государя бросало то в жар, то в холод и всячески его ломало и корежило. Понимая, что в такие моменты с ним всякое может случиться, Петр Алексеевич вот уже в течение нескольких лет спал в присутствии и вместе со своим дежурным денщиком, положив руки на его плечи, иначе он не мог даже заснуть.

Преодолевая тошноту и головную боль, Петр Алексеевич отодвинул денщика Митьку в сторону и, медленно поднявшись на ноги, направился к выходу из спальни. Пошатываясь и едва перебирая длинными волосатыми ногами, великий государь едва выполз из дворца на свет божий и босиком по снегу поплелся в дальний угол двора. Там, опершись плечом о дерево, низко склонился к земле. Двумя перстами в рот прочистил начавший бунтовать желудок, голова тут же перестала шуметь и побаливать, но туманность и горячка мозгов сразу не проходила. Петр Алексеевич стоял и полной грудью вдыхал этот стылый воздух, который так хорошо прочищал мозги.

Но проблему туманности и жара головы государю пришлось решать неоднократно проверенным средством и народной методикой. Дежурный государев денщик Митька Епанчин, так и не сумевший в эту ночь прикрыть свои блудливые глаза и немного поспать, сейчас издали наблюдал за Петром Алексеевичем. Он мгновенно догадался о возникшей проблеме и без дополнительного приказа крупной рысью помчался на царскую кухню. Вскоре Епанчин вернулся с большим жбаном холодного кваса, настоянного на крепком хрене. Государь сделал глоток, затем другой... и, вытерев рукавом ночной рубашки мокрый рот и слезы, ручьем покотившиеся из глаз, удовлетворенно хмыкнул. Холодный квас помог, крепким хреновым духом ударил по мозгам, вышиб хорошую слезу, прочистил мозги и вернул здоровье в тело великого русского государя.

Не зря же в народе говорят «клин всегда следует вышибать клином», так и головной жар порой отлично вышибался холодным квасом. Можно было бы, конечно, эту проблему решать, попив Переведенской минеральной воды. По мнению придворных ученых медиков, эта минеральная вода хорошо способствует охлаждению мозгов тем людям, которые, подобно государю Петру Алексеевичу, страдают подобной головной лихоткой. Очистку

мозгов Петр Алексеевич мог бы провести и другим, более кардинальным «народным клином». Скажем, большой кружкой немецкого темного пива или чаркой родной анисовки, как это он частенько практиковал. Но тогда мог повториться рецидив болезни или государю было бы трудно в тот день уговорить себя с утра заниматься государственными документами и делами.

Свою жизнь великий государь московский Петр Алексеевич строил по очень простому принципу. Он занимался лишь только теми делами, которые в тот день приходили к нему в голову, или ранее начатыми, но которые требовали своего завершения. Эти дела его всегда интересовали, так как они, по государеву разумению, были наиболее потребны отечеству и более всего могли принести благо его любимой державе.

Изо дня в день и вот уже в продолжение сорока четырех лет его жизни эти дела московского государя переходили из одного в другое, не оставляя ему времени на досуг и одиночество. Он всегда был окружен многими людьми, вместе с ними занимался государственными нововведениями и усовершенствованиями. Никто и никогда из царедворцев не видел Петра Алексеевича находящимся в одиночестве или созерцательно размышляющим о смысле жизни. Государь был человеком действия, вокруг него постоянно велись деловые разговоры, обсуждались государственные дела и решались особо значимые проблемы.

Рядом с Петром Алексеевичем не было человека, который заранее планировал и расписывал бы его день по часам и минутам, государь свои дела и встречи определял спонтанно и негаданно. Но, за что бы он ни брался, все эти дела имели большое значение и вершились на благо русского государства. Петр Алексеевич работал круглые сутки напролет, интересуясь, чем только возможно — нововведениями; ходом течения тех или иных старых дел, по мере возможности решая великие и малые государственные проблемы. Эти дела и проблемы, разумеется, в свою очередь рождали множество других дел и проблем, за решение которых Петр Алексеевич тут же, не сходя с места, принимался.

В иные времена, просыпаясь по утрам, государь сам не ведал, да и особо над этим и не задумывался, чем же будет сегодня заниматься. Все в его жизни происходило соразмерно государственным потребностям и решалось по мере необходимости и надобности. Причем из-за дикой отсталости и нищеты московского царства дела, которыми повседневно занимался Петр Алексеевич, всегда имели государственное значение, в немалой степени способствуя прогрессу русского государства. Занимаясь такими делами, Петр Алексеевич прежде всего руководствовался пониманием того факта, что державный монарх государства обязан нести свет просвещения своему народу, совершая мужественные добродетели и героические жертвы во имя всего этого.

Сейчас на дворе стоял декабрь семьсот пятнадцатого года, к которому Петр Алексеевич пришел могущественным европейским государем, с мнением которого уже считались, оно принималось во внимание всеми ведущими европейскими державами.

Это было время, когда русские войска, нанеся смертельное поражение армии шведского короля Карла XII под Полтавой, успешно продвигались по европейскому побережью Балтийского моря, вытесняя шведов из прибрежных городов Балтии. Тогда до победоносного завершения Северной войны оставалось всего лишь пять лет. Через пять лет Петр Алексеевич будет провозглашен «отцом русской нации», взойдет на престол великой Российской империи, станет первым русским императором. После чего ни одно дело, ни один вопрос в Европе не будет решаться без учета мнения русской империи. Это было время

больших военных побед, политического, военного и государственного становления и расцвета русского государства, до этого пребывавшего на задних глухих европейских задворках. В те времена европейцы об экзотической Москве иногда вспоминали, но ее политические или экономические интересы никогда не принимались во внимание.

Минуло девятнадцать лет с тех пор, когда первое русское посольство [1] отправилось в страны Европы, и, переезжая из одной европейской страны в другую, члены этого посольства, русские люди, знакомились и учились различным европейским ремеслам и наукам. Урядник посольства Петр Михайлов [2] обучался корабельному делу на английских верфях, работая простым плотником.

За эти девятнадцать лет русское государство сильно изменилось, ушли в прошлое его глубокая патриархальность, социально-экономическая отсталость и оторванность от внешнего мира. Народ сам по себе особо не изменился, но дворянская верхушка страны начала по-новому думать, жить, одеваться, а это в какой-то мере положительно сказалось и на русском народе. Правда, многие поколения крестьян и после этого времени долго не расставались ни с бородой, ни с сермяжным зипуном. Но в области строительства, вооруженных сил, государственного аппарата, внешней политики, промышленного развития и научных знаний русское государство шагнуло далеко вперед.

А главное, все это время на престоле московского царства находился государь, который на прежних русских царей не походил своим характером или нравом, который оказался свободным от предрассудков патриархального прошлого. Прежние русские правители были религиозны до фанатизма, а Петр Алексеевич в этом вопросе считался чуть ли не вольнодумцем, всей душой он стремился к нововведениям в социальном, экономическом обустройстве своего государства. Русские цари были вялыми, ленивыми, малоподвижными и малосведущими царями, он же был сгорающим от нетерпения и жажды новых знаний государем, заставившим свое русское царство очнуться от долгой «зимней спячки» ударами батога и топора.

Вернув опустевший жбан из-под кваса денщику Митьке, Петр Алексеевич нагнулся и, обеими руками ухватив большую горсть снега, с видимым удовольствием протер лицо, пока еще пылавшее красным жаром. Сегодня лихоманка легко отступила, ушла прочь и, слава богу, не повторилось того, что прошлым месяцем произошло у Федьки Апраксина, [3] к которому он внезапно поздно ночью нагрянул повеселиться почти с двумя сотнями друзей и ряженных. Славная получилась пирушка, три дня веселились, танцевали и пили рейнвейн и водку у Федьки на подворье.

Все было хорошо и замечательно во время этой пирушки, но вот только после этого веселья на Петра Алексеевича в который раз неожиданно-негаданно свалилась эта проклятая мозговая лихоманка. Три дня и три ночи он недвижно пролежал в постели, у него не хватало сил самому повернуться на другой бок. Катька, [4] несмотря на то что была на сносях, ни на шаг от него не отходила и чем только могла ему помогала.

Главное, она всегда была при нем!

При мысли о Катерине государь улыбнулся, но тотчас его лицо приняло грустное и печальное выражение. В этот момент Петру Алексеевичу на память пришло воспоминание с вторым дне этой проклятой лихоманки, когда ему стало совсем плохо. Тогда он даже решил собороваться [5] и призвал протоирея Надаржинского, [6] своего духовника. Государь злобно скривил губы, вспоминая о том случае и о том, как его придворные министры, вельможи и

сановники целых два дня колготились в соседнем от его спальни помещении, ожидая его кончины. Тогда этих людей очень беспокоило, кто же после него будет править Россией.

Но Бог тогда миловал и не забрал его к себе!

Рукавом ночной рубашки вытерев последние капли растаявшего снега с лица, государь Петр Алексеевич легким скользящим шагом поспешил вернуться с холода в теплые покои дворца. Наступал новый день и новые заботы, пора было приниматься за новые и завершать старые дела.

Лешка Макаров уже не первый день слезно просит его о встрече, жалуясь на то, что многие государственные дела лежат на столе без движения. Давно уже подготовлены ответы на письма друзей, европейских правителей, но их нельзя отправлять без его прочтения и подписи. А Петру Алексеевичу все было недосуг, он был очень занят другими не менее значимыми делами. Нет, чтобы найти время и посидеть вместе с Лешкой, поразмыслить над всеми этими письмами и государственными делами, дать им всем ход. К тому же сегодня был особенный день, Петр Алексеевич наконец-то должен был окончательно решить, поедет ли он или не поедет с новым вторым посольством в страны Европы. Недавно умер старый французский король-солнце,^[7] Людовик XIV, процарствовавший семьдесят два года. У Петра Алексеевича появился реальный шанс нанести государственный визит во Францию и посетить Париж,^[8] в котором ему еще не приходилось бывать.

А что касается встречи с придворным секретарем Алешкой Макаровым, то, проходя коридором мимо денщицкой комнаты, он просунул голову в дверь и грозно рявкнул:

— Лешку Макарова ко мне!

Алексей Васильевич Макаров, белокурый и приятный, но с неприметным лицом, вологжанин, которому в эту пору исполнилось сорок один год, но он выглядел моложе этих лет, находился на своем рабочем месте. Он внимательно следил за тем, как восемь писарей, не отрывая голов от столов, старательно скрипели гусиными перьями, набело переписывая деловые и государственные бумаги. В этот момент Макаров размышлял о том, что сегодня государь Петр Алексеевич его обязательно к себе призовет, но нисколько при этом не волновался и заранее не готовился к встрече с государем.

В далеком прошлом остались времена, когда он, тогда еще молодой паренек, только что приступивший к придворной работе подьячим, который ничего не знал о государственных делах, заранее, долго и мучительно готовился к своим первым встречам с государем Петром Алексеевичем. С тех пор прошло более десяти лет, которые он проработал самим придворным секретарем русского государя. Эти годы позволили Алексею Васильевичу хорошо изучить нрав и характер государя, чтобы хорошо знать, какие вопросы он будет задавать во время той или иной встречи. К тому же сегодня Алексей Васильевич уже многое знал, многому научился в своей бюрократической работе и к Петру Алексеевичу ходил всегда готовым ответить на любой государев вопрос или подковырку.

Появление государева лакея Полубоярова, принесшего весть о том, что государь ждет его с государственными бумагами в токарной комнате, Алексей Васильевич Макаров внешне воспринял совершенно спокойно. Хотя вызов в государеву токарную нес в себе определенную неясность, там Петр Алексеевич обычно встречался и беседовал с глазу на

глаз с нерадивыми соратниками и напраказавшими друзьями. В ходе таких бесед он частенько брал в руки свою знаменитую и многим хорошо знакомую дубинку, которой прохаживался по плечам и спинам своих собеседников, приговаривая, чтобы не воровали и хорошо исполняли бы порученное дело. Одним словом, токарная комната Андрея Нартова была тем местом, где Петр Алексеевич мог спокойно, без свидетелей побеседовать со знатными придворными сановниками, персонами и соратниками, где никто не посмел бы побеспокоить государя.

Взяв в руки бювар с заранее подготовленными бумагами и документами, Алексей Васильевич Макаров поднялся с места и чинно зашагал вслед за государевым лакеем по дворцовым переходам. Сегодня в этом благопристойном государевом секретаре ни один служивый человек или сановный вельможа не смог бы признать того простолюдина Алешку Макарова, которого Алексашка Меншиков прислал работать к Петру Алексеевичу подьячим. Государь неплохо принял парнишку, слегка его приласкал и сделал его своим личным секретарем. Алексей Васильевич приложил все свои старания и прилежания, чтобы хорошо выполнять поручаемую ему работу, чтобы документы долго на руках не держать и отдавать в работу.

Государь заметил и высоко оценил его старания и еще в Прутскую кампанию возвел его в дворянское состояние, дал ему чин придворного секретаря, не забыв при этом поспособствовать ему у Федора Матвеевича Апраксина^[9] приобрести в собственность первое сельцо Богословское.

Первая же встреча Алексея Макарова с Петром Алексеевичем нечаянно произошла еще в далеком тысяча шестьсот девяносто третьем году, когда два молодых парня нос к носу столкнулись в темном коридоре воеводской канцелярии далекой Вологды. Молодой Петр Алексеевич случайно оторвался от своих сопровождающих и, честно говоря, запутался и совсем потерялся в этих непонятных переходах старого двухэтажного терема воеводской канцелярии. Он настолько отчаялся самостоятельно выбраться из этого чертового лабиринта, что остановился в растерянности в одном из переходов и начал оглядываться в полусумраке этого помещения.

Лешка Макаров краем уха, разумеется, слышал о том, что в их воеводской канцелярии, куда его недавно устроил работать отец, должен был бы появиться молодой московский государь.

Но в этом молодом и в таком длинноногом парне, одетом в потертое иноземное платье, который стоял и озирался в одном из переходов канцелярии, московского государя он так и не признал. Да и как можно было бы признать царя в этом простом и высоком, крепкого телосложения парне?! У него было круглое лицо с несколько суровым выражением глаз, темными бровями и волосами, коротко стриженными и курчавыми. Ничто во внешнем облике этого парня и манере держаться не говорило и не указывало на то, что у него царское происхождение. Молодой великан бежал по коридору канцелярского терема и, широко размахивая руками, буквально всем своим телом врезался в молодого писца, едва не снеся его с ног.

Петр Алексеевич искренне обрадовался неожиданной встрече в темном переходе терема, помог молодому вологжанину оправиться от внезапного столкновения, одновременно интересуясь, как можно выбраться из этого чертового лабиринта переходов. Алешка в нескольких словах объяснил, где находится выход, но на всякий случай этого длинноногого парня даже проводил до выхода. Во время прохода по коридорам терема

канцелярии парень поинтересовался Алешкиной родословной и работой, которой занимался. Особо не вдаваясь в подробности, Алешка Макаров успел незнакомцу рассказать о своей семье, о своей жизни в Вологде и о начале работы писарем в воеводской канцелярии.

Петр Алексеевич уже тогда был приятно удивлен немногословному, но весьма толковому и вполне ясному рассказу этого молоденького вологодского паренька. Да и сам парень, его простота в общении, государю импонировала. Петр Алексеевич обычно никогда не проходил мимо таких парней, всегда обращая на них внимание, приближал их к себе, передавая им в заботу какое-либо государственное дело. Но встреча с вологжанином оказалась неожиданной и слишком мимолетной, да и государь в то время еще не знал, в каком качестве и в каком деле мог бы употребить вологжанина Лешку Макарова, поэтому при первой встрече не сделал ему прямого предложения.

А Лешка едва не свалился в обморок, когда на выходе из терема воеводской канцелярии узнал, что он встретил, провожал и на равных беседовал с самим московским царем. А если принимать во внимание манеры того времени, то с государем Алешка повел себя крайне непочтительно, не кланялся ему в пояс и не целовал рук, за что его должны были бы подвергнуть суровому наказанию.

Петр Алексеевич умудрился-таки запомнить эту неожиданную встречу и интересный разговор с забавным вологодским пареньком, он высоко оценил остроту его ума, лаконизм и ясность языка. В те времена такие люди, как Лешка Макаров, были большой редкостью, поэтому государь постарался не упустить его из вида, приказав Алексашке Меншикову забрать паренька из Вологды и принять Лешку Макарова на службу в свою ингерманландскую канцелярию.^[10]

Более десяти лет Макаров проработал в канцелярии у Меншикова, занимаясь ведением продажи рыбных ловель и собиранием поштин с конского поголовья. Вскорости наведя в этих запутанных денежных делах должный и полный порядок. Когда пошли первые денежки, благодаря стараниям вологжанина, то и Александр Данилович Меншиков стал к нему более внимательно присматриваться, думая о том, к какому бы еще делу этого умного паренька представить, чтобы больший толк от него был.

Петр Алексеевич время от времени вспоминал своего вологодского знакомца, интересовался у Алексашки Меншикова, как там его Алешка Макаров поживает и работает. Меншикову в свою очередь понравился лаконичный, сдержанный и деловитый стиль письма Макарова. Вскоре он понял, что этот парень настоящий талант в своем бумажном деле и бесценный кладезь ума, которому можно поручить любое бумажное дело. Алешке не надо было диктовать полный текст письма, а было вполне достаточным ему рассказать, что требуется отразить в том или ином письмеце, а Макаров уже сам грамотно его составлял и писал его именно в той манере, которая Меншикову и требовалась. Эта Алешкина самостоятельность, понимание мыслей собеседника и сама манера его работы во многом упрощала жизнь Меншикова, и в разговорах с государем он не раз ему благосклонно об Алешке отзывался.

Государь Петр Алексеевич постоянно путешествовал и разъезжал по стране и по европейским странам, месяцами не возвращаясь в столицу. У него постоянно не хватало

времени на встречи и на переписку с министрами, сенаторами, чтобы управлять своей державой. А существовавший в те времена государственный аппарат России был слишком громоздок и весьма медлителен в управлении страной и в осуществлении принятых государем решений.

Петр Алексеевич постоянно находился в движении, не любил подолгу сидеть в одном месте. В течение нескольких месяцев он мог совершить более ста деловых поездок. То государь отправлялся в глушь только что завоеванной Финляндии, осматривая корабельные сосны, то уезжал на Урал, где опускался в горные рудники. То вел переговоры с очередным немецким государем, то неожиданно в качестве туриста путешествовал по Богемским горам. Государь Петр Алексеевич был зело любопытен и по-юношески восторжен, чтобы упустить возможность и не побывать в том или ином интересном или достопримечательном месте.

И такие вот передвижения у него происходили и увеличивались из года в год. С начала своего правления Петр Алексеевич постоянно спешил и торопился жить, везде хотел побывать, все увидеть своими глазами. Он даже не умел чинно ходить, а везде постоянно бегал легкой трусцой или шел крупным и быстрым шагом. Причем темп его жизни из года в год только ускорялся, каждый раз появлялось множество новых дел, которые требовали к себе его постоянного внимания. Следует не забывать и того, что к этому времени государь еще не успевал управиться с некоторыми своими старыми делами.

И тогда Петру Алексеевичу потребовался специальный человек без особого гонора и претензий, который мог бы повсюду его сопровождать и, сам находясь в курсе государственных дел и проблемных вопросов, помогать ему заниматься государственными делами и вопросами, вести деловую и государственную переписку.

Однажды Петр Алексеевич сказал Алексашке Меншикову, что настало время Алешку Макарова приучать к государственному делу. Поэтому он отбирает у него Алешку и приближает его к своему двору, чтобы тот поначалу начал ведать и приводить в порядок его финансовые придворные дела, в которых он совершенно запутался. В старые времена такими делами его батюшки занимался тайный дьяк Демешка Башмаков. Петр Алексеевич несколько раз в досужее время забирался в отцовский архив, перебирая давно забытые дела. Каждый раз государь мысленно убеждался в том, что ему нужно учить Алешку Макарова с его прилежанием и старанием заниматься такими делами, чтобы и его финансы и переписку держать не в худшем состоянии.

Жалко было Алексашке Меншикову расставаться с хорошим писарем, счетчиком и работником, подьячим Макаровым, но что поделаешь, ведь нельзя идти противу воли Петра Алексеевича из-за какого-то там писаришки.

Таким образом, пятого октября тысяча семьсот четвертого года Алешка Макаров перешел на работу мелким подьячим государева двора с окладом в триста червонцев в год. Ему было поручено вести и отвечать за денежные расходы самого государя Петра Алексеевича, что подразумевало их частое общение и разговоры.

Мало кто из придворных вельмож и сановников в те времена обратил внимание на появление рядом с Петром Алексеевичем этого молоденького блондина, застенчивого простолюдина с русского севера.

А паренек с раннего утра и до поздней ночи просиживал за столом, установленным рядом с кабинетом государя, и, скрипя гусиным пером, прикусывая нижнюю губу, выводил итоги царских расходов. Как и сам государь, Алешка Макаров работал без усталости и какого-либо отдыха дни напролет, с полной отдачей сил и своих талантов.

Петру Алексеевичу, бесспорно, нравились его спокойствие, уравновешенность, благоразумие и пунктуальность в исполнении своих поручений. Постепенно он начал поручать своему молодому секретарю все более и более ответственные дела, брать его в свои поездки. К тому же Петр Алексеевич все больше и больше доверял этому юноше, на его глазах взрослеющему, набирающемуся опыта и становящемуся уравновешенным и дальновидным государственным чиновником. Этот чиновник в короткое время добился того, что государственные дела перестали застаиваться, а продвигались вперед с положенной скоростью.

Во время Прутской экспедиции тысяча семьсот одиннадцатого года, когда русская армия оказалась ста двадцатью тысячной турецкой армией придавлена к Пруту и полностью окружена, именно Алешка Макаров сумел наладить курьерскую службу, через посредство которой Петр Алексеевич мог управлять Россией. Прутское сидение, насколько это было возможно, сблизило этих двух столь совершенно разных по характеру людей, сделало их друзьями и приятелями.

По возвращению в столицу Алешка Макаров предстал перед государевыми придворными в новом качестве «особо доверенного лица» Петра Алексеевича, когда ни одно письмо, ни один вопрос, ни одна государственная проблема не решалась без его слова или его участия.

Полубояров довел Алексей Васильевича Макарова до дверей токарной комнаты государя Петра Алексеевича и тут же с ним расстался. Не попрощавшись с Макаровым и не предупредив Петра Алексеевича о прибытии придворного секретаря, он повернул за угол коридора и растворился в сумраке дворцового перехода.

Свою придворную жизнь великий государь строил весьма по-простому принципу, он не любил дворцовых этикетов, протоколов и политесов. Если ты пришел поговорить с царем, то сразу же заходи в кабинет и начинай деловой разговор, а если тебя вызвали, то садись в кресло и слушай то, что тебе государь расскажет, после чего ты должен тут же сломя голову, бежать и выполнять его поручение. При своих великих дарованиях Петр Алексеевич тянулся ко всему на свете, брался за все, не пренебрегая самыми простыми работами, а потому и знал все то, что нужно было знать солдату, матросу, токарю, корабельному плотнику, бомбардиру, артиллеристу, инженеру. Он и с разными людьми умел по-разному разговаривать в зависимости от того, какое социальное положение эти люди занимали. С бомбардирами разговаривал, как знающий бомбардир, а с солдатами, как бывалый старый вояка. При этом он не притворялся и не играл ролей, как в театрах на сценах, а на период разговора он действительно превращался в настоящего и знающего бомбардира или пехотного солдата.

За это его и любили и одновременно не любили, но простые люди его в разговорах хорошо понимали!

Только со своими соратниками, приближенными и друзьями Петр Алексеевич общался так, словно он до зрелого возраста оставался наивным маленьким ребенком с дитячьей жизнерадостностью, потребностью услышать чье-то мнение и простотой обращения.

Алексей Макаров еще раз ощупал и оправил свой камзол, поправил парик на голове и,

не стуча в дверь, прошел в государеву токарную комнату. Нартова там не оказалось, а Петр Алексеевич работал на токарном станке, правой ногой качая педаль привода суппорта, обеими руками придерживая долото для резьбы по дереву. Государь был сильно увлечен работой и не обратил внимания на появление Алешки Макарова. Даже не повернул головы в его сторону.

Но Макаров хорошо знал, что его все-таки заметили, поэтому и повел себя, таким образом, хорошо понимая, что было можно и что было нельзя ему сейчас делать. Недаром же он столько лет бок о бок провел работая с государем Петром Алексеевичем, завоевывая его уважение и расположение. Алешка прошел к письменному столу, притулившись у окна, удобно расположившись на одном из деревянных стульев с высокой спинкой. Также спокойно и не торопясь он раскрыл бювар и выложил на стол десяток писем, с которыми Петру Алексеевичу следовало бы сегодня ознакомиться и подписать.

Сложив руки на животе, Алексей Макаров, слегка прикрыв глаза веками, стал ожидать, когда государь обратит на него внимание и можно будет начать разговор. Сегодняшний разговор с государем был особым случаем, речь пойдет о делах русских в Северной войне и отношениях с европейскими соседями, поэтому нужно было набраться терпения, когда Петр Алексеевич созреет для этого разговора и проявит нетерпение. Внутренне Алексей Васильевич волновался, но виду не показывал.

Петр Алексеевич продолжал на станке точить деревянную деталь.

В кои времена он обещал Антошке Девиеру^[11] выточить для него шахматные фигуры, да все времени у него было недосуг. Сегодня он выкроил пару часов на эту работу, но работа с самого начала не клеилась. Государь постоянно штангенциркулем производил измерения точимой фигуры и постоянно неодобрительно покачивал головой. Алексей Макаров по-прежнему сидел на стуле, оставаясь спокойным, подобно степному истукану. Он был хорошо осведомлен, что Петр Алексеевич работы не бросит, пока ее не выполнит, но разговор с ним может начаться гораздо ранее.

В какой-то момент государь повернул голову через плечо и, бросив короткий и оценивающий взгляд на Алешку и ничего не сказав, снова вернулся к работе на токарном станке.

Алексей Васильевич, не ожидая дальнейших распоряжений, заговорил негромким голосом, но именно такого тембра и высоты, чтобы государь Петр Алексеевич мог его хорошо слышать в шуме работающего станка. В нескольких словах он рассказал о последних столичных новостях и слухах, а затем коротко перечислил письма, принесенные государю на рассмотрение и подпись. Когда Петр Алексеевич нетерпеливо передернул плечом, показывая, что это его мало интересует, то Алексей Васильевич таким же спокойным и размеренным голосом заговорил о более серьезных вопросах и государственных делах.

Приятным баритоном Алексей Васильевич перечислил три главные проблемы, в то время стоявшие перед российским государством, которые он хотел бы поднять в разговоре с государем. Он сообщил, что только что получил сообщение от придворного доктора, в прошлом ноябре отправленного за границу для консультаций с европейскими медицинскими светилами по поводу лечения государевой болезни. В своем письме доктор проинформировал о том, что, по мнению немецких и голландских медиков, Петру Алексеевичу нужно срочно отправляться на лечение в некий городишко Пирмонт, расположенный вблизи Ганновера. Там бьют источники минеральной воды, которая по

своему составу мягче вод Карлсбада,^[12] где последнее время лечился государь. По мысли европейских медиков, эта минеральная вода окажет более благоприятное воздействие на состояние здоровья московского государя.

Петр Алексеевич продолжал работать на токарном станке, но по его внезапно напрягшейся спине Алексей Васильевич понял, что государь не пропустил мимо ушей ни единого его слова о Пирмонте. Эта лихотанка очень беспокоила Петра Алексеевича и его близких друзей, так как она в последнее время все чаще и чаще случалась и это всегда происходило в самый неподходящий момент его жизни. С каждым разом Петр Алексеевич все с большим трудом ее переносил и от нее отходил. Ни один придворный медик или европейское медицинское светило так и не смогли установить, что это за лихотанка,^[13] установить причину ее возникновения и объяснить, как от нее следовало бы лечиться.

В одну из ночей Прутского сидения Петр Алексеевич поделился в кругу друзей воспоминаниями о днях своей молодости и истории борьбы за русский престол с сестрой Софьей. Рассказывая о тех временах, он вспоминал об ужасах и страхах, которые испытывал в ночь с седьмого на восьмое августа тысяча шестьсот восьмидесятого года.^[14] В ту ночь из-за угрозы нападения стрельцов ему пришлось нагишом бежать из Москвы в Троице-Сергиев монастырь. После событий той памятной ночи у него впервые случилась такая лихотанка, с которой сегодня ни один европейский медик не может справиться.

Легким кивком головы Петр Алексеевич подтвердил, что хорошо слышал о Пирмонте, одновременно тем же кивком позволяя Алешке далее вести свой разговор. Алексей Васильевич перешел ко второй части своего доклада государю. Он заговорил о предстоящем замужестве Катерины, дочери Ивана Алексеевича,^[15] государева сводного брата. После смерти брата Петр Алексеевич остался пребывать в отличных отношениях с вдовой царицей Прасковьей. Да и царица имела к нему особое расположение, доверив ему под опеку обеих своих дочерей Анну и Катерину, разрешив их выдавать замуж во благо государственных интересов, укрепления родственных связей с Германией.

В семьсот девятом году Анна была выдана замуж за герцога Курляндии, правда, на следующий день после свадьбы став вдовой. Семидесятилетний супруг, пожелав во всем соответствовать русской супруге, во время свадебного пиршества переусердствовал с водкой и на следующее утро помер из-за такого излишества. Старшую же Катерину, которой недавно исполнилось двадцать четыре года, было решено отдать замуж за герцога Мекленбурга, чье небольшое герцогство лежало на побережье Балтийского моря, между Померанией, Бранденбургом и Гольштейном.

Герцог Мекленбург-Шверина, Карл-Леопольд,^[16] в глазах великого северного правителя Петра Алексеевича хотел выглядеть отменным германским правителем, по-немецки практичным и обстоятельным. Он уже давно прислал обручальное кольцо и официальное письмо с предложением руки и сердца любой из дочерей Ивана Алексеевича. Герцог считал, что поступил очень галантно, оставив в письме пропущенным место, куда русские сами могли бы вписать имя любой из этих двух девушек на выданье.

Не повышая голоса, Макаров говорил о том, что герцог Карл-Леопольд в глазах своих

соседей и подданных был настоящим шутом гороховым. Он был совершенно невоспитанным человеком, наглецом и хамом по своей натуре, полным невеждой и отвратительным правителем. Народ герцогства его ненавидел, а с дворянами он настолько испортил отношения, что те начали поговаривать об его насильственном устранении с престола и изгнании. Именно поэтому Карл-Леопольд, чтобы выжить, сильно нуждался в покровительстве европейского государя, сильного мира сего. Случилось так, что в тот момент совпали интересы двух столь разных сторон. Россия, которая все еще продолжала военные действия со своим северным соседом Швецией, срочно нуждалась в базе для размещения войск и в порте для флота в Южной Европе, чтобы блокировать Швецию. Тут под руку этой великой стране попадает этот паршивый немецкий герцог, который в своем герцогстве имел и то и другое.

Когда Карл-Леопольд едва только услышал о благих намерениях русского царя выдать за него одну из своих царевен, то он обеими руками ухватился за уникальный шанс удержаться у власти в своем герцогстве. На сегодняшний день проблема на три четверти разрешена, Катерина отобрана в качестве невесты этого немецкого герцога, договор с герцогством Мекленбург о размещении русских войск на его территории и об использовании гаваней герцогства русским флотом словами начертан и Петром Алексеевичем одобрен. Оставалось только сыграть свадьбу Карла-Леопольда и Катерины, подписать договор о дружбе, подготовить и направить в герцогство Мекленбург-Шверин русский экспедиционный корпус.

В этом месте Алексей Васильевич сделал короткую паузу, внимательно наблюдая за спиной Петра Алексеевича, ожидая замечания или дополнения своим словам. Он государю только доложил тайную информацию, которая была собрана его европейской агентурой. Ни один человек во дворце не знал и не ведал о том, что этот незаметный царский чиновник, подьячий Алексей Макаров, помимо секретарских дел занимается добычей и хранением такой тайной информации. О его деятельности в этой области знали только государь Петр Алексеевич и князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский.^[17]

Но государь продолжал увлеченно работать на токарном станке, не выказывая ответной реакции на слова своего придворного секретаря. Макаров легонько перевел дух, только что этим своим «невниманием» государь Петр Алексеевич подтвердил, что придворный секретарь Алексей Макаров правильно проработал этот вопрос.

Далее Алексею Макарову предстояло затронуть другой очень важный вопрос о стратегическом союзничестве России в Северной войне, чтобы войну завершить наискорейшим образом.

Не меняя высоты звучания голоса, Алексей Васильевич заговорил о том, что к этому году положение России в Европе качественно изменилось. До недавнего времени европейские державы к этой стране относились как к бедному родственнику с тяжелым боярским прошлым. Сегодня Россия поднялась на ноги и, пойдя по пути превращения в великую державу, начала на равных строить отношения с европейскими государствами. Первым шагом на пути из патриархально-нищенского прошлого стало направление великого русского посольства в страны Европы, в ходе которого русские учились современным

ремеслам и наукам. Именно в те годы Россия вступила в антишведские союзнические отношения с Данией, Речью Посполитой, Саксонией, обязавшись начать войну со своим в то время великим северным соседом, Швецией.

В этот момент Алексей Васильевич обратил внимание на то, что Петр Алексеевич стал меньше уделять внимания работе на токарном станке, начал более прислушиваться к его словам.

А он продолжал говорить о том, что во времена своей первой европейской поездки государь Московского царства Петр Алексеевич, определяя стратегического партнера русской державы, сделал ставку на русско-английские отношения. Он полагал, а в этом его уверяли и сами англичане, что развитие подобных отношений всенепременно приведет к заключению торгового и политического соглашения России с Англией. Однако договор и по настоящее время не подписан, переговоры по нему даже не начинались. Несмотря на то что русский государь сохранил свое искреннее желание подписать с Англией такой дружеский договор, то со стороны англичан наблюдается другая, противоположного толка картина.

Что же такого за это время произошло с владычицей морей, почему англичане изменили своим первоначальным намерениям?

Вывод напрашивался сам собой, англичане испугались стремительного развития, прогресса и возвышения России, ее превращения в великую державу и той роли лидера, которую Россия начинает играть в Европе. Англия со своего острова самым внимательным образом наблюдала за ходом Северной войны, всеми силами, дипломатическими и разведывательными, стараясь не допустить усиления любой из сторон этого противоборства, оставляя за собой право третейского арбитра или главной европейской державы.

Англичане сумели моментально разобраться в сути того, что произошло между шведами и русскими под Полтавой. Рассматривая Полтавское сражение как стратегический перелом военных действий в сторону одной из участниц конфликта, они пришли к выводу, что в этом сражении победила Россия. С этого времени Англия начала предпринимать дипломатические шаги и проводить скрытые операции своей агентуры, направленные на ослабление позиций России. Иными словами, доселе «дружественные англичане» начали вставлять палки в колеса российского политического и военного прогресса. Сохраняя улыбки и дружеское снисходительное похлопывание по плечу, продолжали с русскими дипломатами пустые разговоры о мире и о дружбе.

Алексей Макаров сделал короткую паузу и продолжил излагать Петру Алексеевичу свое понимание политической ситуации в Европе, стараясь особо не углубляться в рассказ об имевших уже место событиях, которые Петр Алексеевич наверняка хорошо помнил. Государь Петр Алексеевич также продолжал хранить молчание, работая на токарном станке. Обычно государь в разговорах с Алешкой много балагурил, делал едкие и критические замечания, высказывал личное мнение, а сейчас за время разговора он еще не соизволил произнести ни единого слова. Это было несколько странновато и на обычное поведение государя совершенно не походило.

Нутром Алексей Васильевич чувствовал, что высказываемые им вслух мысли затронули важные государственные проблемы, которые сильно беспокоили государя Петра Алексеевича. И что все то, о чем он говорил, в определенной мере совпадало с потаенными мыслями Петра Алексеевича по данной тематике. А сейчас очень походило на то, что государь с внутренним нетерпением ожидал продолжения рассказа, а также выводов и умозаключений Алешки, чтобы свериться со своими мыслями, выводами и предложениями

по этому поводу.

Ярким свидетельством не очень-то приятельского поведения англичан по отношению к России, по мнению Алешки Макарова, стал один факт. В октябре сего года была подписана союзническая антишведская конвенция в Грейфсвальде. Со стороны англичан конвенцию подписал ганноверский курфюрст Георг I,^[18] который к тому времени уже стал английским королем. Смысл конвенции заключался во взаимных гарантиях сторон территориальных приобретений Россией Ингрии, Карелии, Эстляндии, а государством Ганновер — герцогств Бремен и Верден. Как выяснила русская европейская агентура Алешки Макарова, как только оба герцогства вошли в состав курфюршества Ганновер, то английский парламент категорически отказался ратифицировать конвенцию. Таким образом, Англия запретила Ганноверу исполнять союзнические обязательства в рамках этой союзнической конвенции, косвенным образом отказываясь от идеи вступления в политические отношения с Россией. Практически отказав ей в признании ее завоеваний в шведской войне, тем самым она нанесла великой российской державе смертельную обиду и оскорбление.

Петр Алексеевич прекратил работать на токарном станке и, не перебивая мыслей своего придворного секретаря, тихо от него отошел, чтобы присесть на стул напротив Алексея Васильевича. Достав свою любимую голландскую курительную трубку с длинным мундштуком, он из кисета достал щепоть табаку и с видимым удовольствием стал набивать им трубку. Набив трубку, он не стал ее раскуривать, а взяв в рот и облокотившись о стол, продолжил с задумчивым выражением лица внимать словам своего секретаря. Алешка затронул слишком серьезные государственные проблемы, чтобы не обратить на них своего государева внимания.

Далее же Алексею Макарову предстояло говорить о том, чего еще не было и что только должно было бы случиться, о своих мыслях по этому поводу. Он прекрасно понимал, что рассказывать великому государю о том, какие последствия в будущем будет иметь тот или иной его шаг на политической арене, это весьма рискованное дело. Легко можно было положить свою голову на плаху под топор палача. Петр Алексеевич был всегда скор с такими решениями, много голов уже порубил палач, да и он сам собственноручно. Но сейчас речь шла о будущем России, ради великого будущего своей родины можно было бы положить под топор палачу и свою буйную голову. Алексей Васильевич внимательно, но с некоторой тревогой в душе взглянул в государевы глаза, боясь в них увидеть тлеющий огонек недоверия или злоехидства. Но, сколько бы он ни вглядывался в государевы глаза, ничего, кроме глубокой заинтересованности, в них нельзя было рассмотреть.

Уже давно государь Петр Алексеевич обратил свое внимание на некоторую особенность аналитического ума своего придворного секретаря. Дай тому волю, так он был способен по полочкам разложить любую ситуацию, на убедительных примерах показать, что и из чего вытекает. Умственно доказать и показать, кто и почему заинтересован в принятии того или иного его царского решения. Часто было приятно его слушать, что то или иное твое решение было действительно направлено на державную пользу и во благо народа, а иногда бывало так стыдно, когда Алешка говорил, что принятое им решение было на одну только пользу Ивану Демидову.

Государю Петру Алексеевичу нравилась и одновременно не очень-то нравилась эта черта характера и склад ума своего Алешки Макарова, придворного писаришки. Поначалу государь умственные завихрения Алешки совершенно не воспринимал, не обращал на них внимания. Драл того неоднократно за вихры белобрысы для острастки, чтобы тот не совал

своего простолюдинского носа не в свои дела, когда тот доставал его вопросами, как и на какие такие дела были истрачены те или иные денежки. Но вскоре государю понравился порядок, который Алешка навел в его денежных вопросах. Придворный секретарь самым аккуратным и скрупулезным образом записывал царские затраты, вписывая в тетрадки, куда и на что была истрачена каждая полушка.^[19]

Но однажды, когда Алешка, будучи в ранге придворного секретаря,^[20] намекнул Петру Алексеевичу о грозящем предательстве со стороны его закадычного друга и приятеля Августа II^[21] Сильного, тот ему не поверил и едва не прошелся своей верной дубинкой по спине придворного чиновника, сунувшего нос не в свое дело. Но по прошествию времени, когда данное предательство саксонского курфюрста действительно имело место, то Петр Алексеевич своего Алешку Макарова мысленно из разряда слуг перевел в разряд доверенных людей и стал более прислушиваться к тому, что тот говорил. Он переговорил с князем-кесарем Федором Юрьевичем Ромодановским и вежливо попросил того, чтобы тот более внимательно присмотрелся к Алешке Макарову, направлял бы его по божьему пути истинному.

После долгого и плодотворного общения Ромодановского с Алешкой и после Прутского сидения^[22] Петр Алексеевич самоличным указом Алешку Макарова из разряда простолюдинов перевел в дворянское сословие, а также ввел в ближнюю группу соратников и государевых друзей, служению и делам которых особо доверял. И надо честно признать, что не пожалел, сделав это, Алешка оказался неплохим организатором и за короткое время сумел создать писарскую группу под началом Ваньки Черкасова, которая занялась всей государевой перепиской. А также набрал тройку хватких парней, которые в России практически не бывали, постоянно находились в разъездах по европейским странам. Чем они там занимались, даже Петр Алексеевич не знал, но вот уже лет пять он из Европы получал качественную и весьма полную информацию.

Время от времени проводимое дранье вихров, которое, по мнению Петра Алексеевича, всегда на великую пользу шло верным слугам и соратникам, помогло и Алешке в скором времени превратиться в умного царедворца. Этот молодой хитрец быстро освоил секретарскую работу и стал великолепно, без замечаний ее выполнять. Правда, Алешка стал гораздо более осторожным в своих высказываниях, более скрытным, чем ранее был. В иных случаях, когда Петру Алексеевичу срочно требовались его молодая мысль или скорый совет, он просил время на сбор дополнительной информации и подготовку ответа.

Тем не менее, этот придворный секретарь своей манерой работы и манерой исполнения его приказов Петру Алексеевичу нравился, постепенно он к нему привыкал. До многих дел Алешка самостоятельно своей головой доходил, только намекни ему, в чем проблема, а вскорости он уже бежит к тебе со своим предложением решения этой проблемы. Все чаще приватные доклады придворного секретаря о работе кабинета или об отношении России с европейскими государствами превращались в дружеский обмен мнениями.

Частенько Петр Алексеевич, давая или объясняя Алешке Макарову новое поручение или задание, терпеливо ожидал, когда тот выполнит и доложит, как выполнил поручение. Потому что знал и был полностью уверен в том, что тот приложит все свое старание, выполняя данное поручение по возможности наиболее быстрыми темпами. Вскоре государь Петр Алексеевич оставлял за Алешкой право самостоятельно вершить большинство мелких кабинетных дел, временами информируя его об общем состоянии дел. Причем Алексей

Васильевич твердо знал меру и границы своих дозволенностей, никогда не переходил их, никогда даже не касался тех дел, которые Петр Алексеевич один только вправе был решать.

Сейчас же высказываемые Алешкой мысли о положении России в Европе были во многом созвучны государевым мыслям, правда, кое в чем они различались. Но это происходило из-за того, что Алешка по своему малому придворному чину о некоторых делах ничего не мог знать. Но в большинстве своем его действия и мысли были истинно правдивыми, потому толковыми и ценными для государя.

Ведь, а это действительно было правдой, когда Алешка говорил, что европейцы имеют много хороших качеств и дарований, толковы в ремеслах и торговле, в которых России стоило брать пример и науку. Прав он был и в том, что касаясь политики, в которой европейцы, особенно англичане, хотят чужое добро загребать чужими же руками, не делаясь при этом ни с кем ими присвоенными чужими же завоеваниями.

Сегодня Европа мечтает о том, чтобы взнудать, обуздать и под свое седло приспособить поднимающуюся на ноги молодую великую державу, заставить ее отказаться от своих польз и выгод, полученных победами ее войск над шведами в Северной войне. Но виктория русской армии под Полтавой изменила расстановку политических сил в Европе. Если ранее Россия была рядовым участником Северной коалиции, пажом на побегушках у европейских стран, то сегодня она превратилась в сильную державу с боеспособной армией и флотом, в руководящую и ведущую силу новой антишведской коалиции. Теперь не ей подсказывают, с кем стоит входить или не входить в коалицию, а она сама решает, кто из европейцев ей более подходит или не подходит для продолжения войны со Швецией.

После высказанных Алешкой мыслей, у Петра Алексеевича росло все большее убеждение в том, что ему войска следует отправить в Померанию, чтобы окончательно сломить дурное упрямство Карла XII на побережье Балтийского моря. Что России следует продолжить формирование новой антишведской коалиции, обращая большее внимание на Пруссию и ее короля Фридриха Вильгельма I,^[23] который с пониманием отнесся к российским позициям и не раз публично выступал в их поддержку.

А Алешка уже говорил о том, что в результате действия русских войск шведы будут изгнаны из Германии, а державы-участницы новой антишведской коалиции приступят к планированию десантирования своих войск на шведскую территорию. Подобные действия России, по мнению Макарова, заставят самих шведов задуматься о том, не настало ли время с Россией прекращать войну, и они начнут готовиться с ней подписать мирный договор.

Еще раз убедившись в том, что Петр Алексеевич ждет продолжения его рассказа, Алексей Васильевич набрался духа и храбрости, чтобы заговорить о том, что следующий одна тысяча семьсот шестнадцатый год станет годом наибольших военных побед и дипломатических успехов России. В состав руководимой Россией антишведской коалиции будут вовлечены Речь Посполитая, Саксония, Пруссия, Ганновер, Дания. Что благодаря формированию этой коалиции Швеция окажется в изоляции и будет отрезана от границ стран, ее поддерживающих. Русские войска начнут господствовать на южном и восточном побережье Балтийского моря, от Улеборга^[24] до Копенгагена. Русский флот после победы над шведами при Гангуте превратится в господствующую силу на Балтике. Установление

родственных связей с герцогом Мекленбург-Шверина, с этой свиньей в образе человека, позволит России заключить с его герцогством договор и расквартировать русские войска на его территории, русский флот начнет свободно пользоваться гаванями этого герцогства.

Но именно тогда, Алексей Макаров особо выделил и подчеркнул, что эти действия России заставят «королеву морей» Англию предпринять определенно-конкретные антироссийские действия. Ее дипломаты и тайные лазутчики начнут работу по разрушению только что сформировавшейся антишведской коалиции, сорвут вторжение коалиционных войск в Швецию. Под её непосредственным влиянием датский король потребует вывода русских войск из Дании. Англия потребует вывода русских войск из Мекленбурга, а в Ганновере вскипят антироссийские настроения.

Пока Алешка Макаров докладывал государю видение аналитиками его тайной службы возможного развития событий в Европе на ближайшее будущее, Петр Алексеевич достал кресало и кремень. Парой быстрых и крепких ударов высек длинную искру, поджигая фитиль, от которого прикурил трубку. Через мгновение он снова был полное внимание, слушая умные мысли своего Алешки, мерно попыхивая курительной трубкой.

Тем временем Алексей Макаров говорил о том, что шведский король Карл XII под влиянием своей фаворитки фрейлины Язи Мнишек постепенно приходит к мысли о том, что Швеции необходимо вступать в переговоры и заключать мир с Россией. Но он хотел бы при содействии России вернуть часть утерянных шведских территорий, отошедших Дании и Ганноверу. Россия и Швеция начнут первые секретные контакты и переговоры, которые будут близки к завершению, но случайная гибель Карла XII в Норвегии сорвет их успешное завершение. К власти в Швеции придет проанглийская партия, которая проголосует за продолжение войны с Россией, Северная война продлится еще несколько лет. Финансируемая Россией партия патриотов проиграет эти выборы из-за глупости некоторых русских дипломатов.

Услышав последние слова, Петр Алексеевич поднял голову, взгляд своих круглых глаз он так вперил в Алешку, сейчас он очень хотел услышать, кто этот идиот из его окружения и как долго будет продолжаться эта проклятая и, казалось бы, такая нескончаемая война. Но в этот момент Алексей Васильевич говорил с закрытыми глазами, поэтому не заметил этого страстного и столь вопрошающего взгляда своего государя. Он продолжил высказывать мысли о будущем родной державы, говорил о том, что в следующем году «владычица морей» перестанет соблюдать свой так никогда и не объявленный «нейтралитет» по отношению к России, а открыто перейдет на антироссийскую позицию.

Таким образом, Россия окажется в положении державы, которая будет вынуждена начать пересматривать свои позиции по отношению к Англии, отказаться от идеи союзничества с нею и начать поиски нового стратегического европейского партнера. В следующем году судьба явно будет благоволить великому государю России Петру Алексеевичу, его намерениям открыть отношения с далекой Францией. В сентябре этого года скончался французский король Людовик XIV, который в своей государственной политике в основном ориентировался на союзнические отношения со Швецией.

В управление Францией в качестве регента^[25] вступил герцог Филипп Орлеанский,^[26] младший брат Людовика XIV, который, в принципе, с симпатией воспринимает реформаторские изменения в российском государстве. Придя к власти, регент разрешил многим французским ремесленникам отправляться в Россию и искать там счастья и богатства, а двадцати русским дворянам даже позволил перейти на французский флот

гардемаринами.

Эти события и отношение регента к России в какой-то мере будут содействовать большему сближению обоих государств. В любом случае Франция сегодня уже не та, что была при короле Людовике XIV, некоторые ее дипломаты уже ведут подготовительную работу по возможному приглашению русского государя в свою великую страну, а главное, это государство сегодня в своей европейской политике реально противостоит туманному Альбиону.

Когда Алексей Васильевич сделал небольшую паузу в своем рассказе, то государь Петр Алексеевич не выдержал своего столь долгого молчания и обратился к Алешке с вопросом:

— Слушай, мил человек, похоже, ты хочешь меня убедить в том, что Англия — плохая союзница, а Франция будет нашим лучшим другом? Так в этом меня убеждать не надо. Что касается Англии, то я это на собственном горбу испытал. А что касается Франции, то я не совсем убежден в прозорливости твоей службы, Алешка. Ведь Европа только о своей выгоде и пользе печется, ей до России совершенно нет никакого дела. Только приставив к ее груди солдатский багинет, она начнет тебя признавать и уважать. А когда разворачиваешься к ней спиной, то гляди, она сама готова свой багинет тебе в спину ткнуть. Так что политика, как говорят сами французы, дело дерьмовое и лучше от нее подальше держаться, а то можно здорово испачкаться, да и запахом смрадным от нее сильно несет. Ты, Алешка, лучше поясни мне, дубине стоеросовой и бестолковой, что ты имел конкретно в виду, когда о Франции говорил? — Петр Алексеевич сделал очередную затяжку курительной трубки и выпустил изо рта ароматное облако дыма.

— Государь мой, Петр Алексеевич, я только хотел сказать, что в следующем году тебе обязательно нужно съездить в Париж и поближе познакомиться с французами. Герцог Филипп, нынешний правитель Франции, в своем недавнем письме на твое имя, я ему ответ еще не отписал, дал понять, что он с радостью примет твое величество в своей столице и окажет тебе истинное французское гостеприимство. Это означает, что французам сегодня чего-то от нас тоже надо, иначе они тебя сами бы не приглашали, государь. Да и тебе было бы полезно пройтись по их Парижу, увидеть Францию и ближе познакомиться с французами. Посмотреть, как их можно было бы против англичан использовать. Ведь они с ними на ножах постоянно находятся. Только недавно друг с другом воевали за Испанское наследство. Так что думай и решай, государь, когда снова в Европу отправишься? На апрель мы договорились Катерину Ивановну за Карла-Леопольда выдавать, да их свадьбу играть, в июне тебе в Пирмонт на минеральные воды съездить требуется, здоровье подправить. А после этого ты свободен и может во Францию смотаться.

— Хватит, Алешка, на меня давить и своего требовать. Хочешь меня в Европу отправить, так и быть по сему. Поеду я в Европу и скоро поеду. Катьку замуж выдадим и на водах Пирмонта полечимся. Но ты, мил сударь, больше думай о Франции, что с ней будем делать. Хорошо будет, если нам удастся ею англичан попенять, пострацать, к пониманию привести, что не только они самые важные в Европе. Франция может стать важным пунктом нашей европейской поездки. А снова по Европе мы должны так проехаться, чтобы все европейцы поняли, что перед ними новая Россия, а не старая боярская патриархальная Московия. Ты лично, Алешка, будешь за организацию поездки во Францию и за трату там денег отвечать, поденный дневник вести будешь, а также будешь мне готовить информацию о людях, с которыми будем встречаться. Но на твоих плечах остается вся державная и деловая переписка, так что заранее готовь своих кабинет-курьеров. Приготовленные бумаги

оставь, опосля посмотрю и что надо подпишу. А сейчас иди прочь, найди и позови Нартова, мне надо обещанные Антошке Девиеру шахматы завершить точением, а все некогда. Пускай он и доточит.

Только Алексей Васильевич поднялся со стула и отправился к выходу из государевой токарной комнаты, как за спиной снова послышался голос Петра Алексеевича:

— Слушай, Алешка, а чего ты с Петром^[27] снова сцепился, чего вы там не поделили? Имей в виду, хотя ты человек смирный и покорный, но я не позволю вражды и крови между вами. Вы оба мне нужны, так что прекращайте лаяться и со злобой друг на друга при людях поглядывать. А теперь ступай и зови Нартова.

В день двадцать четвертого января одна тысяча семьсот шестнадцатого года великий государь Петр Алексеевич с супругой Катериной и шестьюдесятью сопровождающими лицами придворных чинов и вельможных сановников покинул Санкт-Петербург и отправился в свое второе большое путешествие по европейским странам.

Александр Данилович Меншиков сидел в глубоком кожаном кресле и большой пилкой поправлял длинный ноготь на мизинце левой руки. Ноготь уже достиг большой длины, поэтому Александр Данилович работал с должной осторожностью, будучи полностью поглощен этой филигранно тонкой работой. Его пилка для ногтей больше напоминала наших времен драчевый напильник с большой и красивой костяной ручкой и отвратительно грубо и плохо нанесенной насечкой. Поэтому каждое движение ему приходилось делать с огромной предосторожностью, чтобы не повредить или не сломать ногтя. В какой-то момент Меншиков прекратил работу пилкой, отвел руку с ногтем в сторону и пару минут полюбовался своей работой. Несколько раз он поворачивал мизинец с ногтем из стороны в сторону, стараясь с наиболее выгодного угла рассмотреть подпиленный ноготь и оценить качество проделанной работы.

— Ну что, брат-писарь Алешка, что ты можешь мне рассказать о проделанной тобой работе? — негромко промурлыкал Александр Данилович, продолжая рассматривать ноготь, даже не поворачивая головы в мою сторону.

Я стоял, низко склонив голову, и смотрел на свои совершенно стоптанные башмаки, которым наступил полный и окончательный конец. Если приподнять ногу и посмотреть на их подошву, то ее, подошву, я имею в виду, там не увидишь. Прямо из ботинка будет торчать моя грязная ступня. Слава богу, что можно было ходить мелкими шагами, высоко не поднимая ноги, а то получился бы полный конфуз. Все люди смогли бы увидеть, что башмаков как таковых у меня уже не было, сохранился один их только верх.

— Ваша милость, за прошлый месяц государственные крестьяне за аренду одних только ловель заплатили нам четырнадцать рублей пятнадцать копеек и три полушки, — начал отвечать я на вопрос Александра Даниловича Меншикова. — Налог за конское поголовье составил сто пятнадцать рублей сорок шесть копеек и пять полушек.

Но Александр Данилович меня тут же прервал и, прекратив рассматривать идеально отточенный ноготь, строго посмотрел в мою сторону.

Мы с ним были практически одного возраста, но я пироги на базаре никогда не продавал, мне так и не удалось побывать любимым денщиком государя нашего Петра Алексеевича. Потому все еще пребывал в чине подьячего в ингерманландской канцелярии Александра Даниловича. А Меншиков к этому времени уже был Светлейшим князем Священной Римской империи, генерал-губернатором Санкт-Петербурга, который только что начали строить на берегах Невы. Он был богатейшим человеком, а грамоты и по сию пору не выучил. Первое время, когда я приносил ему бумаги на подпись, то он вместо подписи крестик ставил и кружком его обводил. Пришлось его научить рисовать свою фамилию, когда нужно было чего-либо подписать. Так он и по сию пор занимается этим рисованием, а грамоту учить и по сей момент ему некогда.

Но, несмотря на его неграмотность, честно говоря, я ему страшно завидовал. Это надо же было всего за каких-то десять-двенадцать лет достичь таких бешеных высот на службе у государя! А все из-за того, что он был любимцем царя. Говорят, они были настолько не

разлей вода, что даже спали вместе, хотя, по-моему, это богопротивное занятие.

Но в этот момент мои мысли были перебиты новым вопросом Александра Даниловича:

— Не знаю, почему, Алешка, но государь Петр Алексеевич, видимо, на тебя глаз положил еще при первой вашей встрече, который раз все интересуется, как ты там поживаешь и чем занимаешься? А что я ему должен говорить, скажи мне, пожалуйста?! Если скажу, что ты плохо работаешь, значит, я сам плохой генерал-губернатор. Не могу с людьми справиться, не могу им показать, как надо хорошо и правильно работать. Так что мне постоянно приходилось говорить, что ты, Лешка, отменный работник. Все умеешь и все можешь. Но только имей в виду, когда мне приходится хвалить тебя Петру Алексеевичу, то делаю я это как бы тебе в долг. А долг платежом красен, так что, когда будешь занимать большой пост у Петра Алексеевича, то меня не забывай, не обижай своим невниманием.

В то время Александр Данилович, совсем еще молодой парень, находился в зените своего фавора. Своим наигранным поведением под своего человека он напоминал мне объевшегося сметаной и чрезвычайно довольного этим обстоятельством кота. Он был таким самодовольным, уверенным в себе человеком, барином, настоящим хозяином своей жизни. Он не произносил, а, не повышая голоса, мелодично растягивая слова, их напевал. Да и мне самому хотелось превратиться в такого же ленивого и самодовольного барина, если бы мне в жизни подфартило бы так же, как, разумеется, и ему.

— Но тебе я должен честно признаться и сказать большое спасибо за работу, проделанную тобой, Алексей, — продолжил свою речь Александр Данилович. — За столь короткое время ты сумел навести большой порядок в моих делах. Аккуратно вел подсчет поступающих денег и четко записывал, на что они тратились. Не обманывал, не крал, а в своих записках выкладывал истинные расчеты. Делал все честно, как на духу. Я несколько раз просил других писарей проверить эти твои расчеты и записки, так никто из них так и не нашел ни одной ошибки или исправления. Так что я очень доволен тем, что мне не приходилось врать Петру Алексеевичу, когда тот интересовался тобой. Только, по-моему, ты слишком добр к окружающим тебя людям, веришь их словам и обещаниям и слишком много им доверяешь, когда о себе говоришь. Прими мой дружеский совет, никому и никогда не верь и не доверяй своих истинных мыслей. Человек человеку волк, а не товарищ. Каждый человек, независимо от того, кто он и какую должность при государе занимает, норовит урвать, украсть свое, да и не свое тоже. Если ты в начале своей придворной жизни и службы окажешься на пути такого рвача и казнокрада, то он тебя может смять и уничтожить. Даже я не смогу тебе вовремя помочь. А теперь иди, собирай свои вещи и отправляйся к государю нашему Петру Алексеевичу. У него для тебя имеется работа. Сейчас он находится в бывшем дворце Лефорта на Яузе, он уже ждет тебя.

Москва по тем временам была очень большим и совершенно грязным городишком, по которому было трудно пройти и на крестьянской телеге проехать. Городские людишки строились кто, как и где только мог и хотел. Сначала на семи московских холмах появились первые терема бояр, вокруг которых стали строиться избы ближних бояровых сородичей и холопьем прислуги. Причем все строились, самочинно захватывая любой свободный клочок земли, совершенно не думая о планах градостроительства и о дорогах от одного боярского

дома к другому. В результате на карте Москвы стали появляться косые улицы и кривоколенные переулки. Затем в городе появились посады и слободы, в которых проживали городские ремесленники, бывшие крестьяне, которые понятия не имели в планировке городских улиц и магистралей. Все строились так, как им угодно, а не так, как надо было бы, чтобы свободно передвигаться по городу. В результате Москва постоянно строилась, расширялась, с каждым годом росла численность городского населения. Но в ней не было хороших улиц, которые плавно переходили бы из одной улицы в другую. Она по-прежнему оставалась грязным городишком, без намека на канализацию — Москва-река поила и кормила город, забирая и унося из него грязь, хлам и человеческие экскременты. В иные дни над рекой и городом стояли такие запахи, что люди с трудом могли дышать.

Одним словом, чем больше в городе становилось жителей, тем больший беспорядок и беспредел творился в градостроительстве. Ремесленные посады и слободы не навели особого порядка в планировании и строительстве городских магистралей. В этом стольном городе было невозможно найти хоть какую-нибудь прямую улицу, переходящую в другую прямую улицу. Несколько больших трактов, издавек пришедшие в Москву, тут же расходились на сеть малых городских улочек и переулков, по которым с трудом могла проехать мужицкая телега.

Стояло начало октября, большие холода еще не наступили, но часто и неожиданно случались холодные дожди, поэтому мне было бы несколько холодновато босыми ногами месить эту жирую, жидкую и холодную грязь. Бурмистры московской ратуши эту грязь между домами называли городскими улицами, по которым мог бы проехать только всадник на лошади. Пешеходы же прыжками преодолевали одну гигантскую лужу за другой, иногда по колено утопая в жидкой грязи. Только очень немногие улицы, которые можно было бы сосчитать на пальцах руки, в Москве имели деревянный тротуар, когда на грязь вкривь и вкось бросались доски, чтобы боярин мог бы по нему пройти к соседнему терему. Да и в Кукуе,^[28] где проживали одни только немцы, где в доме своего старого друга, немецкого купца Ференца, временно остановился Александр Данилович, имелись прекрасные ухоженные улицы с ежедневно подметаемыми деревянными тротуарами.

Выйдя на крыльцо дома немецкого купца Ференца, я первым делом разыскал рваный лоскут материи, а если уж быть более точным, то при выходе из этого дома украл небольшой лоскут материи. Разорвав его на две половины, я ими поверху обмотал свои башмаки без подошвы, превратив их в крестьянские чуни, а то пришлось бы шагать, ступая в грязь голыми ступнями.

Легкий удар кнутовищем ожег мою спину, это конюх Гнатий давал мне знать, чтобы я подобру-поздорову убирался с этого чистого крыльца, к которому он только что подал верховую лошадь, Воронка, любимого скакуна Меншикова. По всей очевидности, Александр Данилович решил на время покинуть дом немецкого друга и посетить в Москве еще одного строго друга. Гнатий собрался сопровождать барина, он уже был в седле Василисы, которая к этому времени состарилась, но еще могла держать седока в своем седле. Гнатий по своему характеру слыл молчуном и нелюдимым, не любил говорить с людьми, чурался людей и большую часть своего времени проводил на конюшне, с лошадьми. А сейчас этот мужик по доброте души своей давал мне этим кнутом знать, что мне пора убираться отсюда восвояси, а то могу Светлейшему на глаза попасться.

Я моментально слетел с купеческого крыльца, свернул в первый же переулок, спускающийся прямо к Яузе. Лефортовский дворец находился совсем неподалеку, но

располагался на правом берегу реки Яузы.

Когда я подошел к речному берегу, то там несколько лодочников поджидали желающих за полушку переправиться на другую сторону реки, где возвышалась белая громада здания Лефортова дворца. Лодочники собрались в небольшую кучку и неспешно вели беседу о делах городских и крестьянских. В основном мужики говорили о базарных ценах, о продолжающемся ночном разбое и грабежах. Они не обратили на меня ни малейшего внимания. Все они были ушлыми людьми, с одного только взгляда на мою одежду и мой внешний вид моментально определили, что у меня пусто в кармане и от меня за перевоз на другую сторону Яузы ничего не получишь.

Да и не собирался я тратить на какую-то переправу через реку свои последние деньги, две полушки, которые я берег как зеницу ока, чтобы потратить их на ужин или на завтрашний день. Есть и сейчас хотелось, но я был молод и эту зеленую тоску в желудке днем легко перебивал чашкой воды. У Меншикова в канцелярии мне платили по тем временам огромную сумму денег, тридцать рублей в год. Но помимо питания деньги уходили на одежду, сапоги и съем ночлега. К концу года у них была плохая тенденция кончаться раньше времени. Мамки и отца рядом не было, они так и остались доживать свой век в Вологде, потому подкормить меня, рваную одежонку подшить было некому.

В Москве мне приходилось все делать самому, к тому же я так и не научился готовить. А то приготовил бы себе большой жбан кулеша или гречневой каши, в течение семи дней было бы чем питаться. Ан нет, приходилось мне каждый день на базар бегать из своей канцелярии, чтобы перекусить на ужин что-нибудь купить. Но даже луковица с серым хлебом больших денег стоила, вот таким самотеком большие деньги за год и растекались из моих рук. А сегодня на дворе стоял всего лишь октябрь, а денег в кармане у меня совсем уже не было, только эти две последние полушки. Дальше придется деньги занимать у Ваньки Черкасова, с которым второй год работаем вместе.

Тем временем на берегу Яузы появилась богатая карета, из которой вышел пожилой человек приятной наружности. Он был в темно-зеленом военном кафтане, обшитом золотым галуном по краям и обшлагам, под кафтаном проглядывал не менее богатый камзол, в черных кожаных штанах до колен, на ногах были добротные по колено коричневые сапоги. На голове этого человека воинственно колыхалась треуголка с белым плюмажем, свою левую руку он красиво положил на эфес шпаги, ножами которой оттопыривал боковую полу кафтана. По той манере, как этот красавец держался и поглядывал вокруг, ему, видимо, очень хотелось, чтобы окружающие люди его страшно боялись, за грубого вояку-рубачу принимали бы.

Этот страшный красавец и слова не успел молвить, как из кареты послышался капризный женский голосок, который жеманно произнес:

— Петр Андреевич, ну сколько можно стоять и ничего не делать? Когда же ты наконец договоришься с лодочниками? Государь Петр Алексеевич не будет нас долго ожидать и опять куда-нибудь уедет, а мы снова так с ним и не встретимся. Сколько раз я тебе говорила, давай кремлевским Всесвятским мостом переедем Яузу, давно бы у государя уже во дворце были!

Человек в треуголке с белым плюмажем пальчиком поманил к себе одного из лодочников и быстро с ним переговорил о переезде на другую сторону реки. Лодочник в крестьянском зипуне стоял, низко согнувшись в поясном поклоне, внимательно выслушивая то, что ему говорил боярин Петр Андреевич, утвердительно кивая головой в такт

произносимым боярином словам.

Когда человек в треугольной шляпе, закончив разговор, отправился к карете, лодочник выпрямился и быстрым вороватым взором обежал берег Яузы. Заметив меня, стоящего неподалеку, на малую долю мгновения он задержал на мне прищур своих глаз и, подмигнув правым глазом, пригласил следовать за ним. Ситуация не нуждалась в объяснении, барин выбрал его в качестве лодочника-перевозчика, но пассажиров будет по крайней мере двое, вот лодочник и выбрал меня в качестве своего помощника на веслах. Для меня же этот его выбор означал, что я сохранию свою полушку на ужин, так как работой на веслах оплачу переправу на другой берег реки.

Я уже сидел на передней скамейке лодки, держа в руках рукояти обоих весел, готовый в любое мгновение начать грести, когда Петр Андреевич с красивой дамой, которую он галантно вел под ручку, подошел к краю берега. Они остановились, Петр Андреевич с некоторым сомнением посмотрел на углую лодчонку и на самого лодочника, который по всему виду был из беглых или разбойных крестьян. По-моему же, правда, ничего особо разбойного в этом крестьянине не было, мужик себе как мужик. В зипуне, подвязанном веревкой, холщовых портах и с грязной копной седых волос на голове. Таких тысячи в поисках работы бродили по московским улицам и переулкам. Только голод вынуждал этих людей по ночам братья за топоры, убивая и калеча одиноких московских прохожих. Но не пойман — не вор, пойдешь сейчас и докажи, что этот лодочник убийца и вор?!

Меня в тот момент забавляла сама мысль о том, что этот Петр Андреевич оказался таким мнительным и нерешительным человеком, хотя был одет в военную форму и имел при себе оружие. В тот момент, когда он должен был выбрать лодочника, а их на яузском берегу было более десятка, выбирай любого. Он же, совершенно случайно выбрав одного из самых приличных лодочников, теперь сомневается в своем выборе и никак не может решиться войти в лодку и помочь своей даме.

В этот момент жесткий и решительный взгляд женских глаз мазнул по моему лицу, на долю мгновения наши взгляды встретились. Этого оказалось достаточным, чтобы я до конца своей жизни запомнил эти совершенно зеленые глаза женщины, такой красивой, каких я еще в своей жизни не видал. Но в глазах этой красавицы ничего женского не было. Мое сердце захолонуло от тяжелого предчувствия, я на мгновение опустил веки, чтобы укрыть от чужих глаз внутренний страх. Когда же снова их открыл, то первым делом увидел красивое женское лицо и ее глаза, с большим интересом меня разглядывающие. Дама уже сидела на средней скамейке лодки, лицом ко мне, а рядом с ней примостился Петр Андреевич. Я упустил момент и не видел, как эти двое забирались в лодчонку, хотя веки на глаза опускал на одно только малое мгновение.

Лодочник веслом отпихнул лодку от берега. Мы вдвоем начали быстро выгребать к противоположному берегу.

Великий государь Петр Алексеевич говорил со мной не более пары минут. Он только сказал, даже не взглянув на меня, что очень рад тому, что для меня нашел очень серьезное дело, которым я теперь буду при нем заниматься. Что только от меня зависит, как долго я буду заниматься именно этим делом. Если я окажусь хорошим слугой, он так и сказал —

службой, хотя я в это время был уже подъячим, то всегда найдет мне еще одно интересное дело. Если же буду плохо работать, то он прикажет первым делом выпороть Алексашку за то, что он не научил меня хорошо работать. Это государь, видимо, Александра Даниловича Меншикова имел в виду. А потом уже меня отправит до конца жизни служить младшим псарем на царской псарне. А сию минуту я должен заняться его личными тратами и вести им пунктуальный учет изо дня в день.

С этими словами Петр Алексеевич бросил мне несколько листов неаккуратно обрезанной бумаги и повернулся ко мне спиной, словно хотел сказать, что я ему более не нужен и могу идти.

Идти-то я мог, ноги пока еще носили меня, но куда мне следовало бы направляться, где будет мое рабочее место, государь, разумеется, не сказал. В канцелярии у Меншикова все было просто, она постоянно находилась в тереме одного думского боярина, которому в свое время отрубили голову. День я проводил в канцелярии, не только ведя расчеты и прослеживая поступления денег, но и сочиняя короткие цидульки по просьбе Сиятельного князя. Понутив голову, я еще выходил из покоев государя, как нос к носу столкнулся с Петром Андреевичем и дамой, которых перевозил на лодке через Язу и которые сейчас направлялись в кабинет государя Петра Алексеевича.

Встреча получилась настолько мимолетной, что я успел заметить, что на голове Петра Андреевича вместо треугольной офицерской шляпы был надет большой, несуразный и сильно напудренный парик.

Петр Андреевич же с явным изумлением таращил на меня свои черные глазищи, этот человек не мог представить и поверить в то, что я являюсь тем молодым лодочником, который только что его и даму перевозил через Язу, что я только что встречался с самим государем, оставив его за собой. А на даму я боялся поднять глаза и на нее посмотреть, успел только заметить длинную и широкую юбку.

Встреча получилась действительно мимолетной, поэтому, когда я удосужился поднять глаза и осмотреться, чтобы решить, куда мне все-таки дальше направляться, то Петра Алексеевича с дамой в этом дворцовом зале уже не было. Я замер в задумчивости и потянулся рукой к затылку, чтобы почесать его, глядишь, какая-либо умная мыслишка в голове и объявится.

— Ну чего, паря, застыл на дороге, пройти не даешь? — тут же послышался окрик за моей спиной.

Пока я разворачивался, чтобы посмотреть на обидчика и дать ему в ухо, тот успел уже обежать меня кругом и сейчас стоял передо мной, красуясь своими голубыми и наглыми глазами весельчака и бывалого дворцового повесы. Парень был почти моего возраста, но был одет в шикарный темно-зеленый с красными отворотами мундир Преображенского полка, расшитый золотом и с адъютантскими аксельбантами через правое плечо. На его ногах были сапоги с коротко обрезанными по середину голени голенищами и обтягивающие тощую задницу ярко-красными рейтузы.

Одним словом, этот лихой парень мне понравился с первого взгляда, я почувствовал к нему полное расположение. Незнакомый парень не дал мне и слово молвить в свою защиту, а тут же обрушил на меня новый водопад слов:

— Ну чего, паря, стоишь и буркалами по сторонам хлопаешь? Это о тебе Петр Алексеевич поручил мне озаботиться, поселить, накормить, напоить? Так что я готов все это в сей момент устроить.

— Ты, Сашка, не кипятись и не мельтеши в этом деле. Лешка Макаров — парень серьезный и далеко пойдет. Так что прояви к нему должное уважение и заботу, — сказал Александр Данилович Меншиков, неожиданно для нас обоих появляясь из-за колоннады, — государь Петр Алексеевич тебе за это спасибо скажет и чарку водки сегодня вечером преподнесет.

— А ты, Алешка, поверь мне на слово, — Меншиков обратился ко мне, — что Сашка Кикин, любимый денщик государя, лучший человек в окружении Петра Алексеевича. Он для тебя все устроит самым наилучшим образом, так что можешь полагаться на него. Подружись с ним, в трудную минуту он тебя не подведет, а ты ему помощь окажешь, когда он в большую беду попадет. — Голос Александра Даниловича пропал, растворился, как и он сам, в сумраке зала.

Меншиков, видимо, очень торопился к государю, потому и не смог долго с нами задерживаться.

— Вот, видишь, Алешка, до какой крайности доходит, какой бардак при нашем государе творится. Никогда не знаешь, с кем в коридорах дворца можешь нос к носу столкнуться. Каждый норовит к нему пролезть, слово ему свое собственное молвить и за собой увести. Хорошо, что Петр Алексеевич — человек не от мира сего, умственно осилить его не каждому удастся, и идет он единственно своей непроторенной дорогой. — При этих словах я сильно вздрогнул, но Сашка Кикин этого просто не заметил. — Он до сих пор не имеет человека, кто мог бы ему помогать и частью дел его непосредственно заниматься. Сам же государь Петр Алексеевич любит заниматься всеми делами сразу и одновременно, потому и внешний беспорядок при нем творится, в котором он сам только может разобраться. А люди вокруг него в большом смущении, многие державные дела стоят и не движутся, особенно тогда, когда наш государь пропадать изволит в других российских городах и по заграницам.

Я внимательно слушал то, о чем мне рассказывал Александр Кикин, с замиранием сердца соображая, что же мне сейчас делать дальше. Нельзя же было столько времени каменным истуканом среди этого зала стоять и ожидать, когда на тебя кто-нибудь снова наткнется. Я поднял руку и ею слегка коснулся плеча с аксельбантами Александра Кикина, тот сразу же умолк и с удивлением на меня посмотрел.

— Извини, Александр, что прерываю тебя, но не мог бы ты мне подсказать, где будет мое служебное место и где я мог бы спать по ночам?

Кикин свой рот продержал закрытым именно столько времени, сколько мне потребовалось на то, чтобы я мог задать эти два важных для себя вопроса. Затем слова снова потекли рекой из уст этого, оказывается, весьма говорливого государева денщика, Александра Кикина.

— Эта проблема решается проще простого, Алешка! Хочешь, размещайся прямо в этой зале, а хочешь, давай пройдемся и поищем более удобное для тебя местечко. Ты теперь человек при государе, поэтому главное в этом деле, чтобы Петр Алексеевич всегда знал, где ты будешь обретаться, чтобы тебя не искать, когда ему срочно потребуешься. Ну а что касается поспать, то я думаю, что ты, Алешка, человек не особо знатный, в удобствах не нуждаешься, так что можешь пока спать и на столе, за которым будешь работать.

С Сашкой Кикиным мы в течение двадцати минут обошли все помещения, находившиеся поблизости от покоев и кабинета государя. По неизвестной самому мне причине я остановил свой выбор на том зале, где с Сашкой встретился. Правда, этот зал оказался проходным, но мне это обстоятельство даже очень понравилось, я буду знать, кто и

зачем идет к государю или кто у него сейчас находится. Да и сам Петр Алексеевич, проходя мимо, всегда будет видеть меня за работой. Я уже говорил, что родственники мои остались в Вологде, знакомые в Москве были, но они не были мне столь близки, чтобы с ними каждый день или вечер встречаться. Так что царский дворец стал моей повседневной жизнью.

Все это время, пока мы крутились по дворцу, Сашка трепал языком, ни на минуту не переставая. Иногда его замечания или высказывания были настолько колкими и двусмысленными, что мне все время хотелось сделать ему замечание по этому поводу. Но я не стал этого делать, так как не хотел в самом начале дружбы каким-либо неосторожно сказанным словом порушить эти наши зарождающиеся взаимоотношения.

Если бы не его язык, то во всем остальном Сашка Кикин был замечательным человеком, отличным царедворцем. Он хорошо знал, где что хорошо или плохо лежит и мы тут же, благодаря его дворцовым навыкам, разжились двумя отличными столами и стульями, необходимыми мне в работе. Почему именно двумя столами? Да просто в момент кружения по дворцу ко мне пришла идея перетащить к себе на работу Ваньку Черкасова. Вдвоем мы поднимем и наведем должный порядок в том бардаке, как называл его Сашка Кикин, творящемся вокруг государя Петра Алексеевича. Одному мне было бы трудновато это сделать, но спешить с вопросом перевода Ваньки я не буду до поры до времени. Надо будет самому хорошенько обжиться и при царском дворе освоиться.

Неизвестно, где Сашка достал эти свечи, но он притащил ко мне большой сверток свечей, которых мне хватит на целых полгода, не надо будет тратиться на их покупку. Все они были из настоящего воска, значит, не будут сильно коптить во время горения, да и для глаз они были гораздо лучше. Кикин сделал еще одно великое дело — собственноручно сопровождал меня на царскую кухню и познакомил с кухаркой Фоминичной, которая во всем помогала Фельтену, личному повару Петра Алексеевича. Тот, конечно, не опускался до того, что кормить служащих и придворных, но Фоминична безумно любила Сашку Кикина и всех его друзей, молодых офицеров, украдкой их подкармливая. Таким образом, я попал в число «друзей» Сашки Кикина и получил право бесплатной двухразовой кормежки на дворцовой кухне.

Прислушиваясь, как приятно урчит сытый желудок, при свете восковой свечи я принялся внимательно рассматривать те обрывки листков, которые дал мне при встрече Петр Алексеевич. Листки были покрыты вкривь и вкось корявым и трудно разбираемым почерком с множеством орфографических ошибок и непонятных сокращений. Но десять лет работы писарем, а потом подьячим дали себя знать, потихонечку я разобрал почерк великого государя Петра Алексеевича, который в этот момент вместе с Алексашкой Меншиковым проходил мимо моего стола. Они куда-то спешили, и Меншиков чуть ли не вприпрыжку бежал за государем. Но государь, увидев меня за столом, притормозил свой бег и, двинув Алексашку кулаком в бок, произнес:

— Ну что ж, посмотрим, что из твоего выученика получилось!

На первых порах я занимался всем. Первым делом разбирал государевы писульки, смотрел, куда он там и на что тратил деньги. Затем бегал по местам, где происходили траты, выясняя, сколько государь истратил. Если была такая возможность, то заставлял человека,

который получил от Петра Алексеевича денежную награду или которому заплатил за товар, писать на листке, что деньги получены. Но Россия пока в большинстве своем была, как и Меншиков, неграмотна, поэтому приходилось самому калякать писульку о той или иной трате. По вечерам же производил расчеты. Если государевы затраты сходились с полученными и выделенными Петру Алексеевичу на день деньгами, все было отлично, можно было спокойно спать на своем рабочем столе. Но если появлялось несоответствие, то дело принимало плохой оборот. Приходилось долго выжидать удобного случая, подходить к государю и задавать ему неудобные вопросы.

Когда я первый раз подошел с таким вопросом, куда-то запропастился один пятак, то Петра Алексеевича едва апоплексический удар не хватил. В тот момент он курил свою любимую голландскую курительную трубку. Услышав мой вопрос о пропавшем пятке, государь задохнулся табачным дымом и долго кашлял. Когда он поднял голову, то лицо его было сине-красным, а левая половина лица сильно дергалась. Он схватил меня за грудки и, подтянув меня к себе, сипло просипел:

— Ты куда, вошь горбатая, свое неумытое рыло суешь? В острог захотел? Да я тебя... — И с этими словами так съездил мне по мордасам, что я кровавой юшкой едва не захлебнулся.

До вечера я просидел, не разгибая спины, за своим рабочим столом, ожидая, когда придут дворцовые солдаты и вышвырнут меня на улицу. А я только что себе новые башмаки купил, в них ногам впервые было тепло и уютно, а то они постоянно мерзли, и из-за этого у меня сопли текли. Вчера царский казначей приходил и отвалил мне годовое жалование — целых триста карбованцев, да это же целое богатство! Вот по этому случаю целых три копейки я и потратил на башмаки.

Сегодня вечером хотел Сашку Кикина в царском кабаке до отвала водкой напоить, да, видно, не судьба.

Весь день после битья по мордасам вся государева прислуга меня далеко стороной обходила. Бил меня Петр Алексеевич в одиночестве, за глухой стеной, но во дворце, видать, и стены уши имеют. Прислуга всегда все и вся знает, кого государь привечает, а кого по спине дубинкой охаживает. Я даже подернул от озноба, прошедшего по телу, плечами, на секунду представив себе, как государь меня по спине дубинкой лупит.

— Ну чего, как мышь половая, притих, вошь горбатая?

В этот момент над моей головой послышался голос Петра Алексеевича. Я осторожно поднял голову и увидел стоящего перед собой великого государя. Хотел вскочить и бухнуться к его ногам с мольбой не выгонять меня, но ноги в тот момент совсем меня не держали, так и остался сиднем сидеть на стуле.

— Да кто же тебя, мил сударь, так по рылу обиходил? Оно ж у тебя вдрызг разбито, живого места нету, — участливо поинтересовался Петр Алексеевич и, толкнув плечом Федора Матвеевича Апраксина, стоявшего рядом, добавил: — Смотри, Федька, что значит быть молодым и зеленым юнцом. Только что приютил сироту бездомного, дал хорошую работу, а он уже водку жрет, вон как от него водочным запахом несет. Что говоришь? Что водкой от него не пахнет. Что это от нас с тобой анисовкой за версту несет, говоришь. Может быть, и от нас водкой пахнет. Но мы с тобой на полпути задержались, ведь собирались Бяратинских навестить, Князева супруга сегодня хорошим мальчишкой разрешилась. Нужно будет это дело обмыть, а то будет непорядок. Так что, Федька, пошли, а то поздно будет.

С этими словами пьяная парочка царственно развернулась и, слегка пошатываясь,

направилась к выходу из дворца, а на стол перед самым моим носом брякнулся целый пятак. Дрожащими от волнения и переживаний руками я поднял эту государеву монету и долго ее рассматривал. Она была новенькой монетой, без единой царапины, щербинки, и ее еще никто не трогал на зуб. Из-за нее меня чуть ли не выгнали из дворца, едва не лишили работы, но я ведь не чувствовал себя виноватым во всем этом происшествии. Сам государь Петр Алексеевич приказал, не щадя живота, вести учет его трат. Когда же я нашел недостачу, сказал ему об этом, то сейчас он признал мою правоту, вернув этот пятак.

А битья по морде не было, вообще не было! Об этом надо навсегда забыть и никогда не вспоминать. Ну забылся на минуту человек и дал пару оплеух, с кем этого не бывает.

С этими мыслями я достал свою тетрадь и каллиграфическим почерком сделал в ней требуемую запись о царских расходах за позавчерашний день. Подведя итог, я удовлетворенно откинулся на спинку стула и проорал диким голосом:

— Сашка, где ты?

В ответ я не услышал ни единого звука, Кикин не отзывался. Видимо, под теплый бочок подбивался к какой-нибудь невинной девице из царской прислуги. Мне они совершенно не нравились, слишком уж были разбитными и все про все знали. Не успевал ты рот открыть, чтобы вопрос задать, а они уже ответ знали. Неправильно это. Девицы должны быть стеснительны, к мужам уважительны и внимательно прислушиваться к тому, что те им говорили. Но без Сашки в любом кабаке делать будет нечего, слишком скучно даже есть будет, поэтому я открыл рот и уже нормальным голосом произнес волшебные слова, на которые Кикин не мог не прореагировать. Мой друг Сашка был большим любителем за чужой счет водочки попить.

— Придется подниматься и одному в кабак отправляться, — сказал я, словно говорил сам с собой. — Говорят, туда свежую анисовку завезли.

— Ты, что, паря, шутить изволишь? Как это можно одному в царский кабак, так и настоящей пьяню стать можно, — тут же послышался Сашки Кикина голос за моей спиной. — А ты и пить водку совсем не умеешь. Без меня тебе там делать совсем нечего, да и не надобно. Чего кричал-то, неужели меня в кабак пригласить хочешь?

Я в нескольких словах объяснил Кикину свое желание хорошенько обмыть свое первое жалованье и приобретение новых башмаков. Сашка внимательно меня слушал, согласно кивая головой. Он уже успел с Митькой Епанчиным пропустить по чарке водки, сейчас был в полной готовности продолжить вечерне-ночное веселье. Все уже знали, что Петр Алексеевич во дворце ночевать не будет, у Бярятинских будет пить анисовку до самого утра, пока не упадет и его обратно во дворец не привезут в карете. Примета такая была, если он в вечер уходит с Федором Матвеевичем Апраксиным, то они будут веселиться до самого утра.

В какой-то момент пламя свечи осветило мое побитое лицо. К этому моменту оно распухло до невероятности и ничем не напоминало обыкновенное человеческое лицо. При виде подобного безобразия на том месте, где должно было находиться мое лицо, Сашка Кикин всплеснул, как баба, руками и, хотя прекрасно знал, кто это сделал, деланным голосом поинтересовался:

— Друг милый, да кто это тебя эдаким образом отделал? Вместо лица ты сейчас носишь пороссячью личину. Никто тебя в таком обличье не узнает, да и на людях в таком виде появляться нельзя. Лешка, ты только себе представь, как я, любимый денщик Петра Алексеевича и блестящий лейб-гвардии офицер, могу с таким свинячьим рылом в обнимку в кабаке показаться?!

Но в этот момент Сашка Кикин сообразил, что такими словами может преградить себе дорогу к тому, чтобы на славу, да еще и за чужой счет повеселиться в царском кабаке. Поэтому он попытался дать задний ход, но оказался в ситуации, когда не мог сразу же отказаться от им же произнесенных слов. Быстрым вороватым взглядом Сашка порыскал по сторонам, пытаясь найти достойный выход из тупика, который сам же себе и создал своими заранее не продуманными словами.

— Слушай, Алешка, а почему бы тебе сейчас свою разбитую морду не занавесить девичьей косынкой. Глядишь, сразу приличным и таинственным мужем станешь, которого государев денщик Сашка Кикин сопровождать изволит. Вся пьянь в кабаке от этой некой таинственности со скамеек попадает. А косынку я тебе подыщу, тут у меня случайно в кармане камзола завалялась.

С этими словами Сашка достал из кармана синюю кисею с женскими ароматами и нацепил ее мне на уши. Жалко, зеркала поблизости не было, а то было бы хорошо посмотреть на себя в этой «таинственности».

Этот кабак располагался в Замоскворечье, идти до него было далековато, он ничем не отличался от других царских кабаков. Но Сашке Кикину именно этот кабак почему-то особенно нравился, вот и пришлось нам туда переться чуть ли не через всю Москву. Несколько раз нас останавливали ночные сторожа и не пропускали через рогатки, перегораживающие улицы. Они интересовались, кто мы такие и куда премся. Сашка тут же хватался за шпагу и, угрожающе, громко и пьяновато крича, требовал нас немедленно пропустить, а то он всем кровь пустит. Но сторожа на его шпагу и крики мало обращали внимания, а увидев «занавеску» на моем лице, лихорадочно бежали разводить рогатки. В Москве в ту пору зверствовал настоящий душегуб, который топором и ножом лишил жизни немало людей. Сторожа, по всей очевидности, принимали за меня этого душегуба и старались, от греха подальше, избавиться от такого прохожего.

Сашкин кабак оказался забит пьяными забулдыгами до полного упора, ни одного свободного местечка, да и шагу в этом хаосе пьяного мужичья негде было сделать. В дальнем углу тихо пьянствовала группа солдат знаменитого Преображенского полка. Они пришли вместе со старым капралом, заняли весь стол и чинно, под руководством капрала через определенные интервалы хором поднимали чарки и хором пропускали внутрь водку, чинно закусывая простыми луковицами. Пока я наслаждался таким организованно-красивым солдатским потреблением водки, Сашка уже тащил меня к пустой бочке, неизвестно откуда вдруг появившейся неподалеку от раздаточной лавки целовальничьего, с которым он, видимо, успел договориться. Забудьги прерывали свои шепотные разговоры и провожали меня испуганными или злобными взглядами, когда мы с Сашкой проходили мимо их столов.

На минуту в зале повисла тяжелая тишина, но, когда мы устроились за бочкой, разговоры начали постепенно возобновляться.

Но я всем нутром ощущал, что наше появление внесло определенный диссонанс в поведение посетителей этого кабака. Общий фон веселья и питья в этом кабаке, казалось бы, сохранялся как прежде, но это было только внешнее впечатление. В поведении отдельных забулдыг появилась непонятная настороженность и опаска, спиной я постоянно ощущал

десятки подозрительных взглядов. Но я так и не успел до конца в этом обстоятельстве и своих ощущениях разобраться, как на бочке появился штоф с белесой жидкостью и большеразмерными чарками.

Сашка лихо распечатал штоф и по чаркам набулькал этой белесой жидкости. Затем он поднялся на ноги и предложил выпить полную чарку за нашего благодетеля Петра Алексеевича. Я, в принципе, особо не спешил пить водку, так как закуски на бочке еще не было, а пить без закуски я не любил. Но Кикин был весьма убедителен и настойчив, да и отказываться пить за такой тост было аморально, люди могли бы меня неправильно понять. Ушаковских людей можно было встретить в каждом царском кабаке. ^[29] Поэтому я неохотно поднялся на ноги и, взяв чарку в правую руку, молча кивнул головой, соглашаясь с его тостом. Немного помедлил, затем своей чаркой чокнулся с чаркой Кикина, а затем решительно опрокинул ее содержимое в свое горло. Жидкость обожгла горло и обрушилась в желудок, в тот момент я себя почувствовал умирающим человеком. Мне хотелось согнуться в три погибели и эту отвратительную водку из своего желудка выплеснуть наружу, чтобы избавиться от той желудочной боли, которую она принесла.

Но это состояние продолжалось недолго, через мгновение все боли исчезли, в глазах просветлело. Ко мне снова вернулись разум и осознание ситуации. Только сейчас я обратил внимание на то, что в зале установилась полная тишина, а напротив меня стоял, уперев кулаки в бока, мужик с такой же косынкой на своем лице.

— Ты почто, мразь поганая, мое имя позоришь? Ты почто на свою морду, как и я, кисею натянул? Кто тебе Глашка, почему она тебе свою кисею дала? — громко орал этот мужик.

Я недоуменно посмотрел на Сашку Кикина, а тот, выпучив глаза, попеременно смотрел то на меня, то на этого мужика. Водка наконец-то достигла головы и шибанула в мозг, мне стало так хорошо и приятно, что захотелось выпить еще этой прекрасной анисовой водочки. Я схватил штоф за горлышко и со всего размаху врезал им по голове этого горлопана с кисеей на морде, штоф разбился, а он в беспамятстве растянулся на земляном и заплеванном полу. Вокруг его головы начала растекаться лужа крови, но это мне было совершенно безразлично. Отодвинув ногой тело горлопана в сторонку, ближе к соседнему столу, я отправился к целовальничему и громко потребовал новый штоф анисовки и много хорошей еды. Не уточняя, какой именно хочу еды, я вернулся к нашей бочке и едва смог найти стул, на который уселся, широко расставив ноги. Кикин во все глаза смотрел на меня и, по всей очевидности, совершенно не верил тому, что сейчас произошло перед его глазами. Уже сидя на стуле, я вспомнил о горлопане, глазами попытался разыскать его безжизненное тело. Но тела нигде не было, а на земляном полу оставалось только черное жирное пятно.

Половой, парнишка лет пятнадцати, притащил нам целого жирного гуся, много хлеба и штоф водки, но уже с зеленоватой жидкостью.

Дальше я не так уж помнил, что со мной и Сашкой Кикиным в то время происходило. Хорошо помню только одно, что анисовка оказалась отличной водкой, гусем и водкой мы угощали местных забулдыг и вместе этому радовались. Особое удовольствие мне доставило угощение преображенцев, которым я заказал отдельный штоф анисовки и много лука.

Временами в памяти всплывало, как нас били и как мы с Сашкой Кикиным кого-то тоже били. Сашка норовил все своей шпагой действовать, но оказалось, что ею фехтовать он совершенно не умеет, а носил токмо для красоты мундира и фасону. Преображенский капрал показывал нам обоим, как надо шпагою пользоваться, а затем мы вместе с солдатами строем ходили в атаку и ножами били каких-то душегубов, которые хотели с моего лица кисею

снять. При этом они все время кричали и интересовались, где Глашка и почему она не с нами? Я никакой Глашки не знал, а Сашка, даже будучи в стельку пьян, щеками краснел и молчал.

Особенно мне не понравилось это его долгое молчание, я даже лоб у Сашки потрогал, не горяч ли? Но парень был в доску пьян, здоров и абсолютно нормально соображал. Временами он произносил тост за Петра Алексеевича и поднимал за него чарку, которую всегда лихо опустошал. Никто не знал, кто это такой — Петр Алексеевич, но все пили охотно и, как Сашка Кикин, чарки лихо расшвыривали по всем сторонам. Но когда одна чарка попала в лоб целовальничему и от удара тяжелой оловянной чарки у того выросла большая шишка, то он погрозил Кикину, что не будет ему больше водки наливать, так тот сильно испугался, но все равно так и не заговорил.

Наша потеха закончилась тем, что когда холодным зимним утром мы захотели погреться у костра и попытались поджечь царский кабак, то прибыл взвод преображенцев и нас, связанных по рукам и ногам, как татей, увез на полковую гауптвахту. Сашку Кикина, как государева денщика и офицера, держали в тепле и довольствии, а меня, как простолюдина, бросили в холодную и кормили простой солдатской кашей без масла.

Освободили нас по личному приказу государя Петра Алексеевича и доставили к нему прямо в покои. Первым делом государь сдернул с моего лица кисею и ее понюхал, поморщился, а затем перевел свой строгий взор на Сашку. Взял его за то, что раньше было мундиром, повернул его к себе спиной и так врезал ему коленом по ..., что тот стрелой вылетел за порог государевых покоев. А вслед ему Петр Алексеевич громко кричал:

— Мы с тобой, Сашка, после поговорим и разберемся. Я всегда знал, что ты пьянь и шантрапа босяцкая, но спаивать моего личного секретаря я тебе не позволю. Впредь учись пить тихо, вприглядку и никого не будоражить, а то, вишь, преображенцев поднимать пришлось, когда два огольца Москву чуть не спалили.

Затем Петр Алексеевич повернулся ко мне своим разгневанным лицом с выпуклыми глазами и страшно просипел:

— Что, давно не драли на козлах, батогов попробовать захотелось?! Сквозь строй преображенцев пропущу и не пожалею. Ты мне нужен с чистой и умной головой, головорезов у меня и без тебя хватает. На Алексашку посмотри, ему только палашом махать, а государственной разумностью не обладает, все о кармане своем печется. А ты прежде всего думать должен научиться, соображать и анализировать, что будет пользой нашей державе, а что ей пойдет во вред. За штоф с водкой будешь хвататься только тогда, когда я это тебе буду позволять. Сейчас для порядка я физиономию тебе немного подправлю, чтобы у нее симметрию восстановить, а то рожу твою после вчерашнего пьянства сильно перекосило.

Петр Алексеевич засучил рукава своей рубахи, отошел на пару шагов и, примерившись к моей правой скуле, размахнулся кулаком. Но не ударил, а остановился и с любопытством в глазах посмотрел на меня, спросив:

— Ну а Глашку где успел найти и приголубить? Ты ведь и месяца у меня не проработал?

Ответить на вопрос я не успел, последовал мощнейший удар государева кулака, из моих глаз сыпанули искры, я потерял сознание, ничком свалившись на пол.

Государевы драгие вихров и умственная выволочка из-за пьянства и веселья с Сашкой Кикиным, устроенные Петром Алексеевичем в педагогических целях, как он сам впоследствии посчитал, пошли мне на великую пользу. В результате чего я сильно подружился с Сашкой и впал с ним в доверительные отношения, а также наконец-то разобрался в том, чего же хотел от меня великий государь.

С громадным энтузиазмом я принялся за работу, одновременно размышляя над тем, как сделать так, чтобы в мое отсутствие Петр Алексеевич чувствовал бы себя совсем как без рук. Поэтому работал круглосуточно с небольшими перерывами на сон и еду... ну и вы сами знаете еще на что. С самого начала я работу поставил таким образом, чтобы, в каком бы месте государь ни находился, отдыхал бы, ездил бы по городам державы или выезжал бы за границу, я всегда находился бы рядом. Когда Петр Алексеевич в каком-либо месте задерживался, то я устраивался работать в таком месте, откуда, не отрываясь от писания, мог бы хорошо видеть, с кем он в данный момент разговаривает или встречается.

Подведение итогов по государевым ежедневным затратам было плевым делом, в день я тратил на эту работу от силы пять минут, не более. Но, разумеется, ни государь, ни окружающие придворные сановники и вельможи, ни дворцовая прислуга об этом даже не догадывались. Им же приходилось видеть только, что с утра до ночи я сижу за столом и скриплю гусиным пером. Петр Алексеевич явно с одобрением относился к этой моей работной старательности. К тому же ему чрезвычайно нравилась и моя постоянная мелкая о нем забота. Я вовремя оказывался на месте и помогал государю найти потерянный кисет с табаком, кресало с кремнем и даже курительную трубку.

А в то время его лакей Полубояров без дела мотался по темным углам и дворцовым переходам, шупая Глашку, эту безотказную во всем деваху.

Но эти мелкие услуги государю Петру Алексеевичу я старался оказывать в тот момент, когда никого из дворцовой челяди или очень знакомых лиц поблизости не было. Я старался своим поведением до поры до времени не привлекать к себе внимания серьезных людей в окружении великого государя. Им наверняка не понравился бы мой замысел стать с ними, богатыми и знатными, равным и войти в его ближайшее окружение. Хоть государь Петр Алексеевич этими людьми и рассматривался как взрослый, всем интересующийся ребенок, они внимательно посматривали за тем, чтобы в их среде и рядом с государем не появлялись бы лишние и неблагородного происхождения люди.

Через месяц после субботней «родительской порки» государь Петр Алексеевич, полагая, что этим повысил мое усердие в работе, доверил и передал в мои руки заведование его частной и державной перепиской, а также приказал мне заняться всеми придворными денежными расходами. В те времена, как и сегодня, свой двор великий государь почему-то называл на иноземный лад «кабинетом». После такого назначения, правда, сделанного государем в устной форме, не нашлось бы человека, который мог бы или посмел бы этого устного распоряжения послушаться, я мгновенно стал значимым придворным лицом, приобрел права настоящего государева слуги.

По придворному чину, все еще числясь придворным подьячим и пока оставаясь простолудином, я получил право распоряжаться людскими судьбами. Правда, пока еще судьбами придворной челяди, лакеев и служанок. Мог нанять на работу или уволить любого слугу или служанку.

Выплачивать годовое жалованье дворцовой прислуге я начал не раз в год, а раз в месяц и платил это жалованье, учитывая старание и качество произведенной прислужкой работы. Придворные мужики, девки и бабы сразу же почувствовали, в чьих руках теперь находятся их судьбы и деньги. Приходя ко мне за своим жалованьем, они пытались меня всячески задобрить, умиловить и расположить к себе, рассказывая о своих господах всякие небылицы. Я же внимательно выслушивал их рассказы и, в зависимости от расположения духа, выдавал им полное жалованье или частично его урезал за проявленную недобросовестность в работе.

Однажды Петр Алексеевич в тот момент, когда я ему искру кресалом из кремня вышибал, чтобы он мог раскурить свою любимую голландскую курительную трубку, поднес к моему носу свой кулак и ровным голосом поинтересовался:

— Ты чего, Алешка, решил пойти по пути своего бывшего хозяина и начал красть? Полубояров на тебя сильно крепко жалуется. Говорит, что ты целый пятак из его жалованья утаил, ему недодал. Почему мне об этой недоимке ничего не сказал, а самочинно действовал?

Но к этому времени мне-таки удалось, общаясь вась-вась с Петром Алексеевичем, немного разобраться в его характере и темпераменте. Наш государь был жадина еще та, за медную полушку тебя сожрет с костями и не подавится. Он солдатским роженицам под подушку пять рублей клал, а потом долго сокрушался и бранился, мол, чего эти бабы из-за своего простого дела с такими деньжищами делать будут?!

Поэтому я смело посмотрел в его глаза и сказал:

— Ваше величество, Полубояров этот-то вчера забыл тебе сухих полотенец в омывательную комнату положить, тебе же пришлось грязным полотенцем чистую голову вытирать, а еще он...

Но Петр Алексеевич уже не слушал меня и не дал мне исполнить заранее отрепетированный монолог, он в этот момент вспомнил о каком-то важном государственном деле, ему вдруг сразу стало скучно и недосуг о провинностях своего ленивого лакея слушать. Поэтому он свой кулак разжал и, ладонью меня так одобрительно по небритой щеке потрепав, молвил:

— Хорошо, Алешка, продолжай и дальше блюсти мою честь и достоинство. С прислужкой разбирайся сам, а я тебе этого не забуду. — И тут же, как молодой олень, унесся по своим державным делам.

Я же вернулся на свое рабочее место и крепко задумался. Используя втемную Полубоярова, я достиг поставленной цели, но мне совершенно не хотелось среди дворцовой челяди прослыть скопидомом и вором их денег. Пора было восстанавливать репутацию, поэтому решительно поднялся с места и отправился разыскивать государева лакея, чтобы вернуть ему пятак. Макара нигде не было возможности найти, тогда я решил посетить его дом, Полубояров проживал в одном из переулков неподалеку от московского Кремля.

Дома была одна Пелагея, его жена.

В свое время я неоднократно слышал побасенку о том, как однажды Полубояров, видимо, этот гаденыш любил это дело, пожаловался государю Петру Алексеевичу на то, что

жена отказывается выполнять супружеский долг, мотивируя отказ зубной болью. А по двору в то время бродили слухи о том, что Петр Алексеевич такой большой добряк и знаток тащить больные зубы. В ответ на жалобу лакея он взял медицинские инструменты для удаления зубов и отправился к тому домой в гости. Там государь, встретившись с Пелагеей, якобы поинтересовался у нее, как она собирается и дальше жить с мужем, будет ли по-прежнему ему отказывать в исполнении супружеского долга. С этими словами он по одному из мешка начал доставать зубодральные инструменты, при виде которых Пелагея сильно испугалась и сказала государю, что будет до гроба верна своему мужу.

Тогда, первый раз встретившись с Пелагеей, я понял, насколько бывают недостоверными и надуманными придворные слухи. Государь Петр Алексеевич, большой знаток и любитель женщин, никогда в жизни не прошел бы мимо такой красоты и женственности. Через пару лет я поинтересовался у Пелагеи — она к этому времени уже родила мне сынишку, оставаясь женой Макара, который по своей натуре оказался просто меринком, — сколько было правды в той побасенке. Пелагея, стыдливо потупив взор аквамариновых глаз, тихо ответила, что в той побасенке не было ни малой доли правды, что она никогда с государем не встречалась.

Но вы знаете, что женщины, даже жены и любовницы, умеют говорить только то, что в данный момент им нужно, и говорят это весьма убедительно!

2

Первоначально мне было трудно разобраться во всей государевой переписке частного и державного порядка. Волосы дыбом вставали, когда читал послания Петра Алексеевича со всеми орфографическими и лексическими ошибками, запятых для него вообще не существовало. Все письма были написаны на оборванных листках некачественной бумаги, часто они даже не сохранялись в архивах. Поэтому переписка носила рваный характер, было трудно или практически невозможно восстановить или проследить, как решался тот или иной государственный вопрос. Решался ли этот вопрос вообще или же о нем давным-давно забыли.

Я прошелся по государевым приказам, где узнал ошеломляющую новость о том, что указы, в те времена государственный аппарат России, уже давно не получали каких-либо государевых распоряжений. Все вопросы решались лично самим Петром Алексеевичем. Распоряжения государем отдавались и проходили, минуя указы, они исполнялись сподвижниками или соратниками Петра Алексеевича, а иногда и друзьями. Они же большей частью забывали или по простоте души своей не знали, что эти письма следует сохранять, а работу следует выполнять, регистрируя бумаги в государевых приказах.

Правда, эти державные указы погрязли в прошлом и по-новому работать, как Петр Алексеевич хотел, не умели, а работали по дедовой старинке, решая дела по полуделу в год.

С первой же минуты меня до глубины души поразил громадный объем работы по организации государевой переписки, это ж поди-ка правильно составь и красиво напиши более пятидесяти писем в день. Я сразу же сообразил, что если займусь этим делом в одиночестве, то наделаю множество ошибок, окажусь не в состоянии проследить за прохождением и решением тех или иных государственных вопросов, которые обсуждались или поднимались в государевых письмах. Помимо этого требовался строгий учет вопросов и

дел, о которых государь не писал в письмах, а в устной форме обсуждал с другими лицами. Чем больше я в то время узнавал о состоянии секретарских дел при государе, тем более убеждался в том, что добровольно сунул голову в смертельную удавку, а теперь стою на бочке и жду, когда палач выбьет ее из-под моих ног.

Государь Петр Алексеевич был совершенно неорганизованным человеком в монаршем звании и облики. С ним невозможно было впрямую о чем-либо договариваться, об уговорах он тут же забывал или не обращал на них внимания. Он не умел слушать собеседника, подетски перебивая его наивными или дурацкими вопросами. Правда, в нем имелась одна черта характера, такая принципиальная хватка: из разговора или общения с собеседником он мгновенно выделял или выхватывал наиболее важные и значимые для российского государства дела и вопросы. Эти дела и вопросы он тут желал претворить в жизнь и тут же в своем ближнем окружении находил человека, который, по его мнению, мог бы это сделать или, по крайней мере, контролировать.

Самое интересное заключалось в том, что, делая подобный выбор вопроса и человека для его решения, он в своем выборе и того, и другого никогда не ошибался. В том скрывалась реформаторская суть и монаршая гениальность нашего государя Петра Алексеевича.

Вот и меня, Алексея Васильевича Макарова, он нашел в Вологде, за тридевять земель от Москвы. Десять лет промурыжил на непонятных должностях у Алексашки Меншикова. А сейчас, забрав в свой придворный кабинет придворным секретарем, пустил в свободное плавание между рифами и подводными скалами российского бюрократического государственного аппарата. Можно было бы, конечно, у Петра Алексеевича спросить, почему он это сделал. Почему он решил, что я, тогда еще совсем молодой житель Вологды, умеющий красиво и грамотно писать, но не имевший дворянского звания, необходимых знаний и жизненного опыта, окажусь ему хорошим помощником и советником в реформировании государственного аппарата? Почему он приказал мне следить за Петром Андреевичем Толстым, одновременно приближая и словами лаская этого семидесятилетнего русского боярина, который неоднократно его предавал в прошлом? Почему он мне приказал пойти на два месяца в ученики к душегубу и кнутобойцу Ушакову, от одного вида которого у меня душу наизнанку воротило?

Но, как известно, государям не принято задавать каких-либо вопросов, можно запросто и головы лишиться. Так тогда поступил и я: когда окончательно уяснил для себя, в каком дерьме по уши оказался, то решил к государю Петру Алексеевичу не ходить, не жаловаться и не задавать ему глупых и детских вопросов.

В глубокой тайне от государя Петра Алексеевича мы с Сашкой Кикиным в тот вечер распили два штофа анисовки и чуть ли не померли от такого излишества. К тому же анисовка оказалась некачественной и слишком маслянистой. Какой-то гад чем-то ее разбавил и на базаре из-под полы продал Сашке, крестясь на церкву и клятвенно заверяя его в том, что лучшей водки на всем белом свете нет. Выжить нам помог Алексей Алексеевич Курбатов, в то время он был начальником Оружейной палаты Кремля. Первым делом Лешка Курбатов заставил нас насильно проблеваться и про... затем он омыл нас в холодных водах и дал по чарке настоящей, царской анисовки с крупной солью, которая окончательно вывернула нас наизнанку. К вечеру того дня мы снова начали дышать, слышать и видеть. За ночь еще более очухались, а утром зеленый и страшный Сашка своим видом насмерть напугал других государевых денщиков в денщицкой комнате, а я сидел за своим рабочим столом, прилагая невероятные усилия, чтобы гусиное перо не выпало бы из моих сильно

дрожащих рук.

Когда мимо моего стола старый фельдмаршал Шереметьев волоком протащил еще шевелящийся и мычащий человеческий труп, внешне похожий на Петра Алексеевича, то я понял, что вчера было неудачным днем не только для нас с Сашкой Кикиным. Но за столь противные и богомерзкие мысли по отношению великого государя я был немедленно наказан. Из покоев государя вышел граф Головкин, канцлер и величайший зануда все времен и народов, подобных которому свет не видел и никогда уже не увидит, который, к моему глубочайшему сожалению, формально был моим непосредственным начальником. Выйдя из государевых покоев, он всем своим просвещенным видом продемонстрировал, что желает пообщаться со мной. Принимая во внимание то обстоятельство, что на тот момент ко мне еще не вернулась способность держаться на ногах, бежать и скрываться я был не в состоянии, и мне пришлось притвориться, что я настолько увлечен писанием, что ничего вокруг из-за этой увлеченности не вижу.

Граф Головкин начал говорить тихим голосом и к разговору со мной решил подойти из самого далекого далека:

— Э-э, Макаров, мне кажется, что ты не совсем здоров и вид у тебя слегка бледноват.

Я хранил молчание и не поднимал головы от чистого листа бумаги.

— Э-э, Макаров, ты не мог бы оторваться от работы на минуту, чтобы со мной переговорить.

Усталой рукой я смахнул будто бы имеющийся трудовой пот со лба и снова вернулся к чистописанию.

— Макаров, э-э, имей же совесть, оторвись от работы и поговори со мной.

Я оторвал глаза от чистого, неисписанного листа, поднял голову и мазнул глазом по его сиятельству, но, видимо, был таким усталым, что графа Головкина так и не заметил. В конце концов тот не выдержал такого проявления с моей стороны трудовой доблести, громко фыркнул и, развернувшись на высоких каблуках, начал было чинно, по-графски размеренно удаляться к выходу.

Но на середине пути остановился, о чем-то подумал, также развернулся на каблуках и отправился в обратную сторону, чтобы снова остановиться у моего стола. Я же продолжал неторопливо писать на чистом листе бумаги, совершенно не боясь того, что начальник заметит, что я так и не сумел вывести на бумаге и единого слова. Все хорошо знали о том, что канцлер государева кабинета граф Головкин был слегка подслеповат, дальше своего носа не видел, но очков из ослиного упряма не носил.

— Слушай, Макаров, — сказал он, — завтра или послезавтра к тебе придет новый сотрудник, который займется переводами, если таковые будут. Так что ты будь с ним повежливей, особо работой не загружай.

Вот тебе и на! Эта канцелярская крыса, которая ничего не умела и ничего не знала, только... умела лизать государю Петру Алексеевичу, почувствовала, что я начинаю возвышаться, поторопилась своего человечка, своего соглядатая, ко мне приставить. Не буду же я из-за этой гниды без очков свои отношения с государем портить и голос поднимать против его кандидатуры?!

А что касается Алексея Курбатова,^[30] то за благо, которое он мне с Сашкой сделал, к жизни вернув, через три годика я ему посодействовал вице-губернатором города Архангельска стать, но, к сожалению, его жизнь не сложилась.

Мои приключения в тот вечер одним только разговором с Гаврилой Ивановичем Головкиным не завершились. Я таки сумел за своим рабочим столом с гусиным пером в руках просидеть, не вставая, до самого позднего вечера, всех проходящих мимо царедворцев удивляя своей усидчивостью и трудолюбием. Они-то хорошо знали, что в этот вечер государь Петр Алексеевич находился в полной отключке и ему было совершенно не до работы, а требовалось хорошенько выспаться. Но то, что мог позволить себе государь, я об этом и думать не мог, должен был работать и работать.

Весь же дворец моментально притих, царские вельможи тут же занялись решением своих собственных проблем и домашних дел. Каждый раз, когда они проходили мимо моего стола, то останавливались и поглядывали на меня, вероятно, думая о том, какой же я дурак, вместо того чтобы работать, мог бы давным-давно в царском кабаке сидеть и водку сосать в свое великое удовольствие. А я же продолжал упорно сиднем сидеть за письменным столом, тупо смотря на чистейший лист бумаги, лежащий на столе, изредка пошевеливая правой рукой с гусиным пером, делая вид, что делаю на нем какие-то записи. Одним словом, трудился, когда другие баклуши били.

К вечеру я почувствовал себя гораздо лучше, по крайней мере, начал менять бумагу под пером, чистый на чистый лист, чтобы проходящие мимо вельможные сановники могли бы видеть, что я много пишу, время от времени меняя исписанную бумагу.

К этому времени я уже более или менее разобрался порядках, творящихся во дворцах Петра Алексеевича, который никогда не опускался до того, чтобы даже просто поинтересоваться тем, в каких условиях живут и работают его соратники и товарищи, которые еще не имели поместий или родовых замков. В начале своей службы секретарем у государя я пребывал в сословии простолюдинов, поэтому мне приходилось самому заниматься организацией и обустройством своего спального и рабочего места.

После поездок с государем по стране возвращаясь в санкт-петербургский дворец, я первым делом встречался с местным камер-юнкером или камергером и решал с ним животрепещущий вопрос своего благоустройства. Виллим Иванович Монс, пусть земля ему будет пухом,^[31] с должным вниманием относился к моим просьбам, предоставлял полную свободу рук для решения этих вопросов. Иными словами, я сам должен был искать и находить лежанку, на которой мог бы поспать по ночам. Что же касается рабочего письменного стола, то во всех рабочих местах или в дворцах, в которых государь останавливался, всегда имелся резервный письменный стол, который мгновенно предоставлялся в мое распоряжение. Таким образом, я решал вопрос своего личного обустройства, чтобы, как только я с государем появлялся в новом месте, мгновенно приступать к работе — секретарствовать при Петре Алексеевиче. Вначале государь не обращал внимания на эти мои старания, но постепенно начал привыкать к моему постоянному присутствию рядом с ним и никогда без меня не обходился.

Ну так вот, в тот вечер моя проблема заключалась не в том, чтобы искать лежанку на ночь, а в том, как до нее добраться. Я же не мог, как пьяный царский денщик Васька Суворов,^[32] идти по дворцу у всех на виду, шатаясь от одной стены коридора до другой, или, как Никита Моисеевич Зотов,^[33] из-за полной неспособности стоять на ногах, ползти по коридору. Мое простолюдинское достоинство и мой малый придворный чин этого не

позволяли.

Я должен был степенно подняться из-за стола, поклониться в угол с иконами и лампадой, чинно перекреститься и, степенно ступая животиком вперед, пройти по этим малоосвещенным дворцовым коридорам. При этом я должен был строго себя блюсти: кого при встрече не замечать, кому кивать головой в знак приветствия, а кому кланяться в пояс, растягивая губы в любезной улыбке.

В полном внутреннем расстройстве, чтобы другие этого не видели, я должен был себе честно признаться в том, что в этом состоянии я был пока не готов самостоятельно пройти до своего спального места. Сашка Кикин куда-то запропастился, не отзываясь на призывы, поэтому минимум до утра я оставался без друга и помощника, без помощи которого не смог бы преодолеть расстояние и добраться до лежанки. В этот момент мимо проходил и к моему столу подошел Александр Никитич Прозоровский и хотел мне задать какой-то вопрос, но, увидев мои «задумчивые» глаза и совершенно самостоятельно шевелящуюся руку с гусиным пером, как-то странно икнул и далее пошел своей дорогой.

После ухода Прозоровского я пришел к окончательному решению, чтобы завтра ни свет ни заря быть на своем рабочем месте, сегодня вечером мне не стоило бы его покидать и рисковать своей нарождающейся придворной репутацией. Вместо мягкой лежанки мне эту ночь лучше было бы провести, отсыпаясь на этом столе. Взобраться-то на стол я сумел без посторонней помощи, а раздеваться не надо. С этой гениальной мыслью я взял со стола кипу неисписанной бумаги, гусиное перо и начал их аккуратно складывать на подоконник за оконной гардиной.

За окном завывала настоящая русская пурга, сугробы были до окон, из-за полного отсутствия света на городских улицах ни зги не было видно, одна только сплошная темнота. Из-за большого количества выпавшего снега по улицам города было невозможно ни пройти, ни проехать. И все это происходило в новой столице великого русского царства, на строительство которой брошены лучшие силы земли русской. Я этого города не знал, знакомых у меня там не было, поэтому после приезда еще ни разу не покидал дворца и не выходил на улицу. В этот момент в однотонном завывании зимнего ветра мне послышалось волчье подвывание, а эти звери, по рассказу одного царского пса, полюбили, как только устанавливался лед на Неве, городскую реку переходить у строящейся Петропавловской крепости на Заячьем острове.

Едва, налюбовавшись зимой за окном дворца, я снова вернулся в свое прежнее положение на стуле за письменным столом, чтобы начать планирование и осуществление операции по влезанию на стол для спанья, как почувствовал на себе чей-то внимательный, но уж очень тяжелый взгляд. Я поднял глаза и от ужаса, охватившего меня, чуть не свалился со стула.

Передо мной стоял красавец и душегуб князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский собственной персоной, второй после государя Петра Алексеевича человек в великом русском царстве. Он был в шикарной фиолетовой шубе из горностаев, расстегнутой на большом животе, под которой проглядывал красный с позолотой кафтан-ферязь, в горлатной шапке из куницы, в красных юфтевых сапогах на высоком каблуке и с тяжелым посохом в правой руке. Боярин был один, ни о чем меня не спрашивал, а стоял перед моим столом и своими выпуклыми глазищами, словно удав перед тем, как проглотить очередного птенчика, внимательно меня рассматривал. Взгляды наших глаз встретились, но я даже не трепыхнулся, у меня не было ни сил, ни желания сопротивляться взгляду этого человека.

Я реально ощутил, как алкоголь самостоятельно и торопливо покидает мою кровь. Это надо же такому случиться, чтобы ко мне самолично пришел этот боярин, перед жестокостью и самодурством которого дрожит вся русская земля, все царство русское. В стрелецкое восстание он простым топором срубил головы пятерым стрельцам и дальше продолжил бы свое палачье дело, если бы его не остановили. Государь Петр Алексеевич настолько доверял этому аспиду, что на время своих долгих отлучек всю Россию доверял этому боярину. Я продолжал сидеть на стуле ни жив ни мертв, только еще ниже пригнул свое рыло ближе к поверхности стола, а как же иначе я должен был бы себя вести, слава богу, что не обмочился.

Наши гляделки продолжались минуты две-три, не более, но за это краткое время алкоголь полностью покинул мои вены и голову. Я уже лучше соображал и в памяти попытался разыскать какую-либо информацию о князьях Ромодановских. Все, что мне удалось вспомнить, так это была малая толика информации о том, род Ромодановских является одним из ответвлений рода Стародубских, а те пошли от самого Рюрика. Но эта информация меня мало интересовала, ведь боярин Федор Иванович, как только Петр Алексеевич отобрал у своей сестры Софьи государственную власть, начал заниматься политическим сыском, став главой Преображенского приказа.

Недолго продолжались мои мысленные метания в поисках спасения и информации об этом человеке, как послышался его скрипучий голос:

— Ну что, мил сударь, нашел себе хорошую работенку под бочком у государя, а почему ко мне не явился, не доложил и не представился? Я государя берегу, берегу от всяких прощелыг, а как их всех отошьешь, когда ты к нему уже десять лет назад подкатился и хорошее впечатление начал производить. Ну да ладно, собирайся, и ко мне поехали, поговорить надоть.

Князь-кесарь Федор Юрьевич повернулся и величественной поступью направился к выходу из дворца, а я, как был, трусливой собачонкой, на бегу схватив легкую накидку, помчался вслед за боярином.

В простенькой накидке и легком кафтанчике я выскочил на улицу, прямо на мороз, но замерзнуть не успел, у самого дворцового крыльца уже стоял большой возок для дальних поездок. Два усатых и могучих берейтора помогли князю-кесарю Федору Юрьевичу подняться в возок, и когда он скрылся в его глубине, то один из берейторов обернулся и пальцем мне показал, чтобы я забирался внутрь. Меня аж пот пробил, как это я, простой простолюдин, могу ехать в одном возке с великим русским боярином! Но мне не дали времени на обдумывание ситуации, второй берейтор подошел ко мне и, взяв за порты и ворот, с силой зашвырнул меня внутрь боярского возка.

— Выпить водки хочешь, чтобы головную боль унять? — Над ухом послышался чуть-чуть участливый скрипучий голос.

Я в ответ отрицательно помотал головой. Как в такой темнотище Ромодановский смог рассмотреть это мое отрицательное мотание головой, я не знаю, но он увидел и больше ко мне с участливыми и просто вопросами не приставал. А я, больше ориентируясь на пальцы рук, сумел на ощупь добраться до сиденья возка и на нем удобно устроиться. Мне повезло уже одним тем, что Федор Юрьевич сидел напротив меня, а я мог спокойно посидеть один,

размышляя о том, что же со мной это такое происходит. Почему этот страшный боярин так заинтересовался моей личностью?

Но ответа на этот вопрос я не успел найти, возок остановился, появились знакомые берейторы и, бережно поддерживая боярина под локоток, помогли Ромодановскому выбраться из возка и взобраться на крыльцо большого, добротного и красивого терема. На меня берейторы уже не обращали никакого внимания, поэтому мне пришлось самому выбираться из возка и по глубокому снегу идти к крыльцу. Поднимаясь по ступеням крыльца, я подумал о том, откуда в Санкт-Петербурге мог появиться такой большой и красивый терем, в строящемся на Неве городе в основном строили каменные дома.

В этот момент меня сзади крепко обняли и потащили с крыльца, я совершенно не ожидал этих объятий, поэтому не смог вовремя оказать сопротивление, кубарем слетев с крыльца. Разумеется, когда тебе не везет, то не везет до конца, со всего размаха я лицом влетел в громадный сугроб снега. Знаете, это несколько неприятно при тридцатиградусном морозе, да и к тому же легко одетым оказаться в снегу. Но тем не менее мне пришлось выбираться из сугроба, и когда я почти из него выбрался, то лицом уткнулся в раскрытую медвежью пасть, из которой несло теплом и смрадом. В свете единственного факела, который светил с крыльца, мне едва удалось рассмотреть стоящего на задних лапах, ростом почти с меня, настоящего медведя, который стоял, положив передние лапы на мои плечи.

Это настолько поразило меня, что я замер на месте, не зная, что делать, куда бежать, куда скрываться?! А в этот момент снова послышался знакомый скрипучий голос Федора Юрьевича, который смеялся и приговаривал:

— А ты, Лешка, ему стопку водочки налей, вот Мишка от тебя и отстанет. Понимаешь, этот медведь очень любит выпить. Кто ко мне в гости идет, тот ему всегда анисовки и наливает. А ты этого правила не знал, вот Мишка тебя в мой терем и не пускает. Ну да ладно, — Федор Юрьевич ласково обратился к своему медведю, — Миша, хватит к добру молодцу приставать и пропусти его ко мне в гости. На обратном пути он обязательно тебе чарку водочки поднесет. А сейчас он мне нужен. Нам с ним поговорить нужно, а то завтра утречком он должен уже у государя быть, тот не любит, когда его секретари опаздывают.

Медведь словно понял слова боярина, снял лапы с моих плеч и поспешил в глубь заснеженного двора. А я все стоял и боялся с места двинуться, размышляя о том, откуда здесь медведь появился, почему меня не задрал и слов князя-кесаря Ромодановского послушался. В этот момент я даже мороза не чувствовал, пока один из берейторов добродушно не толкнул кулаком меня в плечо, подсказывая, что пора идти в терем.

Только я перешагнул порог терема, как меня встретил совсем молоденький слуга, лет десяти, не старше. Прикрывая ладошкой пламя свечи, чтобы оно не погасло от сквозняков, парнишка пошел впереди, освещая и показывая мне дорогу. Долго идти не пришлось, на втором этаже находилась большая светлица с небольшим столом посреди помещения и двумя креслами с высокими спинками. Служка подвел меня к одному из кресел и сделал приглашающее движение рукой, предлагая занять одно из них. У меня захватило дух, мне еще не приходилось бывать в таких светлицах. Паркетный пол, большая люстра с восковыми свечами над головой, изразцовый бок голландской печи создавали необъяснимый уют, в светлице было светло и тепло и приятный аромат от горящих над головой свечей.

Пока я осматривался, служка исчез, но в светлицу уже входил князь-кесарь Ромодановский, который успел переодеться. Сейчас на нем был легкий шелковый зипун, атласная рубаха, полотняные порты и татарские ичиги. Федор Юрьевич подошел к креслу,

стоящему напротив меня, и по-хозяйски в нем устроился, чтобы сразу же вперить в меня взгляд своих глаз. Но на этот раз боярин долго не молчал, а заговорил ласковым голосом, но взгляд его глаз оставался жестким и оценивающим.

— Ну что ж, брат Лешка, государь Петр Алексеевич попросил меня встретиться с тобой и ввести в курс тех государственных дел, которыми тебе придется заниматься, но о которых никто на белом свете ничего не должен знать и слышать. Он долго ожидал момента, когда тебя можно было бы привлечь к этой работе, два месяца назад решил, что это время наступило, и забрал к себе тебя от Александра Даниловича. Светлейший князь очень неплохо о тебе отзывался. К тому же ты парень понятливый и сметливый, поэтому я не буду ходить вокруг да около, а сразу же перехожу к разговору о деле.

В этом месте Федор Юрьевич сделал паузу, не спуская с меня жесткого взгляда своих глаз. От его слов меня бросило в жар, хотя не сказал бы, что в светлице было очень жарко, дрожащими от волнения руками я расстегнул накидку и сбросил ее с плеч.

— Одним словом, скажу, Алешка, что тебе придется заниматься организацией стратегической разведки русского царства.

5

Когда князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский произнес эти слова, то моя нижняя челюсть чуть-чуть совсем не отвалилась, но я даже бровью не повел, боясь любым неосторожным словом или движением себя выдать тем, что я понял, что может означать это выражение «стратегическая разведка». Но в тот момент я действительно не знал, что мне делать и как реагировать на слова средневекового русского боярина о стратегической разведке, что в начале семнадцатого века было в принципе невозможно. Я сидел ни жив ни мертв и глупо пялил глаза на Федора Ивановича, притворяясь, что не понял его слов и что под этими словами боярин мог иметь в виду. Он же в этот момент молчал и не отрывал глаз от моего лица, стараясь что-то в нем высмотреть.

И, видимо, этот паразит что-то высмотрел, так как усмехнулся, но на этот раз передо мной был не добродушный и добрый боярин-дедушка, а настоящий душегуб и палач рода человеческого. Он поднял руку и почесал затылок, затем обеими руками расправил свои длиннющие усы и, весело скаля зубы, произнес:

— Ну хватит тебе, Лешка, Ваньку-дурака ломать! Мои дьяки из Преображенского приказа тебя десятки раз через ситечко просеивали, каждую крупицу информации о тебе собирали, так что о тебе мы все знаем. Даже знаем о том, о чем ты думаешь или что собираешься делать завтра или послезавтра. Дьяк у меня один в Тайном приказе имеется, Ануфрием зовут. Пьянь несусветная, но талантлив безмерно, по почерку характер людей угадывает. Так он, твои цидульки понюхав и пощупав, прямо говорит, что ты человек не от мира сего. Зело умен ты и начитан, многое знаешь, но скрываешь. С людьми легко сходишься, а внешность имеешь неказистую, плохо запоминающуюся, тебя с другим человеком легко попутать можно. Так что, Лешка, кончай свою морду кривить и глаза бесовские шурить, все равно я тебе ни в чем не поверю. Все ты понимаешь, вот и внимай тому, что я тебе буду рассказывать о государе нашем Петре Алексеевиче и о делах государевых в Европах разных.

Честно говоря, я совсем не ожидал услышать со стороны этого великого русского

политика о себе такие добрые слова, поэтому решил внимательно выслушать то, что мне будут говорить, а уж затем решать, что буду делать по этому поводу. А Федор Юрьевич кликнул слугу и приказал нам принести графин водки собственного изготовления, две чарки и немного закуски. Водка почему-то оказалась красного цвета, крепкая и здорово шибала в голову, но я от этого не пьянел, а только здоровее головой становился. Особенно мне понравились соленьючки огурчики, маринованные белые грибки и капуста.

Князь-кесарь Ромодановский чопорно пропустил в себя большую чарку этой красной водки, повернулся в красный угол, перекрестился на образа и начал свой рассказ. Первым делом, он сказал мне, что моя первоочередная задача — всячески оберегать от происков вражеских лазутчиков и соглядатаев государя нашего Петра Алексеевича, беречь русское царство. Второй моей главной задачей боярин назвал то, что я должен приложить все силы и не беречь живот свой, чтобы приблизить окончание Северной войны.

После этого краткого вступления Федор Юрьевич начал вводить меня в курс моей будущей тайной работы. Главным врагом русского государства он назвал некоего Иоганна Рейнгольда фон Паткуля, лифляндского ^[34] дворянина, капитана шведской армии, генерал-майора войска Речи Посполитой и генерал-лейтенанта русской армии. Этот дворянин получил хорошее образование в юриспруденции, математике, инженерных науках, тактике и фортификации, был умен и умел хорошо ладить с людьми. Произнося слова о взаимоотношениях фон Паткуля с людьми, Федор Юрьевич многозначительно посмотрел на меня. Разумеется, я очень хорошо понял значение этого его взгляда, боярин полагал, что с этим лифляндцем я имел некоторые общие черты характера.

Далее Федор Юрьевич говорил о том, что фон Паткуль имел еще одну необыкновенную черту характера: он умел убеждать монархов в своей правоте или так строил свои рассуждения, что те безоговорочно ему верили. Иоганн Рейнгольд фон Паткуль далеко бы пошел на шведской службе, если бы не случалась так, что шведы, оккупировав Лифляндию, стали притеснять лифляндское дворянство, лишая его поместий. Фон Паткуль оказался среди многих лифляндцев, которые лишились своих земель. Он, добившись встречи с шведским королем Карлом XI, своим красноречием сумел его убедить в необходимости «восстановления нарушенных прав лифляндского дворянства». Но в этот момент разгорелся конфликт шведского губернатора Лифляндии с местным дворянством, Иоганн Паткуль оказался вовлечен в этот конфликт и, хорошо понимая, что ему грозит тюремное заключение, бросил шведскую службу и бежал из Лифляндии. В Швеции Иоганна фон Паткуля за покушение на восстание в Лифляндии, нарушение воинской дисциплины и дезертирство приговорили к лишению правой руки, чести, поместья и жизни.

С этого времени, рассказывал князь-кесарь Ромодановский, Иоганн Рейнгольд фон Паткуль становится изгоем и ярим ненавистником Швеции. Он свою дальнейшую жизнь посвятил тому, чтобы разрушить в те времена великое государство королевство Швецию, покарав его за понесенные им унижения и полученные оскорбления. Может быть, это была великая идея великого человека, но этот человек решил своих личных целей достичь чужими руками, руками сильнейших монархов Европы того времени: Августа II Сильного курфюрста Саксонии и короля Польши и Петра I Великого, великого русского царя.

В январе 1699 года фон Паткуль встречается с королем Августом II в Гродно, встреча продолжалась около двух часов. В ходе этой встречи Иоганн Паткуль представил польскому королю докладную записку, в которой подробно изложил рекомендации по ведению военных действий против Швеции. Вот как Иоганн Рейнгольд фон Паткуль видел ситуацию

в Европе и как предполагал ее использовать для достижения своих личных целей, сказал князь-кесарь Ромодановский, протягивая мне лист бумаги, которого до этого момента у него в руках не было.

Но я взял бумажку и глазами быстро пробежал каллиграфическим почерком выписанный текст:

«Данию легче всего привлечь к союзу в войне против Швеции, поскольку Дания давно уже недовольна тем, что Швеция занимает главенствующее положение. Однако при таком союзе для Дании существует большая опасность: географическое положение делает ее очень уязвимой, и шведам легко будет заставить ее выйти из войны. Чтобы добиться нейтралитета Бранденбурга, достаточно поддержать бранденбургского курфюрста в его стремлении получить королевский титул. Но самое главное — привлечь на свою сторону русского царя, а важнейшей предпосылкой для его участия в войне против Швеции является подписание мирного договора с Турцией.

Поэтому следует уговорить царя поддержать миссионерскую деятельность папы в Китае, тогда папа повлияет на императора Священной Римской империи и на Венецию, с тем чтобы в Константинополе был заключен благоприятный мир между Россией и Турцией.

Союз с русским царем сопряжен, разумеется, с определенным риском. Нужно принять все меры предосторожности к тому, чтобы царь не утащил Лифляндию из-под самого носа Августа II, для этого надо заранее определить, что причитается России. Так или иначе, очень важно внушить ему кое-какие иллюзии: во-первых, что его предки имели права на Лифляндию, и во-вторых, что достаточно будет царю получить Нарву — и он сможет со временем подчинить себе всю Лифляндию и Эстляндию. Но если царь завоюет Нарву, надо будет привлечь Англию, Голландию, Бранденбург и Данию, чтобы они вмешались и выступили в роли третейского суда».

6

— 5 октября 1699 года генерал-майор Иоганн Рейнгольд фон Паткуль встречается с нашим государем Петром Алексеевичем, — продолжил свой рассказ Федор Юрьевич, дождавшись, когда я закончу чтение первой бумажки. — На этой встрече он представил новую докладную записку. В этой записке он уже расписал все выгоды союза с польским королем для русской короны, что Россия должна «ногою твердой встать» на Балтийском море. В этом случае она не только усилит свое влияние в Европе, но и сможет, снарядив первоклассный флот, превратиться в третью крупнейшую державу Балтики. Петр Алексеевич, горя желанием свое государство вытащить из патриархального прошлого, воспринял идеи этого Иуды Искариота, в 1700 году Россия вступила в войну со своим северным соседом, а Паткуль еще долго продолжал свою преступную и подрывную деятельность.^[35]

В этот момент Федор Юрьевич Ромодановский пояснил мне, что к фон Паткулю он относится с большим предубеждением и во многом его считает неправым человеком, когда

тот ради достижения личных целей скрытыми переговорами вовлекает в смертоубийственную войну целые государства. Идти по трупам других людей ради достижения личной цели ни одному истинному христианину не позволено и не гоже. Хорошо, что в тот время нашему русскому государству действительно требовался выход к Балтийскому морю, чтобы выйти в цивилизованный мир, начать торговлю, отношения с Европой и вести с ней на равных разговор. Но было бы совсем уж плохо, если Россия оказалась бы в войне по одной лишь прихоти своего монарха, тогда зря погибли бы многие сотни тысяч людей. Все это могло бы произойти из-за одного только этого лифляндца, который научился странным образом действовать и убеждать монархов в правоте своих помыслов.

— С этого момента твоя задача, Алешка, — сказал Федор Юрьевич, глядя прямо в мои глаза, — будет заключаться в том, чтобы знать, что думают и чем занимаются иностранные послы в России, что думают о России правители европейских стран, какие козни они затевают против нашего отечества. Знать и противостоять этим козням, давать государю Петру Алексеевичу правдивую информацию по всем этим вопросам, советовать, с кем можно из западников иметь дело или кому совершенно нельзя доверять. — На секунду он задумался, отвел взгляд в сторону, тяжело вздохнул, а затем продолжил говорить: — Ты должен знать, что первоначально я был против назначения тебя на такую должность, уж очень ты молод и неопытен в больших государственных делах. Не люблю я простолюдинов, Лешка, не люблю... и в этом весь сказ. Они какие-то серые и сермяжные люди, не имеют должного кругозора и думают не об отечестве, а только о своей выгоде. Но этот дьяк Ануфрий меня потряс словами, что ты не от мира сего, сейчас я не буду пытаться и выбивать из тебя, как мне следует понимать эти слова дьяка. Да и Петр Алексеевич, по поводу моих оттяжек встречи с тобой однажды прямо мне сказал, что я становлюсь слишком старым, чтоб его на престоле замещать. Но он тотчас поправился и добавил, что я становлюсь старым своим духом, а не телом, хотя мне много уже лет, чтобы его замещать. Вот я решил встретиться и посмотреть на тебя, мил сударь. По твоим бесовским глазам вижу, что ты понимаешь, о чем я пытаюсь тебе втолковать, а я, если уж честно сознаваться, не совсем понимаю, как ты, молодой еще отрок, сможешь заняться таким огромным делом и его потянуть. Хватит молчать, звереныш, и поделись своими мыслями.

Как ни странно, но я совершенно не удивился этим словам такого умного и хитрющего боярина. Даже и сейчас он меня брал «на испуг», пытался поставить в позицию, чтобы в дальнейшем я бы зависел от каждого его чиха и слова. Я не собирался показывать явного своего противления его намерениям, в открытую ему говорить, что сам с усами, что хорошо понимаю, о чем он ведет речь. Мне было еще рано полностью раскрываться перед этим человеком, который сам был порождением патриархального прошлого России, но сумел вознестись над этим прошлым, став хорошим и верным помощником Петру Алексеевичу. Сделав лицо немного задумчивым и слегка растерянным, прикрыв веками глаза, я начал говорить:

— Ваше высокопревосходительство, ^[36] — мой собеседник очень удивился такому сложному к нему обращению, но ни движением рук, ни мимикой лица не выдал своего удивления, — стратегическая разведка — весьма сложное и дорогостоящее дело. Сегодня мир живет информацией, монархи принимают решения на основе той информации, которую они получают. Поэтому если такая информация достоверна, то и принятое монархом решение верно, а его государство пойдет по правильному пути и займет свою нишу в сфере

мирового развития. Всего пару лет назад Россия, создав собственную армию и флот, вышла на берега Балтийского моря, а до этого прозябала на европейских задворках. Сегодня наше отчество шагает по пути мирового признания, все больше и больше людей стараются приблизиться к нашему государю Петру Алексеевичу, войти в его ближний круг друзей, которым он доверяет.

В этом месте я сделал краткую паузу, чтобы дать время Федору Юрьевичу понять и освоиться с мыслью о том, что перед ним сидит не юный отрок, а взрослый муж, неплохо разбирающийся в событиях, происходивших в мире, вокруг русского государя, и прямой взаимосвязи этих событий.

— Каждый человек, войдя в государево окружение, затем всячески старался в голову Петра Алексеевича впихнуть именно ту информацию, которая была ему нужна и выгодна. Фон Паткуль подвернулся под государеву руку именно в тот момент, когда государь очень нуждался в разъяснении того, что в тот момент происходило в Европе, какое место Россия занимала в происходящих в Европе событиях, намекнув о том, по какой дороге России следует идти к своему возвышению. Чтобы противостоять временщикам и давать Петру Алексеевичу своевременную и правдивую информацию, мы должны иметь агентуру во многих странах Европы и даже в Швеции. Нам нужно делать им большие или маленькие подарки, всячески привлекать или покупать их симпатии. Мы должны перлюстрировать письма иностранных послов и посланников, а также иностранных граждан, работающих в нашей стране. Федор Юрьевич, — я обратился к князю-кесарю Ромодановскому, — ваш Преображенский, или Тайный, приказ не может справиться с этой непривычной для мозгов ваших дьяков работой. В прошлое уходят времена, когда враги отечества на дыбах или на колесах сами себя признавали врагами отечества или клепали доносы на своих друзей и знакомых.

В светлице терема князя Ромодановского воцарилась тишина, какая-то спокойная и уютная тишина. Хорошо было заметно, как заработали шарики и ролики Федора Юрьевича, побежавшие по мозговым извилинам этого убеленного сединами великого государственного политика. Снова наши взгляды скрестились, я внезапно осознал, что с этим русским мужиком, боярином из рода Рюриков, я найду общий язык, что мы подружимся и что он всегда и во всем мне будет помогать.

В этот момент Федор Юрьевич лукаво улыбнулся и, повернувшись боком ко мне, посмотрел в окно и сказал:

— Смотри-ка, Алексей Васильевич, уже светает, тебе пора возвращаться к Петру Алексеевичу. Он знает о нашей встрече и наверняка поинтересуется тем, как она прошла. Так, что собирайся и не забудь взять чарку водки для Мишки, а то он тебя со двора не выпустит. Берейторы с возком уже ждут тебя и быстро к царскому дворцу доставят. Так что прощай и будь здоров, а я пойду подремлю немного под теплым боком супруги.

Когда я уже занес ногу, чтобы переступить порог светлицы и спуститься на первый этаж по лестнице, то за спиной снова послышался его скрипучий голос:

— Да, едва не забыл тебе сказать, Алексей Васильевич, что тебе придется еще встречаться с Андреем Андреевичем Ушаковым и Петром Андреевичем Толстым, ближе познакомиться и поговорить с ними о специфике выполняемой ими работы. Но ни в коем случае этим кровопийцам не говори, чем ты будешь сам заниматься, для них ты личный государев секретарь и вправе всем интересоваться.

За спиной громко хлопнула дверь, когда я начал спускаться на первый этаж по лесенке

терема. Только тут до моего сознания дошло понимание того, что сейчас я нахожусь в Москве, в тереме князя Федора Юрьевича Ромодановского.

Посольский обоз из ста крытых возков, кибиток с пассажирами и телег с багажом и продуктами медленно тянулся по зимнику. Зима в этом году выдалась холодной и снежной. За стенами возков и кибиток стоял настоящий мороз под тридцать градусов, куда ни бросишь взгляд, повсюду были высокие сугробы снега. Чтобы в таком снегу пробить дорогу, накануне по этому тракту прошел полк драгун, который своим обозом и конями солдат утрамбовал снег и пробил полозную колею для наших кибиток и возков.

Этот полк драгун не только был проводником на нашем пути на Запад, к Балтийскому морю, но и нашей охраной, так как заранее распугивал братства разбойных людей большой дороги. В последнее время на наших дорогах развелась чертова куча беглых крестьян и солдат-дезертиров, причем все с топорами и рогатинами, которые ради пропитания грабят проезжих путников. Моим кабинет-гонцам и кабинет-курьерам совсем нельзя стало свободно по дорогам ездить, чтобы кого-либо из них не ограбили или даже не убили, в охрану солдат они начали требовать. Степка Чеботарев, мой кабинет-курьер, на это неоднократно жаловался, когда со срочной почтой отправлялся в столицу. Кому же будет приятно, когда тебя грабят, да еще убивают?!

Наши пращурь немцев и басурман отродясь не любили и не жаловали, вот и дорог к ним не строили, да и кто вообще в России дороги когда-либо строил? Зачем они нам нужны, когда сидишь себе в какой-либо глухомани и слушаешь, как волки воют за околицей и пытаются в хлев твоей избы забраться, домашнюю скотину вырезать и ею полакомиться. Красота, да и только!

А эти немцы проклятые все покоя не знают, куда-то торопятся, хотят большой торговлей заниматься, продать в России свои товары и на полученные от продажи деньги закупить русские товары, а затем эти русские товары продать на своей родине, набив большими деньгами свою мошну. Вот немецкие купцы и гоняли к нам по зимам громадные возы с товарами из серебра и золота, жемчуга и драгоценных камней, дорогих тканей, оружия, пороха, цветных металлов, экзотических продуктов, а также вина, сахара, специй и красителей для тканей. Неменьшие возы с пушниной, воском, медом, пенькой, юфтью, льном, смолой, строевым лесом, дегтем, парусным полотном, кожей и зерном они вывозили в свои страны. И эта перегонка обозов туда и сюда с товарами могла производиться только по зимним дорогам, по зимникам, так как летом проехать в Московию было абсолютно невозможно. Дорог в Россию совсем не было, а пробраться через болота и по лесным пущам ни один нормальный человек, какой бы он ни был национальности, был не в состоянии.

Вместо того чтобы хотя бы один раз пробить хороший тракт, чтобы им было бы возможно вдругорядь пользоваться и зимой, и летом, хитрая немчура, чтобы не тратиться, ездил к нам, в Россию, только по зимникам. Зимой там, где проходил хотя бы один воз на полозьях, обязательно пройдет второй, третий... сколько угодно возов купеческого обоза. Вот и приходилось нашим мужикам в глухих деревнях и селах, вместо того чтобы зимами по избам спать и детей строгать, брать в руки топоры и рогатины, чтобы с ними в руках таможенные посты ставить и с этих немецких купчиков таможенную пошлину собирать.

Личность немецких купчиков трогать и обозы полностью грабить было тоже нельзя! Если до ушей Петра Алексеевича доходила весть о том, что разграблен какой-то немчурин обоз, а купец, басурман проклятый, случайно убит крестьянской рогатиной, то он обязательно полк драгун на расправу с мирными крестьянами пошлет. Царские драгуны деревеньку, откуда приходили грабители с большой дороги, вместе с женщинами и детьми выжигали до основания, никого не щадя, а пойманных крестьян-разбойников развешивали по соснам и по елям, на радость лесному воронью.

Я с большим удовольствием перевернулся на другой бок, левая сторона тела слишком перегрелась, надо было немного повисить температуру другого своего бока, подогреть его у этой серебряной жаровни с такими прекрасными горячими угольками, продолжая одновременно размышлять о грабежах и убийствах на больших русских трактах. Эти убийства как таковые меня особо не волновали, я больше переживал из-за сожженных по приказу моего государя крестьянских женщин и детей.

Мне было до слез их жалко, ведь, отдавая свой приказ о наказании разбойников, Петр Алексеевич никогда не приказывал жечь женщин и детей. Но эти проклятые майоры, командиры драгунских полков карателей, следовали примеру некоего майора Андрея Андреевича Ушакова. А тот в свое время, наказывая жителей одной крестьянской деревеньки, перестарался и прямо на глазах у пойманных и связанных дорожных грабителей сжег их детей и женок. После чего развесил на деревьях вниз головами плачущих крестьян-разбойников. За этот каннибальский поступок Петр Алексеевич этого майора сделал своим личным палачом, катом. С тех пор Ушаков занимался делами, которые не мог себе позволить ни один нормальный человек. Пару раз мне приходилось с ним встречаться и разговаривать по некоторым вопросам не для широкого общественного внимания, нехорошим был он человеком, ненавидел все человеческое.

Но я этого майора Ушакова всей душой ненавидел токмо из-за того, что он со временем стал заместителем Петра Андреевича Толстого по тайной канцелярии.

Тем временем возки, санные повозки и кибитки посольского государева обоза, переваливаясь с боку на бок, едва ползли по пробитой драгунами дороге не потому, что наши лошади утомились или были слабыми. Лошадки-то были русскими и весьма выносливыми, могли бы эти кибитки и возки тянуть куда более быстрым шагом. Да все дело заключалось в том, что и зимой в наших российских пустошных болотах на западе державы хорошего и наезженного тракта никогда не бывало и не будет.

За стенами кибитки слышались громкие крики и свист возниц, которым и такая стужа была совершенно нипочем. Утром принял на душу чарку крепкой водки, натянул на голые плечи доху и сиди себе посиживай на козлах повозки, погоняй свою лошадку, спрятав рожу бандитскую в теплый воротник. На этот свист и крики я даже не пошевелился и в слюдяное окошко кибитки глазом не глянул, только-только пригрелся у походной жаровни. Да и не мое это дело — следить за ходом и справностью движения нашего посольского обоза по русскому бездорожью. Пускай Антошка Девиер и колготится, раз ему государем Петром Алексеевичем управление людьми и лошадьми обоза большого посольства поручено.

Обоз прекратил движение, по голосам возниц и солдат, проходивших мимо, можно было понять, что на повороте в снег опрокинулась одна из обозных кибиток с пассажирами. Поворот был не очень крутым, да и снега было много, поэтому из пассажиров кибитки никто не пострадал. Все целыми и живыми оказались, правда, в снегу слегка искупались и морозцу немного хлебнули, когда из опрокинувшейся кибитки на свет божий выбирались. Сейчас

возницы и солдаты собирались, чтобы перевернувшуюся кибитку снова на полозья поставить. Вдали слышались равномерные и такие привычные для русского уха ухающие звуки — это мужики всем кагалом кибитку поднимали. Вскоре, вероятно, с первой же попытки, если судить по общему радостному крику и ору, кибитка была поставлена на полозья. А я снова повернулся на другой бок и попытался задремать, так как ночь выдалась бессонной. Пришлось государя Петра Алексеевича внимательно слушать и с чаркой анисовки в руках рядом с ним сидеть, но я ни разу не касался губами края этой чарки.

После того как государь в молодости меня за веселое питье водки вместе с Сашкой Кикиным отодрал как Сидорову козу, по первое число, то уже в его присутствии я водки больше никогда не пил, а только чарку в руке держал и слушал, какие умные вещи государь глаголил другим людям. Запоминал, чтобы потом записать в свой путевой дневник, который государь приказал мне вести, делая ежедневные записи.

Я уже засыпал, когда в мою кибитку ввалился Ванька Черкасов, принеся с собой молодой запах анисовки и чертову уйму холоднящего воздуха. Поежившись плечами и телом, я ногой с силой пнул Ваньку в зад, диким голосом потребовав, чтобы он, эта гадина подколотная, быстрее дверцу кибитки закрывал бы и меня бы не морозил. Пока я снова впадал в глубокую и задумчивую дрему, Ванька успел натрепать о том, что опрокинулась кибитка Петра Андреевича Толстого. Что тот вместе со своей новой девицей, имени которой никто не знал, опрокинулся в глубокий снег и долго не мог оттуда выбраться, пока не подбежали солдаты и ему не помогли. С ним-то сразу справились и быстро поставили на ноги в колее санного обоза, а вот с девицей помучались. Она совсем не знала, как по-русски говорить, и долго не могла понять, чего солдаты и мужики от нее хотят. Только когда появился государь Петр Алексеевич и сам за ней полез в глубокий снег, то возницы начали шевелиться и ему помогать. Иноземная девица совсем замерзла, пришлось государю преподнести ей и всем работавшим для ее спасения по чарке анисовки.

В этот момент мой помощник Ванька Черкасов широко раскрыл рот, сделав глубокий выдох, чтобы распространившимся по кибитке запахом анисовки показать мне, как он тяжело трудился во имя спасения очередной толстовской шпионки.

Но я уже не спал, перед моим взором снова появился взгляд злых и одновременно таких обворожительных зеленых женских глаз, которые вот уже в течение более чем десяти лет регулярно сняты мне в страшных ночных видениях и кошмарах. Видимо, до конца дней мне так и не удастся забыть ту первую встречу с Петром Андреевичем Толстым, с этим хамелеоном в мундире офицера Преображенского полка, на Яузской переправе. Видение зеленых глаз настолько взбудоражило меня, что я как мог дальше отодвинулся от пышущего холодом и анисовкой Ваньки и, спиной прислонившись к войлочной стене возка, снова задумался.

За дверьми возка завывал злой и очень холодный зимний ветер, все норовил возок опрокинуть, но был слабоват для такого дела. Да и здесь, ближе к западной границе русского государства, этот ветер задувал не так уж шибко, как это делал на великих просторах нашего отечества, где вытворял все, что ни пожелал. За одну только ночь мог по крышу замести любой высоты возок или кибитку посольского обоза или же неожиданным шквальным

порывом их опрокидывал. Тогда солдатам и ямщикам приходилось много трудиться, чтобы откопать из-под снега возок или поставить кибитку на полозья. В этих же местах ветер напрочь потерял свой дикий, необузданный и норовистый характер, одним словом, терял свой русский дух вольности и неподчинения. Здесь же он стал вежливым и услужливым западным ветерком.

Утром мы должны были покинуть пределы дедовской России и въехать на территорию только что нами завоеванной Лифляндии, родины некоего Иоганна Рейнгольда фон Паткуля, уже всеми забытого европейского авантюриста, развязавшего Северную войну. Фон Паткуль уже был давно казнен шведским государством, а Северная война все еще продолжалась. Сейчас новое русское посольство отправлялось в Европу для поиска новых союзников и создания новой коалиции, чтобы покончить с этой войной, которую так легко начали, но мы пока не знаем, как ее завершить.

До Риги оставалось два дневных перехода, но дорога все больше и больше превращалась в месиво из льда, снега и грязи, а значит, и скорость движения нашего посольского обоза снижалась день ото дня. К тому же наступало время, когда требовалось полозья заменять колесами, а эта смена могла занять не менее суток. В любом случае посольский обоз ночь простоят на съезжей мызе. Государь Петр Алексеевич и Катерина из-за царских привилегий будут ночевать на настоящих полатях этой съезжей мызы, в матрасах которой имелось великое множество клопов, их даже морозом нельзя было вывести. А всем остальным посольским чинам спать придется, как и в прошлые ночи, скрючившись или валетиком в ездových возках и кибитках. Мне же с Черкасовым личным распоряжением государя был выделен целый возок, поэтому приближающейся ночи нам нечего было опасаться. Из-за моего секретарства ко мне боялись приближаться и напрашиваться на ночлег такие люди, как Борис Петрович Шереметев,^[37] но им так хотелось хоть бы раз поспать выпрямившись. Один раз он все же подошел и слезно попросил меня потесниться, намекая, что этого не забудет и в свое время оплатит. Но я хорошо знал из его переписки с государем, которую я вел, что этот генерал-фельдмаршал очень не любил возвращать долги, честно и по-солдатски быстро забывая о их существовании, поэтому принял тупое солдафонское выражение лица и ему отказал.

После отказа Шереметеву к нам с Черкасовым никто больше не приставал с какими-либо просьбами. Из-за своей приближенности к государю Петру Алексеевичу и своей секретности я вдруг оказался обделен слухами и подслушанными разговорами, так как никто ко мне не приходил, не рассказывал и не делился новостями и впечатлениями о том, что происходит в обозе. Из-за всего этого мне становилось тоскливо, ужасно скучно, и я постоянно дремал. Правда, в эти моменты я выполнял специальные задания Петра Алексеевича, сношался с Федором Юрьевичем и советовался с ним по различным интересующим нас обоим вопросам, но рассказ об этом чуть позже.

Пару раз меня к себе в возок зазывал государь Петр Алексеевич. Последний раз, с подозрением поглядывая на меня, поинтересовался, как это я свободное время провожу, чем во время дневных переходов занимаюсь, при этом все время свою ладонь к моему лицу прикладывал. Нет, бить меня государь не собирался, пока еще было не за что. Это, видимо, Петька Толстой, который только что с государем беседовал, облыжно обо мне отзывался, говоря, что моя морда толстеет не по дням, а по часам от моего ничегонеделания. Несколько раз Петр Андреевич пытался ко мне в возок залезть и побеседовать, но каждый раз я его вовремя шугали в возок даже глазом заглянуть не давал, вот мужик и бесился. А Петр

Алексеевич мою морду своей дланью измерял для того, чтобы проверить, насколько она расширилась и потолстела. Я же в ответ доставал свою тетрадь с путевыми заметками и эдак небрежно перед царской... лицом помахивал. Петр Алексеевич тут же терял интерес во мне, так как хорошо знал, что я без дела никогда не сижу и очень люблю разные записи делать.

К тому же Катерина Алексеевна уже толкала государя в бок, мол, нечего к занятому человеку приставать. Она меня любила и всячески оберегала, но я ее любви больше всего на свете боялся. Не дай вам боже с Екатериной Алексеевной связаться, Петр Алексеевич этого не потерпит и вовек не простит, за один только взгляд исподлобья на супругу он уже не одну душу на плаху к палачу отправил.

Однажды государь Петр Алексеевич изволил за Алексашкой Меншиковым с дубиной и громкой русской бранью гоняться вдоль всего нашего обоза. Видать, для того чтобы все посольские немного повеселились и от дикой лени отошли. А что касается Алексашки, так тот опять чего-нибудь государственное спер, его государю тут же заложили. Они встретились, обсудили проблему и решили немного размяться, друг за дружкой гоняясь. Потом все посольские, временами стыдливо отводя глаза и крестясь троеперстно, слава богу, что не они на месте Алексашки оказались, наблюдали за тем, как Петр Алексеевич морду своему Данилычу бил. На следующее утро, это уж я один наблюдал, Алексашка Меншиков, генерал-губернатор Лифляндии, в сильно напудренном парике и с так же сильно припудренной мордой — сквозь белый тальк хорошо просматривались синяки под глазами — сел в седло своего скакуна, сына старого Воронка. По приказу государя он, так и не доехав до столицы своей лифляндской столицы, возвращался в Санкт-Петербург, чтобы Федору Юрьевичу Ромодановскому помогать управлять Россией, взяв на себя Санкт-Петербург, где тоже был генерал-губернатором.

Мой бывший учитель Александр Данилович был очень хорошим человеком, но слишком уж любил все чужое себе в карман класть, особенно крестьян и их земли, вот и брал их почем зря, иногда с большими скандалами. Я его никогда за эту kleptomанию не осуждал, но зачем было ему, человеку, столь приближенному к Петру Алексеевичу, такие скандалы на людях устраивать?!

Когда все свои аферные дела можно было бы тихо обделывать, заплатив рубль или пять рублей нужному человеку. Все в таком случае были бы довольными, никто не будет обижен, а у тебя в управлении, а потом уже в собственности много казенной земли и крестьянских семей останется. Из-за своей неграмотности или из-за того, что у него ума не хватало, Александр Данилович всегда становился центром какого-либо общественного скандала, а государю волей-неволей приходилось в воспитательных целях за свою дубинку хвататься. Ну да ладно, хватит мне о Меншикове мыслить, он мне не друг, но и не враг, а лишь спутник и учитель по жизни. Лучше я о Петре Андреевиче Толстом подумаю, который был мне более чем враг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перед моими глазами встает лодочная переправа через московскую Язу. Моложавый старый хрыч Петр Андреевич Толстой и зеленоглазая пани Язи, прекрасная полячка, которую Толстой к государю на разговор провожал. Очень интересной личностью та зеленоглазая девчонка оказалась. Она была из самого рода Мнишек,^[38] который к этому времени совсем обезденежел, вот и пришлось ей подвизаться на шпионском поприще.

Когда мы в ту нашу первую ночь разговорились, она была вынуждена в Лефортовском дворце переночевать, а я там на постоянное жилье в первую ночь устраивался, вот мы

случайно в дворцовом коридоре столкнулись и разговорились, на ночь глядя. Девчонка откровенно мне призналась, что Петра Андреевича на дух не воспринимает, хотя он является настоящим благодетелем, такие деньжищи за ее будущую работу отвалил, что ее отец семейства все долги оплатил и теперь новую земельку к поместью прикупить хочет. Я не спрашивал, девчонка сама мне рассказала, что рано утром уедет в Швецию, где должна стать официальной фавориткой Карла Двенадцатого.

Меня по настоящее время в сильное волнение приводит то обстоятельство, что в ту ночь зеленоглазая пани Язи так откровенно со мной разговаривала, предложив окончание ночи провести в одной постели.

Позже Сашка Кикин мне на ухо шепнул, что Петр Андреевич Толстой — доверенное лицо государя Петра Алексеевича и занимается нехорошими делами. Ищет красивых баб по миру, их укрощает, ссужает большими деньгами, чтобы позже подсунуть их в постель сильному миру сего. Причем после того как баба становится полюбовницей короля или какого-либо иностранного министра, Толстой поддерживает с ней регулярные отношения, часто к ней ездит, или она к нему приезжает.

Занимаясь наведением порядка в государевых архивах и одновременно просматривая старинные документы, в них я часто встречал упоминание имени этого человека. Оказывается, в конце прошлого века именно Петька Толстой и Ванька Милославский криками «Нарышкины Ивана Алексеевича задушили!» подняли на восстание царских стрельцов, проскакав на конях от начала и до конца Москву. Толстой восемь лет помогал царевне Софье Алексеевне править московским царством. А когда наступило время расплаты, когда государь Петр Алексеевич правомерно занял царский трон, то Ваньке Милославскому и многим стрельцам на Красной площади отрубили головы. Софью Алексеевну отправили в монастырь перед Господом Богом замаливать свои земные прегрешения. Ванька же Толстой по неведомой причине сумел избежать Божьего наказания, не потерять головы и снова прилепиться к Петру Алексеевичу.

Таким образом, вырисовывалась не очень хорошая картина, когда Петька Толстой сначала предал молодого Петра Алексеевича, а затем ради сохранения собственной жизни предал и своих бывших стрелецких соратников, вымаливая у государя жизнь. Однако государь долго не мог простить Петьке Толстому участия в стрелецком бунте, относился к нему с недоверием, но высоко ценил его изворотливость и поганость ума.

В одна тысяча шестьсот девяносто седьмом году великий государь Петр Андреевич попал в группу молодых русских парней для обучения «морскому делу» в Италии. Через два года он вернулся в Россию, имея грамоты, удостоверявшие его познания в мореходстве. Каждый день пребывания за границей он делал запись в путевом журнале о том, что видел и что делал.

Не имея возможности лично встретиться и доложить Петру Алексеевичу о своих заграничных успехах, Петька Толстой, эта гнида подколотная, сделал так, чтобы государю дали на прочтение его путевые заметки о пребывании в Италии.

Но стать военным моряком Петьке Толстому так и не было суждено, Петр Алексеевич направил его чрезвычайным и полномочным послом в Турцию, где он просидел до тысяча семьсот четырнадцатого года. Это из-за него мы с Петром Алексеевичем несколько месяцев просидели окруженными турецкими войсками на Пруте, ведь к тому времени государь начал этой гниде доверять и подарил ему свой портрет в алмазах.

Советник государя Петр Андреевич Толстой с новой девицей ехал в кибитке

посольского обоза вместе с Борькой Шафировым. Хорошо, что Борька в тот момент, когда кибитка опрокидывалась, находился в совершенно другом месте, вот и пришлось Петьке одному со своей девицей барахтаться в снегу. Ну откуда же тогда в его кибитке оказалась неговорящая по-нашему незнакомка и что она собой представляет? Надо будет чуть позже у Борьки Шафирова поинтересоваться, этот дружище за копейку продаться кому угодно может, а информации в его в голове дай боже сколько. Главное, Борька умеет язык держать за зубами и на людях, в отличие от Александра Даниловича, не треплется.

На следующее утро посольский санный обоз дополз-таки до Риги, но, не заползая в сам город, остановился в пригороде столицы рижской губернии, в московском форштадте, где проживали русские купцы. Рижский генерал-губернатор князь Петька Голицын^[39] в сопровождении целой своры своих офицеров и бурмистров прибыл встречать государя Петра Алексеевича, все время ему по старинке поясно кланялся и с тоскливым взором в глазах ожидал государевых распоряжений. Видимо, в тот момент он мечтал только об одном — сохранить свой пост губернатора в этой тихой и доходной западной губернии и дожидаться, когда Петр Алексеевич со своим посольством уберется из города, отправляясь далее в страны Балтики.

В этом московском подворье посольский обоз окончательно должен был с санных полозьев перейти на колеса, превратив возки и кибитки в тяжелые и легкие кареты для путешествия по дорогам Южной Балтии. Февраль на западном балтийском побережье всегда отличался своей мягкостью, снега в этот месяц практически не выпадало. Но, как оказалось, заграничная грязь мало чем отличалась от российской дорожной грязи. Разве только тем, что была не столь глубокой, ступишь в нее — и не утонешь по колено, как обычно в отечестве, но на обувь она налипала пудами. Я только ступил из своего возка, как мои черные полированные башмаки приобрели такой неприязненный и неопрятный вид, они стали такими грязными, что я не выдержал и был вынужден громко и матерно прокомментировать это обстоятельство.

Причинно-следственные связи отлично сработали и на этот раз, ну с какого иначе ляда рядом с моим возком в этот момент носильщики проносили паланкин с Екатериной Ивановной, государевой племянницей и нашим подарком, замуж выдаем, немецкому герцогу Карлу-Леопольду. Услышав родные русские слова, девушка не выдержала и, откинув полог, вся такая раздумывавшаяся и сдобненькая из него выглянула, чтобы посмотреть, ну кто это там так мило выражается?! Но, увидев меня, принцесса взгрустнула и потупила взор невинных девичьих глаз, при дворе государя я успел прослыть верным супругом и однолюбом, Катерина Ивановна совсем уж собралась сказать носильщикам продолжать путь. Но, немного подумав, принцесса явно нехотя предложила мне составить ей компанию до Риги.

Потом эта совершеннолетняя и двадцатичетырехлетняя девица добавила, что ей одной так скучно и тоскливо на этом западе, что и замуж совсем не хочется. Я, конечно, не поверил ее словам, очень удивляясь ее настрою, так как я не понял, где же пребывает ее постоянный ухажер и полюбовник, лейб-гвардии капитан Васька Коновницын, но решил прикусить язык. Раз дама приглашает меня составить компанию, то я, галантно сбросив

обметанные пудами лифляндской грязи лакированные башмаки, полез к девице в паланкин. Прежде чем задернуть полог паланкина и немного там согреться, я приказал носильщикам подобрать башмаки и, очистив их от грязи, нести с собой. В ответ носильщики радостно только закивали мне головами, но по их глазам я увидел, что они были готовы порвать меня на куски. Ведь одно дело нести в паланкине легкого веса принцессу, и другое дело тащить на своем горбу принцессу с мужиком в придачу!

Черт побери, к тому же в тот момент мне нужно было бы быть более внимательным, а то присутствие близкое Катерины Ивановны распалило дух и затмило разум, я и не заметил, что паланкин несли не наши русские крестьяне, а местные остзейцы, которые ни черта не понимали по-русски! С местными-то крестьянами надо было бы разговаривать по-другому, вежливей и с улыбкой, а не приказывать тоном барина.

Катенька была девушкой в самом расцвете сил и возраста, в паланкине нам вдвоем было совершенно тесно, и вскоре ее маленькие и такие вкусные грудки оказались в моем рту, язычком ласкал ее сосочки, а руки путешествовали по женскому телу невинной принцессы. Одним словом, в такой тесной обстановке я не устоял и она тоже.

Мы всего на пару минут задержались в пути, остановившись у местного дорожного трактира, позволив носильщикам хорошей кружкой пивка промочить горло. А сами занимались любовными утехами, причем Катерине Ивановне это дело так понравилось, что она носильщикам паланкина разрешила за мой счет, разумеется, выпить еще одну кружку пива. Мы с принцессой забыли обо всем на этом белом свете, отдаваясь запретной, но такой прекрасной любви. На десятой кружке пива носильщиков наш разум над зовом плоти возобладал, мы продолжили путь до Риги, чтобы в полной темноте войти в город через шведские ворота. По дороге нам часто встречались патрули уланов и драгун, которые останавливали и тщательно осматривали все кареты, въезжающие в город, кого-то разыскивая. Но мы с Катенькой в тот момент были слишком увлечены поцелуями, что на солдат не обращали никакого внимания. Когда один молоденький солдатик сунулся своим рылом к нам в паланкин, то я его так шуганул, что принцесса мило рассмеялась. А солдат в это время, как я краем уха слышал, рапортовал своему унтеру о том, что в паланкине никакой принцессы нет, а какой-то мужик с бабой милуется.

А в это время события в Риге развивались своим ходом. Празднество в городской ратуше по случаю прибытия великого русского государя Петра Алексеевича в столицу лифляндской губернии постоянно откладывалось на все более позднее время, неизвестно куда пропала принцесса и невеста Екатерина Ивановна. Придворные люди с ног посбивались, разыскивая принцессу в рижском дворце Петра Алексеевича, а конные разъезды драгун и улан весь город прочесывали, пытаясь ее найти в таком огромном городе с двадцатитысячным населением.

Они уже несколько раз дорогу от московского форштадта до Риги прочесали. В одном месте, на московском подворье им говорили, что принцесса Катерина Ивановна несколько часов тому назад в полном одиночестве убыла в Ригу. А в Риге, во дворце государя, в ее покои солдаты сколько бы раз ни заглядывали, то всегда слышали в ответ, что Катерина Ивановна еще не прибыла.

Государь Петр Алексеевич прохаживался по своим покоям, вместо трости опираясь на свою любимую дубинушку и многозначительно поглядывая на Антона Девиера. Бывший литовский свинопас, а теперь главный полицейский начальник России, бледнел, потел, но ничего не мог поделать, его люди Катьку или ее труп нигде не находили. Антошка хотел по

этому делу посоветоваться с Алешкой Макаровым, который был прекрасно осведомлен, кто с кем спит или кто кому козни строит, но и его не могли найти. В этой связи очень нехорошие мысли стали появляться и формироваться в голове Девиера, обретая форму немислимую, Лешка из-за своего застенчивого характера никогда не полезет под подол любовнице Васьки Коновницына.

Их величества, Петр Алексеевич и Екатерина Алексеевна, после долгой и грязной дороги привели себя в порядок, помывшись в местной баньке и одевши свежую одежду. А всех посольских людишек, предварительно расселив на московском подворье, заставили носиться по всему городу, разыскивая пропавшую принцессу-невесту. В этой суматошной и безголовой суеде никто ничего не понимал и не соображал. Правда, государыня Екатерина Алексеевна от имени Петра Алексеевича потребовала, чтоб все заткнули рты и ничего местным остзейцам не говорили о пропаже Екатерины Ивановны, опасаясь политического скандала.

В такой напряженной политической обстановке было нельзя постоянно откладывать начало празднества по случаю прибытия русского государя Петра Алексеевича в Ригу.

Это празднество было в самом начале, но ответная речь государя еще не была произнесена, хотя подготовительная суматоха к этому моменту уже закончилась, участники празднества тесной толпой выстроились на площади перед зданием ратуши. Тысяча факелов и свечей, зажженных в честь Петра Алексеевича и Екатерины Алексеевны, освещали ратушную площадь. Тысяча людей, недавно ставших подданными великой России, пришли на эту площадь, чтобы поприветствовать великих государей.

Именно в этот торжественный момент вдрызг пьяные носильщики внесли паланкин, покрытый белой шелковой тканью цвета девичьей невинности, на ратушную площадь. Собравшееся высшее общество Риги замерло от неожиданности, а затем с нескрываемым любопытством и интересом повернулось лицами к паланкину, предвкушая интересное развитие дальнейших событий. Великий государь Петр Алексеевич и государыня Екатерина Алексеевна приблизились к народу, чтобы тот хорошо слышал, что будет говорить наш государь.

Паланкин, разумеется, остановился непосредственно перед державной четой.

Ни я, ни Екатерина Ивановна даже и не догадывались о том, что эти грязные свиньи остзейцы, местные крестьяне в образе носильщиков, поступят подобным образом. Хотя они были пьяны, пили за мой счет, но эти свиньи так и не смогли забыть об обиде, нанесенной им мною просьбой почистить грязные башмаки. Поэтому решили выставить меня и Катерину Ивановну на посмешище, доставив наше переносное гнездо любви прямо на ратушную площадь Риги. Вот они и выставили паланкин прямо перед царской четой. В тот момент мы оба были слишком увлечены друг другом, чтобы обратить на такую мелочь внимание. Правда, нас удивило обстоятельство, что вдруг прекратилась легкая тряска, возникавшая при переносе паланкина носильщиками. Истомленная любовью принцесса Катерина Ивановна, не оправив как следует своего платья, перегнувшись через меня, отдернула полог паланкина, чтобы посмотреть, что же там происходит на улицах Риги, чтобы нос к носу столкнуться с государыней Екатериной Алексеевной. В тот момент я лежал

на боку, изучая строение правого сосочка Катькиной груди, потому успел только заметить, как глаза Катерины Ивановны округлились и начали стремительно увеличиваться в размерах.

В отличие от детской наивности и повседневной любознательности нашего государя Петра Алексеевича, государыня Екатерина Алексеевна в любовных делах обладала огромным женским опытом, жизнь ее приучила принимать мгновенные решения в самых неожиданных жизненных ситуациях. Государыня, не давая принцессе Катеньке и ее дяденьке и слова сказать, стремительно задернула полог паланкина, прошипев, обращаясь к государю, но эти ее слова можно было бы таким же образом мне отнести и к себе, и к Екатерине Ивановне:

— Катенька очень устала, чувствует себя разбитой из-за тяжелой дороги, ей, государь Петр Алексеевич, срочно требуется отдохнуть. Прикажи солдатикам отнести ее до моей опочивальни, там срочно уложат поспать. К полуночи она проспится, усталость пройдет, а затем, надев новое платье, к нам присоединится, чтобы немного повеселиться.

По всей очевидности, государь Петр Алексеевич в этот момент пытался понять, что происходит и кто с его племянницей Катенькой находится в паланкине. Всей своей наивной детской душой он рвался заглянуть в паланкин, но государыня Екатерина Алексеевна в таких делах была тертым калачом и, не позволяя ему откинуть полог паланкина, прошипела:

— Петя, ну не стоит тебе сейчас видеть эту стерву расхристанную, Катьку. Я же тебе сказала, устала она от дороги и плохо себя чувствует. Позднее, вечером ты сможешь ее увидеть, когда она оправится, сажей, белилами и свеклой свою рожу намажет и начнет своей толстой задницей перед тобой вертеть.

Через минуту, также шепотом, Екатерина Алексеевна добавила:

— А ты, Макаров, вместо того чтобы неопытных девиц в дальней дороге растлевать, за другими должен был подсматривать и подслушивать. Через два часа будь передо мной с докладом, расскажешь, как там мой сынок в Санкт-Петербурге поживает. Заодно я тебе своею собственной рукой твое красивое рыло начищу.

Нас с Катенькой, разумеется, разъединили, как только паланкин, несомый преображенцами покинул ратушную площадь. Государев денщик Иван Орлов, подонок, а не человек, с гадюшной улыбкой на своей угреватой рожке, велел мне подобру-поздорову покинуть паланкин, что я и сделал. Несколько удивленный таким поведением Ивана, которого хорошо знал, о котором Сашка Кикин мне рассказывал: грязный, мол, человек с задатками предателя и с ним не стоит иметь дела, я стоял практически босым на мокрой и холодной брусчатке узкой улицы Риги, ошалелыми глазами наблюдая, как преображенцы уносят паланкин с Катериной Ивановной.

Насколько я знал, посольство не должно было долго задерживаться в Риге. Петр Алексеевич спешил в Данциг, хотел своими глазами посмотреть, что там происходит и почему магистрат города так плохо принимает его войска. Поэтому уже послезавтра посольство покинет Ригу, поспешая в Данциг, но сейчас мне нужно было срочно найти кров над головой на эту ночь, помимо башмаков, у меня и одежды особенно не было, атласная рубашка и легкий камзол. До московского форштадта, где посольские остановились, идти было — далеко, да и это подворье за окраиной Риги находилось, кров нужно было искать в самой Риге.

Я внимательно осмотрелся вокруг и невдалеке увидел новый большой и, видимо, недавно построенный особняк, он выглядел таким чистеньким и облизанным домишкой. На

третьем этаже здания виделся свет в нескольких окнах. Обходя стороной лужи, я добрал до двери здания и специально повешенной колотушкой постучал в дверь. Прошло несколько минут, прежде чем дверь отворилась, на пороге со свечой в руках появился пожилой мужчина с седыми бакенбардами на щеках, который некоторое время меня рассматривал, задержав взгляд на моих босых ногах и легком камзоле, а затем задал вопрос на швабском диалекте немецкого языка, ^[40] кто я и чего желаю. По всему было видно, что этот человек нисколько не испугался появления разутого и раздетого человека, который, правда, не был оборванцем.

На таком же чистейшем швабском диалекте я представился саксонским дипломатом Лосом и кратко объяснил слуге причину своего появления, рассказав о том, что в нескольких шагах от этого дома меня остановили и, угрожая оружием, обокрали и раздели люди, не знавшие швабского языка. Я был один, а грабителей было три человека, все трое были с оружием, поэтому я не сопротивлялся и грабителям отдал деньги, верхнюю теплую накидку и башмаки. Выслушав мое объяснение, слуга вежливо посторонился, пропуская в дом и объясняя, что я попал в дом начальника рижской гавани господина Эрнста Данненштерна, который будет рад приветствовать саксонского дипломата у себя в доме.

Утром мне предстояла встреча с генерал-адъютантом графом Гребеном для переговоров о возможной встрече Фридриха Вильгельма I, короля Пруссии, с Петром Алексеевичем на пути посольства в Копенгаген.

Когда имеешь дело с немцами, то никогда не знаешь, как себя с ними вести, как с ними разговаривать. В принципе, немчура нормальные и понятные люди, но эта немецкая любовь к армейским мундирам, уставам и педантизму нормального немецкого человека в мгновение ока превращала в настоящего солдафона, на первых же минутах разговор с таким солдафоном мог свести тебя с ума. Такое превращение произошло и с Францем Гребеном, когда мы встретились в кофейне дома Черноголовых, он был обыкновенным, весьма разговорчивым и вежливым немцем, охотно говорившим о погоде, о ценах на сельхозпродукцию на местном базаре, о вкусе и о распространении кофе, который только что появился в Европе.

В рижском доме Черноголовых останавливались, некоторое время жили молодые неженатые иностранные купцы. Один из этих молодцов, видимо, торгуя кофе, в подвале этого дома устроил нечто вроде кофейни, куда приходил поболтать, обменяться последними новостями свой брат купец.

Здесь мы с Гребеном могли говорить на любые темы, не привлекая к себе внимания любопытных глаз рижских полицейских, они все еще продолжали служить не России, а Швеции, которую всего пять лет назад мы попросили навсегда покинуть этот город. Разговор с господином Гребеном первоначально шел очень оживленно, мы обменивались ничего не значащими любезностями и комплиментами, в основном затрагивая тему прибытия русского царя в Ригу и пьянства сопровождающих его царедворцев. Этот переодетый в гражданское платье немчура время от времени поглядывал на циферблат луковицы часов, ожидая, как мой агент в Кенигсберге ему говорил, появления личного представителя русского царя Петра Алексеевича, дабы через него договориться о встрече с

царем. Мне доставляло искреннее удовольствие наблюдать за тем, как сухощавое лицо немецкого генерала все более и более принимает тоскливое выражение, он давно уже слышал о том, что русские не бывают пунктуальными людьми. Адьютант прусского короля совсем уж посерел лицом, прошло более пятнадцати минут противу назначенного времени встречи, а никто из русских так и не появился в кофейне.

Генерал совсем уж собрался одеваться и покидать помещение, в котором помимо нас так и никто не появился, как я упруго поднялся на ноги и заново представился немцу, назвав себя Александром Борисовичем Бутурлиным,^[41] капитаном лейб-гвардии и личным денщиком его величества Петра Алексеевича. В ответ мгновенно послышалось щелканье каблуков гражданских башмаков, передо мной уже стоял настоящий немецкий генерал с ничего не выражающим лицом, губами, вытянутыми в полоску, разговор между нами на общие темы прекратился, и над нами нависло тяжелое и напряженное ожидание.

Три года назад королем Пруссии стал Фридрих Вильгельм I, который на престоле сменил своего отца Фридриха I. В конце прошлого столетия этот король войнами и дипломатическими переговорами сумел добиться того, что Пруссия вышла из состава княжеств Речи Посполитой и стала первым независимым немецким королевством. Если в то время все другие немецкие курфюршества и герцогства пресмыкались перед Англией, Голландией и великой Швецией, то Фридрих I сразу же повел независимую политику, направленную на укрепление независимости Пруссии, желая при этом подчинить себе другие немецкие земли. Петр Алексеевич встречался с этим прусским королем, но полного взаимопонимания между собой они не добились, уж очень Фридрих I хотел руками России, ее солдатами, завоевать себе господство над немецкими разрозненными герцогствами.

Когда Фридрих Вильгельм I заменил своего отца на прусском престоле, то через свою агентуру, которой руководил саксонский дипломат Лос, мы навели справку о новом правителе. Рыжеволосый, как и большинство Гогенцоллернов, кронпринц был невелик ростом, широкоплеч и кряжист. Сильный от природы, он доминировал в детских играх над своими многочисленными кузенами. Я обратил особое внимание в этой информации на то, что будущий король Пруссии в детстве проявлял агрессию по отношению к своему двоюродному брату Георгу Августу, будущему королю Англии Георгу II, и эта детская вражда отчасти стала причиной напряжённых англо-прусских отношений.

Фридрих Вильгельм интересовался самыми «низменными» предметами: работой каменщиков и плотников, кормами для лошадей, садоводством и огородничеством. Специально для маленького принца был устроен огород, где ребёнок с любовью выращивал овощи для королевской кухни. К французскому языку, обязательному в среде европейской аристократии, Фридрих Вильгельм питал отвращение. Гуманитарные знания также были ему неинтересны. Мальчик обнаруживал способности к математике, к рисованию, интересовался историей, обладал неплохим музыкальным слухом, однако в силу своего упрямого и агрессивного характера не смог получить должного образования даже в этих областях.

В самом раннем возрасте кронпринц заинтересовался армией.

Проявляя склонность к выяснению деталей любого явления, Фридрих Вильгельм вникал в быт и нравы казармы, в покрой солдатской формы, в рассказы солдат о былых сражениях. Светские манеры, которым безрезультатно пытались обучить его и родители, и воспитатель — граф Александр фон Дона, принц не воспринимал, так как считал их бесполезными.

Прочитав мою докладную записку, Петр Алексеевич добродушно похлопал меня по

плечу, а затем поднес своей кулачище к носу и так же добродушно сказал, чтобы и впредь я так же хорошо работал. Но, ни деревеньки, ни денег за проделанную работу не дал, молвив, чтобы в этом деле я брал бы пример с Александра Даниловича, но перед уходом сказал, что хотел бы встретиться с новым королем Пруссии и кое о чем с ним покалякать.

Во второй половине дня Петр Алексеевич принял генерал-адъютанта графа Гребена и беседовал с ним около часа, время от времени с удивлением поглядывая в мою сторону. Русский офицер, лейб-гвардии капитан Преображенского полка, одет в соответствующую полковую форму, а вот морда этого офицера ему была незнакома. Пару раз он порывался задать мне вопрос о том, кто я такой и откуда тут объявился, но сдерживался, хорошо помня о том, что встреча и переговоры секретные, о них никто не должен был знать. Государыня Екатерина Алексеевна посмеивалась, она давно уже догадалась, что секретарь мужа Макаров поменял свою личину на этого Бутурлина. Петр Алексеевич давно уже узнал о том, что встреча с королем Пруссии состоится в Гевельсберге в конце марта, а сейчас пытался из Гребена выбить информацию о том, как организованы и функционируют школы кадетов в Пруссии, на все свои вопросы получая короткие солдатские ответы, типа: «Не могу знать» и «Так точно, ваше величество».

Проводив генерал-адъютанта графа Гребена, я снова превратился в Алексея Васильевича Макарова и сел за свой рабочий стол, чтобы в путевом дневнике сделать короткую запись о только что состоявшейся встрече.

В этот момент покои покидали Петр Алексеевич и Екатерина Алексеевна, оба были в хорошем расположении духа и над чем-то громко посмеивались. Увидев меня, сидящего и работающего за своим столом, Петр Алексеевич перестал смеяться, остановился, он почему-то раскрыл рот и, по всей очевидности, забыл его закрыть. Он так и стоял некоторое время с открытым ртом, потом подошел ко мне и резко щипнул меня за плечо, отчего я громко вскрикнул, а Екатерина рассмеялась и сказала:

— Лешка, хороший ты парень, но государя своего удивлять не должен, нужно заранее его предупреждать о всех своих превращениях. А то называешь себя лейб-гвардии капитаном Александром Бутурлиным, а ведь это всего лишь шестнадцатилетний мальчишка, который только-только к армии приписан.

Утром следующего дня Рига осталась позади нашего посольства, мы спешили к свободному городу Данцигу, где нас уже ждала армия Бориса Шереметева.

В Северную войну ганзейский городишко Данциг совершенно неожиданно начал играть огромную роль в экономической и политической жизни многих стран Балтики. Казалось бы, этот прибрежный городок принадлежал Речи Посполитой, но в политическом и экономическом смысле город мало зависел от этого государства. Данциг старался рассматривать и продвигать себя как свободный город-государство.

Географическое положение Данцига делало этот прибрежный городок стратегически важным военным и транспортным узлом всего Балтийского моря. Экономическая политика магистрата Данцига была сугубо меркантильна, она строилась и проводилась исключительно в собственных интересах города и его купечества. Обладать Данцигом, этим жирным купеческим гусем, стремились все близкие и дальние государства Балтики: Речь Посполитая, Дания, Московское царство, Швеция, — рассматривая его как важнейший транспортно-торговый узел для своей экспансии, развития торговли и для своего политического укрепления в Европе. Но у самого Данцига имелись слабые стороны, которые ставили его торговлю под угрозу. Купеческий город-государство не имел собственных военных кораблей, свои торговые операции должен был прикрывать военными кораблями других стран, в частности военными кораблями Голландии.

Восемнадцатого февраля одна тысяча семьсот шестнадцатого года российское посольство прибыло в Данциг.

Этот день был воскресением, поэтому все городские жители смогли выйти на городские улицы, чтобы приветствовать приезд русского царя и его эскорта. К тому же наше посольство перед въездом в город час или два ожидало появления польского короля и саксонского курфюрста Августа II Смелого. Известный своей непунктуальностью, на этот раз Август II прибыл почти вовремя, чтобы вместе с Петром Алексеевичем принять приветствия жителей города, который отказывался признать над собой государственную власть Речи Посполитой.

Магистрат Данцига не пожалел денег на красочные фейерверки, праздничные представления, бесплатное пиво народным массам, чтобы веселием и радостью отметить прибытие обоих монархов. Пока народ праздновал, танцевал и пил бесплатное пиво на городских улицах, Петр Алексеевич в сопровождении самого бургомистра города отправился в ближайшую церковь, чтобы прослушать утреннюю службу. Разумеется, эта православная церковь оказалась битком забита посольскими людьми и народом. По тому, как Петр Алексеевич галантно улыбался и вежливо беседовал с бургомистром Данцига, у большинства присутствующих в церкви людей создавалось впечатление, что эти двое разговаривают о приятных вещах.

Но по долгу своей службы я хорошо знал о том, что в данную минуту государь напоминает бургомистру Данцига о долге города в триста тысяч ефимок ^[42] России и о необходимости этот долг, желательно монетами, срочно внести в государственную казну. В противном случае... в этот момент государь Петр Алексеевич снял с головы бургомистра парик и натянул на свою лохматую голову. А бургомистр втянул свою лысоватую голову

глубже в воротник жабо, со страхом оглядываясь на своего большого соседа. Затем Петр Алексеевич, также галантно улыбаясь, заявил этому трусливому бургомистру, что ему совсем не нравится то, что сейчас в Данциге находится слишком много шведских офицеров, которые, особо не таясь, собирают информацию о русских полках и на купеческих кораблях ее свободно переправляют в Швецию. Когда утренняя служба заканчивалась, то Петр Алексеевич вернул парик бургомистру и тихо ему сказал, что в самое ближайшее время Данциг должен снарядить четыре каперских брига по сорок орудий каждый, чтобы ими прервать свои отношения со Швецией.

Когда люди начали расходиться и покидать церковь, то кто-то из публики громко поинтересовался, почему это русский царь с головы бургомистра снимал парик и надевал его на свою голову? Я также громко отвечал, что у нас в Московии существует старая традиция: если голове гостя холодно, то хозяин должен уступить свой головной убор гостю. Больше вопросов о парике никто не задавал.

На дворе стоял февраль, по утрам бывало холодновато, да и многие немцы, жители Данцига, хорошо ощущали сквознячок, задувавший в соборе. Они все поняли, что их бургомистр оказался гостеприимным и радушным хозяином, великодушно ведущим себя по отношению к русскому царю...

Накануне посольского въезда в город я встречался с Петром Алексеевичем, он остановился во дворце епископа Эрм-Ландского князя Потоцкого, докладывал ему о настроении городского населения в Данциге. Много говорил о том, что наши солдатики очень скучают по отечеству и, беря пример с офицеров, много пьют и буянят, местных девок часто насилуют. Оттого среди простого народа идут и крепнут антирусские настроения.

Государь ухмыльнулся мне в ответ и сказал:

— Ты, Алешка, хороший парень, но чужак, каких свет не видывал. Иногда слишком много знаешь и ведаешь. Я ж тебе говорил, что это хорошо и плохо одновременно, но не тебе решать, какую мне политику вершить здесь или в другом месте. Даже я сам иногда не знаю, как лучше поступать в том или ином случае. Но жителей Данцига надо немного поучить и проучить за их постоянные сношения и тайную торговлю со Швецией. Сам же доносил, что шведский король Карл Двенадцатый о нашей войне сведения из Данцига и от англичан из Ганновера получает. Так что пускай наши русские парни немного, как жеребцы, порезвятся и разомнутся, нас же, русских, только больше в этом городе будет, а местным девкам ничего от этого не убудет. А ты, Алешка, лучше Катькой занимайся, ей же скоро замуж.

Мне пришлось прикусить язык и больше не бахвалиться тем, что обо всем знаю, а Петр Алексеевич продолжил свою мысль:

— Ты, Алешка, хороший русский производитель, у тебя одни сыновья вне брака рождаются. — Видимо, Петька Толстой, гаденыш, меня в этом деле постоянно с потрохами продает, подумал я в этот момент разговора с государем. — Значит, сейчас в тебе течет неиспорченная, благородная народная кровь, которую следует смешивать со слабой монаршей кровью и давать сильную поросль. Если Катька от тебя понесет, то Карлу-Леопольду там делать уже будет нечего и его Мекленбург-Шверинское герцогство нашим, русским, навсегда станет. Так что иди и хорошо старайся, а если плохо будешь с Катькой работать, то кату^[43] повелю голову тебе срубить.

Но вернемся к нашим баранам и подумаем о том, как продолжать подготовку встречи Петра Алексеевича и Фридриха Вильгельма I. Пруссаки сами попросили, чтобы до поры до времени особо много о такой встрече вслух не распространяться, держать факт ее

проведения в тайне. Когда Петр Алексеевич поинтересовался, почему пруссаки так себя странно ведут, то мне пришлось долго ему рассказывать о политических предпочтениях германских государств и роли Англии в этом вопросе. В результате такой секретности мои кабинет-гонцы и кабинет-курьеры мотались, не переставая, в оба конца, а я только успевал читать донесения и отвечать на поднимаемые в них вопросы.

Да и Катька совсем приладилась ко мне и до официального замужества пожелала каждую ночь проводить со мной. Я и так и эдак ее уговаривал, говорил, что не могу, много работы, но она каждый раз, когда я только спать ложился, уже в постели была и любви требовала. Ненасытной она оказалась на любовь эту, а я, работая, в эти моменты думал о том, что как только в Санкт-Петербург вернусь, то Ваське Коновницыну первым делом рожу намылю за то, что он своим делом так пренебрегал и такую девку неутешенной оставлял. Но, если уж честно признаваться, то хотел бы откровенно сказать, что эта любовь Катьки мне в главной и в тайной работе не мешала, а помогала еще большее рвение в делах служебных проявлять.

Но пруссаки, больше Катьки со своей любовью, меня своей мнительностью и подозрительностью донимали, они так о своем короле пеклись и радели, что мне пришлось переодеваться и одну ночь тайно потратить на встречу с одним их человечком.

Фон Руге, придворный обер-гофмаршал и тайный советник короля Фридриха Вильгельма I, ожидал меня в одном из штеттинских трактиров и, как добросовестный немецкий бюргер, попивал доброе немецкое пиво. Когда я в черном плаще, с треуголкой на парике и со шпагой на боку в тот трактир зашел, то он сделал вид, что меня не заметил и не признал, что сам в этом трактире совершенно случайный человек.

Следует только упомянуть, что сейчас в трактире случайных посетителей и завсегдатаев не было, ни одной живой души в зале. Хозяина трактира еще задолго до моей встречи с фон Руге взашей повыталкивали вон, чтобы не мешал «случайной» встрече двух достопочтенных немецких бюргеров. К тому же несколько немецких ландскнехтов в темных гражданских плащах, с ничего не выражающими, лицами, но со шпагами на боку, несли караульную службу за стенами этого трактира. Они аж целую тропинку натоптали, проходя вокруг трактира.

Войдя внутрь трактира, я же не стал театра разыгрывать, пароли называть и ответа дожидаться, а сразу за стол к фон Руге пристроился и, не поздоровавшись, ладонью хлопнул по столу, потребовав и себе кружку хорошего немецкого пива. Из темного угла тотчас же вывернулся ловкий хват парень и молча поставил передо мной кружку любимого мной темного портера.

Сразу можно было догадаться, что уважают пруссаки-стервецы меня, заранее изучали мой характер и привычки!

Фон Руге заговорил о том, что появление русских войск в Речи Посполитой и в Германии, а также их поведение вызывает у союзников раздражение и даже ненависть. Что в Данциге русские ведут себя как у себя дома — отвратно и по-хулигански. Прусских солдат за людей не считают и по-свински к ним относятся. Что Петр Алексеевич с королем Августом II обращается без уважения и настолько надменно, что европейцы начинают бояться за судьбу польского короля. Мол, некоторые министры прусского правительства из-за всего происходящего просят короля Фридриха Вильгельма I не спешить с дружбой и со вступлением в союз с Россией. Они хотят выждать некоторое время, чтобы посмотреть, какой политический поворот примут происходящие сегодня события и что в результате из этого

получится. Король Фридрих Вильгельм I внимательно за всем этим следит, но окончательного решения пока не принял.

На что я, громко и звучно прихлебывая пиво, это чтобы слегка нервами фон Руге побаловаться, резонно возразил, что это большая политика, а до политики мне дела нет, Петр Алексеевич принимает решение, а я его выполняю. Если же прусская сторона хочет, то я могу оказать им эту услугу — дайте мне конверт с письмом, и я обязательно доставлю его по назначению. Мое дело простое, убить там кого-либо или под опалу своего короля подставить, говорил я, продолжая громко и непочтительно прихлебывать свое пиво. Но чем дальше Пруссия будет находиться в стороне от происходящих событий в шведской войне, тем меньше трофеев ей достанется, ехидно я подметил.

Этими словами я намекал на то, что шведам скоро кирдык придет, Россия сама со шведами справится, и тогда коалиционным странам мало чего от дележа военных трофеев достанется. А если прусские министры и далее своей политики нейтралитета будут придерживаться, то это уже будет личным делом прусского короля. После чего добавил, что вершить политику это не мое дело, а приехал к нему, чтобы договориться о точной дате, месте встречи обоих государей и об организации охраны этой встречи, пусть государи во время этой встречи все свои политические проблемы и решают.

Пруссаки правильно понял и оценил тонкость моего намека, в ходе встречи он больше не говорил о поведении наших войск в Данциге и в Речи Посполитой. Мы с ним конкретно обговорили, где и когда пройдет встреча наших государей и что нам нужно в этой связи для ее подготовки проделать. С фон Руге я расстался вполне удовлетворенным достигнутыми результатами, а он, гад, напоследок так хитренько поинтересовался, почему я не проявляю нескромного интереса к немецким девушкам, а все свободное время провожу с Сашкой Кикиным.

Петька Толстой, непонятно почему, может быть, от большой озлобленности на меня, перед самым отъездом посольства из Санкт-Петербурга принялся распространять злобный слух о якобы братской любви, существующей между мной и Сашкой Кикиным. Но в нашу мужскую любовь мало кто при дворе поверил, слишком уж он полнился слухами о моих внебрачных сынишках. Да и слишком уж прилежно я дни и ночи проводил, сидя практически в ногах государя Петра Алексеевича, у всего двора на глазах, делая свою секретарскую работу. Государыня Екатерина Алексеевна иной раз, проходя мимо стола, задерживалась на секундочку и говорила мне, чтобы я хотя бы пару деревушек и душ сто крестьян Пелагеюшке Полубояровой отписал, бедствует она со своим мужем и моим сыночком. Она говорила, что я обязан душу этой женщины делом занять, чтобы она управлением этих крестьян и их хозяйством занялась бы, тогда ей будет намного легче жить при двух мужьях.

На обратном пути в Данциг никаких приключений со мной не произошло.

Ранним утром накоротке встретился с Петром Алексеевичем, который уже проснулся, и ему поведал о том, что тайная встреча с Фридрихом Вильгельмом, королем прусским, состоится через неделю после Катькиной свадьбы. Эта встреча пройдет в одном из королевских особняков, расположенном на окраине их городишка Штеттина. Петр

Алексеевич внимательно и, ничего не переспрашивая, выслушал меня. Видимо, и в этот раз наши мысли полностью совпадали, и государь был явно настроен провести эту тайную встречу. Затем государь поинтересовался, как обстоят мои дела с Катькой. Оказывается, как государь мне рассказал, вчера поздно ночью и в полном расстройстве чувств Катька прибегала к Екатерине Алексеевне и слезно жаловалась ей на то, что Алешка Макаров ее бросил и эту ночь провел на стороне. После чего обе женщины долго шептались, перемалывая мне кости. Из-за чего Петр Алексеевич проснулся и не мог больше спать, ушел в токарную комнату, где проработал до моего появления.

Мне повезло, за неделю до свадьбы с герцогом Катька вся в слезах и в радостях мне объявила, что от меня понесла^[44] и больше не хочет замуж ни за Карла-Леопольда, ни за Ваську Коновницына. А я, схватившись за голову, принялся ее уговаривать не делать глупостей, не разносить вести о беременности по двору, но ничего не помогало. Катька твердо мне заявила, что собирается идти к Петру Алексеевичу и просить его благословения на замужество со мной.

А до ее официального замужества оставалась какая-то неделя.

Поэтому я не знал, что мне делать дальше с этой упрямой и глупой принцессой, весь замер в ожидании большого скандала, в душе проклиная свои башмаки и дорожную грязь.

Екатерина Ивановна была полна женской решимости постоять за совместную жизнь со мной, рвалась к Петру Алексеевичу для секретного разговора по этому поводу. Я же знал, что после этого разговора мне грозит или пожизненное заключение, или лишение головы, так как опять засунул нос в не свое дело. Но Екатерина Ивановна все-таки проявила слабость и решила в предварительном порядке обсудить вопрос с государыней Екатериной Алексеевной. Та моментально, как только государева племянница произнесла слова о своей беременности, ухватила суть проблемы. Она поняла, что я, выполняя тайное распоряжение Петра Алексеевича о русском наследнике мекленбургского герцога, перестарался и своими непомерными действиями влюбил в себя герцогскую невесту. Приобняв Катьку за талию, государыня Екатерина Алексеевна, с женским любопытством поглядывая в мою сторону, увлекла ее в свои покои.

Оттуда они обе не выходили два дня и две ночи, которые Петр Алексеевич и я проспали в полном одиночестве. Полубояров непрестанно таскал туда одну бутылку рейнского за другой и вскоре с общего счета совсем сбился, не забывая при этом каждый раз прихлебывать из каждой бутылки, лично на своей собственной шкуре проверяя — не отравлено ли это немецкое вино. К вечеру второго дня из царских покоев, покачиваясь, вышла пьяная вусмерть государыня Екатерина Алексеевна и, увидя меня поблизости, поманила пальчиком, сказала:

— Ну, брат Алешка Макаров, иди, отрабатывай свою последнюю ночь с Катькой. Она немного пьяна, но тебя очень ждет. После этой ночи ты Катьки и пальцем не коснешься, а рожать она будет твоему Карле. Так что тебе придется ее забыть и на меня переключиться, когда я тебя об этом попрошу. — С этими словами государыня Екатерина Алексеевна отправилась разыскивать государя Петра Алексеевича.

А я стоял и подрагивал мелкой трусоватой дрожью из-за последних слов государыни, связь с ней означала лишение головы, Петр Алексеевич не будет долго солому жевать по этому поводу.

То, что эта женщина не шутила, было понятно, но к этому времени она уже была не той простой женщиной, Мартой Скавронской, которую под Нарвой у солдат отобрал Алексашка

Меншиков, а стала русской государыней и любимой женой нашего государя Петра Алексеевича. В игры любовные с нею играть было как с голодным тигром в одной клетке находиться, Петр Алексеевич в секунду тебя схарчит.

Совесь в отношениях с женщинами многое мне позволяла. Сохраняя маску верного слуги и соратника государя, двадцать четыре часа в сутки о нем и о державных делах пекущегося, я находил достаточно времени, чтобы в часы любви много тайного узнавать из уст любовниц — дочерей, жен и наложниц придворных сановников и вельмож. Но об этой стороне моей жизни никто не знал и не догадывался. Времена были старинными, и нравы были строгими, поэтому мои женщины ради нескольких минут настоящих любовных утех хранили эту тайну за плотно сомкнутыми ртами. Под страхом лютого наказания и даже смерти они особо не распространялись на эту тему. Случайная встреча с Екатериной Ивановной и в этой связи поручение Петра Алексеевича чуть не поломали мною налаженный механизм получения секретной информации, сделали так, что я оказался на краю раскрытия своей тайны.

Мне ничего не оставалось делать, как плестись в покои государыни Екатерины Алексеевны, где в ее спальне я нашел полуодетую и спящую Екатерину Ивановну. На полу валялось великое множество пустых бутылок из-под рейнского вина, осторожно переступая, чтобы не задеть какую-либо бутылку и грохотом не разбудить спящую женщину, я приблизился к кровати. Несколько мгновений смотрел на притягательную красоту обнаженного женского тела, а затем мысленным щупом проник в сознание Екатерины Ивановны. Боже мой, о чем только женщины думают, всегда такой кавардак творится в их головах, что хоть стой хоть падай. Медленно передвигая свой щуп, я пытался разыскать слой воспоминаний о себе. Мои щеки покрылись пунцовой краской, я застеснялся того, что сейчас невольно, совершенно не желая этого, узнавал, когда мысленный щуп достиг искомого слоя памяти и начал в него углубляться.

Неужели женщины могут так мыслить!

Я начал слой за слоем изменять свой образ в этих слоях воспоминаний образами лейб-капитана Васьки Коновницына. Работа была филигранной и тонкой, раз пропустишь свой образ в слое памяти этой молодой женщины, вся работа пойдет насмарку, любовь к Ваське Коновницыну может и не вернуться к Катерине Ивановне. Только через десять минут, когда пот крупными каплями катился с моего лба, работа с памятью и воспоминаниями молодой женщины была успешно завершена. Принцесса, невеста немецкого герцога, любовница русского капитана Катерина Ивановна продолжала спать, время от времени нашептывая во сне:

— Васька, убери руки. Васька, прекрати баловать, я и так уже от тебя понесла. Государыня Катерина Алексеевна будет ругаться. Ну убери же руки... о-о... как хорошо, Васенька.

Бракосочетание Карла-Леопольда, герцога Мекленбург-Шверинского и русской принцессы Катерины Ивановны проходило в маленькой православной часовенке в Данциге. Часовенку срубили и поставили солдаты корпуса Борьки Шереметева, Петр Алексеевич приказал ее построить специально к этому случаю. Но она была настолько мала, что

приглашенному и неприглашенному народу там негде было поместиться, поэтому большинство народа теснилось на площади перед входом в часовенку.

Вся площадь перед часовенкой была забита солдатами и немцами, пришедшими полюбоваться празднеством. Причем последние, с ненавистью в глазах поглядывая на русских солдат, вместе с ними бешено рукоплескали обоим монархам, своему Августу II и нашему государю, Петру Алексеевичу, которые в этот момент спешили со своих лошадей и проходили в часовенку на таинство венчания. Вся раскрасневшаяся от внимания собравшейся в часовенке публики, взволнованная принцесса Катерина Ивановна стояла перед алтарем и с такой пылкостью и страстностью молодости произнесла слова согласия на вступление в брак, что стоящая за ее спиной публика от умиления вытирала слезы, потекшие из глаз. Герцог Карл-Леопольд стоял рядом с невестой с невыразительным и совершенно тупым выражением лица, в руке он держал заранее приготовленное обручальное кольцо, которое должен был надеть на палец своей невесте, будущей супруге.

Всем в глаза бросалось то обстоятельство, что герцог Мекленбургский был одет в форму шведского офицера, что явно напоминало о том времени, когда он был большим почитателем Карла XII и рвался на службу в его армию. Но этот болван, по-видимому, забыл надеть манжеты к военному камзолу, а без них он выглядел неухоженным идиотом, хотя был несколько раз женат. К тому же мои люди установили, что эта немчура еще не развелась со своей второй женой. Я уже успел об этом шепнуть государыне Екатерине Алексеевне на ушко, так как Петр Алексеевич в этот момент был очень занят — очередным анекдотом развлекал польского короля Августа II. Венчание оказалось явно скучным для обоих монархов мероприятием, вот они и развлекались, рассказывая друг другу старые анекдоты.

Выслушав мою информацию, государыня Екатерина Алексеевна такими злыми глазами посмотрела на Карла-Леопольда, что даже я ему не позавидовал.

Таинство венчания продолжалось всего два часа, вскоре небольшая свадебная процессия покинула часовенку, направляясь к ожидавшим каретам и экипажам, выстроившимся на одной из сторон площади. Молодожены шли во главе процессии, им предстояло пройти всего пару десятков шагов, чтобы дойти до своей кареты. В тот момент, когда герцог Карл-Леопольд, помогая своей молодой жене взобраться в карету, нагнулся, то париком случайно зацепился за какой-то крючок в двери кареты. Разумеется, молодожен тут же оказался с голой головой, парик висел, покачиваясь, на двери кареты. По толпе прошелестел неодобрительный гул голосов, плохое предзнаменование, молодоженов ожидало не очень хорошее будущее. Собравшиеся на площади немцы перешептывались о том, что лучше бы черная кошка перешла дорогу герцогу Карлу-Леопольду, а не терял бы он своего парика, что явно намекало на то, что вскоре герцог-молодожен потеряет свою голову.^[45]

Но я уже не прислушивался к этим людским перешептываниям, так как ожидал от Ваньки Черкасова сообщения о подписании договора с Мекленбургом. С герцогом было предварительно уговорено о том, что сразу же после его бракосочетания с Екатериной Ивановной он подпишет договор о мире и дружбе России с Мекленбургской областью. Ванька верхом на кауром жеребчике выскочил из одного из городских переулков, издали, радостно улыбаясь, он утвердительно кивал головой. Очередная скрытая операция под условным названием «свадьба» была успешно завершена разведывательной службой государя Петра Алексеевича. По подписанному обеими сторонами договору Мекленбург-Шверинское герцогство практически перешло в руки государя Петра Алексеевича, немецкое герцогство стало нашей русской областью.

Новость о свадьбе герцога Мекленбург-Шверинского на государевой племяннице, подписание договора о размещении русских войск и флота в Северной Европе всколыхнули весь европейский континент. Присутствие русских войск в Мекленбурге обеспокоило Данию и особенно Ганновер. Датский король Фредерик IV оказался под влиянием англо-ганноверской дипломатии, ганноверский курфюрст стал английским королем Георгом I.^[46]

Отношения России с союзниками по антишведской коалиции резко ухудшились. Петр Алексеевич до поры до времени был вынужден мириться с нарастающей недоброжелательностью Дании и Англии, которые были особенно недовольны тем, что русский государь так по-хозяйски расположился в Данциге и в Мекленбурге и, по их мнению, держит в Германии слишком много войск.

Пока англичане тайно выражали свое недовольство, морально и финансово поддерживая ганноверцев, а также некоторых представителей дворянской фронды Мекленбурга, недовольных русской позицией в этом вопросе и расположением русских войск на их территории. Курфюршество Ганновер постепенно превращалось в основной рассадник антирусских настроений, личная вотчина английского короля Георга I становилась центром скрытой борьбы с Россией и ее государем Петром Алексеевичем. Уже в марте были сформированы отряды лазутчиков из немцев, которые должны были начать вооруженное сопротивление русским войскам в Германии.

Основную ставку английская секретная служба короля Георга I в лице достопочтенного сэра Роберта Хартли, первого графа Оксфорда и Мортимера, спикера парламента, лорда-казначея^[47] и одновременно исполняющего обязанности главы английской секретной королевской службы, решила сделать на дворянскую фронду Мекленбург-Шверинского герцогства.

Я не знаю, чем молодожен герцог Карл-Леопольд руководствовался, но совершенно неожиданно для меня и для всех других членов русского посольства, он вспылал ко мне самыми нежными чувствами. Уже после первой брачной ночи герцог напрочь забыл о существовании Катерины Ивановны, все внимание сосредоточил на мне и все время проводил только со мной. Карл-Леопольд буквально стал моей тенью, словно банный лист, прилип ко мне и, не отходя от меня ни на шаг, повсюду за мной следовал. Он аж таки полюбил сидеть за одним столом и внимательно наблюдать за тем, как я работал.

Хорошо, что к этому времени моя система секретарства у Петра Алексеевича была мною отлажена и работала даже без моего личного присутствия. Правда, за мной все-таки оставались некоторые обязанности, я должен был встречаться с государем Петром Алексеевичем, докладывать ему о том, как идут дела по проектам, находящимся в работе. Затем я должен был получать от государя в работу новые дела и, передав их на исполнение писарям, подьячим и дьякам Ваньки Черкасова, моего заместителя, контролировать их исполнение. Поэтому мой «немецкий друг» не мог увидеть или вынюхать для себя чего-нибудь интересного, на моем столе никогда не было каких-либо важных бумажек. К тому же я давно отвык в присутствии чужих ушей вести разговоры на государственные темы.

Но находясь под постоянным присмотром этого немецкого чурбана, я оказался в положении не совсем свободного человека, так как не мог в полной мере отдаться своей

любимой работе — начать плести новую придворную интрижку или подставлять под царский кулак рожу какого-либо придворного сановника, сующего нос не в свое дело. Ну как я, будучи простым придворным секретаришкой, только что получившим дворянство, владеющим парой деревенок с пятьюстами крестьянами, мог бы поднять голос против августейшего родственника самого государя Петра Алексеевича, потребовав, чтобы он прекратил меня преследовать по дворцу епископа Эрм-Ландского князя Потоцкого.

В принципе, конечно, этого болвана герцога можно было бы запросто вокруг пальца обвести, подставив ему свою тень, чтобы он, как слепой кролик, волюндался за ней по данцигскому дворцу государя, а самому заняться секретарством. Но в то время наши цели случайно совпадали, герцог Карл-Леопольд держался меня, чтобы спасти свою жизнь. Я постарался сделать так, чтобы до его сведения довели информацию о том, что дворянство его герцогства приняло окончательное решение, положив конец его самодурству и тиранству, отправить его отдыхать на небеса, а на освободившийся престол герцогства поставить другого монарха.

Когда я Петру Алексеевичу доложил об этой только что полученной новости, то он сделал свои глаза навывкате еще более круглыми: кому этот кретин вообще нужен? Но затем государь вспомнил, что этот немецкий идиот все еще нужен России, и приказал мне сделать так, чтобы заговорщики не убили бы герцога Карла-Леопольда раньше времени, чтобы он прожил столько времени, сколько нашему отечеству потребуется, чтобы успешно завершить войну со шведами.

Так что в настоящий момент я нес персональную ответственность за судьбу и сохранение жизни этой «обезьяны Карла XII». [\[48\]](#)

Что касается тайной встречи с прусским королем, то я издала лишь контролировал этот процесс, мои люди без моего непосредственного участия вплотную работали с прусской агентурой, вовремя меня информируя о проделанной совместной работе. С пруссаками, оказалось, было очень легко иметь дело, если тебе удавалось о чем-либо с ними договориться, то далее становилось все просто, пруссаки четко и вовремя выполняли все свои обещания. К этому времени все вопросы по организации встречи были обговорены и улажены. Мне больше не приходилось вскакивать с постели по ночам и сломя голову скакать на какую-либо встречу, чтобы обговорить и решить еще один важный организационный вопрос. К слову сказать, ни один человек в нашем посольстве об этой встрече не слышал и ничего не знал.

Так что я тенью сопровождал Петра Алексеевича, а герцог Карл-Леопольд такой же тенью следовал за мной. Борька Шапиров попробовал проявить национальный патриотизм, поинтересовавшись, почему какой-то с...ный немецкий герцог, пусть он там женат на августейшей племяннице, начал постоянно сопровождать нашего государя.

Я не стал этому умному человеку, русскому патриоту и дипломату объяснять значение всей этой иерархической пирамиды государевой свиты. Ведь только дай этому патриоту пальчик, так он всю руку съест и в плечо зубами вцепится, а полученную информацию тут же попытается налево пустить и дорого продать. Я тогда Борьку за его толстенную ручку вежливо отвел чуть в сторону от государя и у него поинтересовался, когда он мне сто рублей, данные в долг, вернет. Видели ли бы вы, как у этого честного человека моментально испортилось настроение, потухли глаза, он тут же забыл о своем патриотическом вопросе. Шафиров всегда жил по самим выработанным великом принципу, беря в очередной раз в долг, он любил приговаривать о том, что «старые долги всеми забыты, а новому долгу нужно

время, для того чтобы состариться и забыться». Поэтому из-за своего этого принципиального отношения к жизни он никогда не возвращал долгов, на чем через некоторое время крупно погорит перед государем Петром Алексеевичем, окончив жизнь в сибирской ссылке.

Государь Петр Алексеевич давно уже привык к тому, что в любое время суток я был готов всегда своим свинцовым карандашиком записать любую его гениальную мысль или высказывание.

В этот же день он страшно удивился тому, что его тень в моем лице теперь имеет еще одну дополнительную тень в лице Карла-Леопольда. Причем Карл-Леопольд был настолько неуклюж, что при встрече с государем он постоянно путался у него под ногами, наступал ему на ноги и постоянно спорил с ним по любому поводу. В последнюю встречу, как я понял, когда государь призвал меня под свои очи, они зверски поспорили о том, что было бы лучше — рубить или колоть палашом врага в конной атаке. Петр Алексеевич от такого немецкого спора совсем озверел, чуть было опять не врезал мне по мордасам, тихим змеиным шепотом потребовал, чтобы я навсегда вместе со своей тенью покинул бы его кабинет, так и не упомянув при этом, зачем меня звал.

Вечерком в семейном кругу государь Петр Алексеевич, покуривая свою голландскую трубочку, вдруг неудачно пошутил. Причем он пошутил в присутствии государыни Екатерины Алексеевны, герцога Карла-Леопольда и Петьки Толстого, сказав, что Алешка, мол, вероятно, Катькой остался неудовлетворен, так как решил ее муженька обрюхатить. Герцог Карл-Леопольд, разумеется, из-за своего полного незнания русского языка не понял неудачной государевой шутки. За время общения с царской семьей он пока только выучил два великих русских выражения: «Давай выпьем» и «За твоё здоровье».

Но крутившийся поблизости тайный советник Петька Толстой краем уха сумел уловить цареву шутку, тут же решил продемонстрировать свою большую осведомленность по вопросу моей сексуальной ориентации:

— Да, ваше величество, вы абсолютно правы, Алешка Макаров еще тот хват, большой ходок по мужикам и бабам...

Но его тут перебила государыня Екатерина Алексеевна, которая Петьку не очень-то любила и терпеть не могла. Мило улыбнувшись мужу, государыня тихим голосом, от которого бросало в озноб, произнесла:

— Ты, мил сударь, в это дело с Алешкой лучше не суй свой грязный боярский нос. Не тебе, мужику, судить, кого он любит и кому предпочтение отдает. Ты с ним спал, что ли, чтобы такие слова говорить? На себя посмотри, селадон,^[49] да и только. Мы-то хорошо знаем, как ты относишься к женщинам, какими делами ты с иноземными девицами занимаешься. Так что делай свое дело и помалкивай. Алешка — неплохой парень, вон он как свои канцелярские дела обставил, мы теперь хорошо знаем, что происходит в нашей столице и в других столицах европейских стран.

В этот момент государь Петр Алексеевич увидел князя Аникитку Репнина,^[50] который недавно заменил Федьку Шереметева и стал командующими нашим войском в Речи Посполитой и Германии, и поманил его рукой. Аникита Иванович спешил по своим делам, но государю, разумеется, отказать не мог и подошел к нашему столу с лицом провинившегося ученика начальных классов семинарии. Государь суровым голосом поинтересовался, что произошло при взятии немецкого городишка Висмар.^[51]

Несколько минут назад до появления Петьки Толстого, я рассказывал государю о том,

что Аникита Репнин, пропьянствовал свое назначение, вместе со своим корпусом к Висмару подошел с большим опозданием. Город, последний оплот шведов в Германии, уже сдался на милость победителя датским и прусским войскам, которые вошли в этот город. Распоясавшийся датский генерал Девиц отказался пропустить в город Аникиту с его корпусом. Тому и пришлось разворачивать корпусом в обратную дорогу несолоно хлебавши. А Висмар-то государем был обещан герцогу Карлу-Леопольду в качестве приданого Катерины Ивановны.

Выслушав меня и подумав, государь Петр Алексеевич решил этому скандалу хода не давать, датчане со своими кораблями нам в тот момент были зело нужны. Мне же государь, отведя в сторонку, строго наказал генерала Девица к порядку призвать и задницу ему хорошенько надрать, но тайно, чтобы впредь с Аникитой Репниным более вежливо обращался. А князя Аникиту государь решил по-своему, по-царски облагодетельствовать, своей дубинкой малость по его спине пройти, чтобы впредь меру в пьянстве знал и по делам не опаздывал.

Князь Аникита Репнин мне как генерал и как человек нравился, и мы с ним ладили. Я ему слегка протезировал и государю не докладывал о некоторых его проделках. Когда лет десять назад, при осаде Риги, он пару больших плотов деревьев через линию своих войск пропустил. Рижане за эти дрова хорошо заплатили, Аникита не забыл со мной поделиться, чтобы я государю не докладывал о его «оплошности». Поэтому мне совершенно не хотелось смотреть, да и Карлу-Леопольду не стоило бы того видеть, как государь дубиною будет с нашим генералом разговаривать.

Чтобы отвлечь внимание немца, я произнес волшебные слова, хотя в этот момент мне хотелось только поесть:

— Давай выпьем, Карл!

Карл-Леопольд мгновенно распознал значение этих великих русских слов, он вскочил на ноги, и, несмотря на позднее время, мы крупной рысью понеслись в ближайший городской трактир, чтобы отвести и облегчить наши души.

Сегодняшний день выдался волшебным днем чудес.

Петьке Толстому государыня так мило и так по-женски очаровательно заткнула его грязный и поганый рот, отчего я почувствовал себя счастливым человеком. К тому же несколько дней назад я получил очередную записку Язи Мнишек, в которой она писала о том, что скучает по мне и хочет снова меня увидеть. А в трактире я нос к носу совершенно случайно столкнулся с неким саксонским дипломатом Лосом,^[52] которого прежде не встречал, но который был так на меня похож, что при встречах с другими различными людьми я неоднократно этим именем представлялся. Лос уже выбрал столик, аккуратно накрыл его любимыми мною блюдами и напитками. Этот немецкий хлюст был таким же саксонским дипломатом, как я папским легатом.

Он действительно занимал должность и получал весьма неплохое жалованье в талерах в дипломатическом ведомстве курфюрста Саксонии Августа II.

Но этот дипломат постоянно находился поблизости от государя Петра Алексеевича, из-за чего его постоянно путали со мной. Каждый вечер саксонский дипломат Лос садился за стол, брал в руку гусиное перо и очередное донесения писал не только в адрес своего родного саксонского ведомства, но в последнее время и в адрес дипломатического ведомства королевства Пруссии. Пруссак фон Руге, мой коллега по тайным делам, мне сказал, что я могу в полной мере распорядиться услугами его тайного соглядатая. Правда, немного

подумав, фон Руге затем добавил, что саксонский дипломат Лос будет находиться в моем распоряжении только на период действия союзнических отношений между Пруссией и России.

Герцог Карл-Леопольд, ничего не понимая, переводил взгляд своих глаз с меня на мое подобие, на саксонского дипломата Лоса, уж слишком мы были похожи друг на друга.

В связи с замужеством Катерины Ивановны государь Петр Алексеевич, проявляя отеческую заботу о будущем своей любимой племянницы, поручил мне тайно и желательно раз и навсегда решить проблему с дворянской фрондой мекленбургской области. Первый раз Петр Алексеевич ставил передо мной такую задачу — «раз и навсегда» решить какую-либо проблему, не оставляя возможности для маневра и выбора средств для решения такой проблемы.

Как правитель герцог Карл-Леопольд оказался таким большим дураком, что за короткое время он умудрился вусмерть испортить отношения со всеми сословиями своего герцогства и в большей степени с молодыми дворянами, немецкими рыцарями. Эти парни настолько устали от чудачеств герцога, а главное, от его диких сумасбродств, что собрались вместе и решили легитимно лишить его герцогского престола и послать куда подальше с его необузданной тиранией. Молодые графы, маркграфы, бароны и виконты не знали, да из-за своей молодости на это не обращали внимания, что это не они фрондят, а им осторожно со стороны помогают и направляют другие люди, которые никакого отношения не имеют ни к немецкому обществу, ни к немецкой золотой молодежи.

Недавно Федор Павлович Веселовский,^[53] наш резидент^[54] в Лондоне, прислал мне записку о том, что секретная служба английской короны приняла решение решительно противостоять деяниям русского царя Петра Алексеевича посредством вовлечения немецкого дворянства в вооруженную борьбу с русскими войсками. Через посредство своих друзей в Ганновере она вышла на руководителей фрондирующей дворянской молодежи и направила в Мекленбург-Шверинское герцогство двух своих опытных агентов. Эти английские агенты должны были через два дня встретиться с немцами, передать им большую сумму денег и обещать поставки любого количества огнестрельного и холодного оружия. Причем англичане настаивали на физическом устранении герцога Карла-Леопольда, с тем чтобы его договор с Россией был бы признан недействительным и русские войска покинули бы Северную Германию.

Теперь вы понимаете, почему герцог Карл-Леопольд ни на шаг от меня не отходил и, вместо того чтобы по ночам беременную Катюшку услаждать, спал у меня в ногах. Видимо, эта поганая немецкая морда начала сильно опасаться за свою жизнь, нюхом почувствовав, что из всех людей, окружавших Петра Алексеевича, только я могу его защитить от нападков его же подданных и спасти ему жизнь.

Мне пришлось долго ломать голову над тем, каким образом выполнить поручение государя Петра Алексеевича, кардинально решив проблему фрондирующей немецкой молодежи. С какой бы стороны я ни подходил к этой проблеме, постоянно упирался в нехватку времени для проработки серьезной операции внедрения и последующей нейтрализации действий немецких рыцарей. К тому же в настоящее время я еще не

располагал специально подготовленной командой для радикального решения проблемы — уничтожения одним ударом фрондирующих немецких рыцарей.

Пару лет назад я попробовал создать такую боевую группу для тайного устранения вражеских офицеров и антирусски настроенных вельмож и сановников в различных странах Европы и чуть тогда не лишился своей головы.

Не информируя полностью государя Петра Алексеевича о своих замыслах, я тихой сапой в селе Преображенском, под зорким оком князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского, отобрал десять забранных в царскую армию рекрутами крестьянских парней и начал обучать их тайному ремеслу. Но дело внезапно застопорилось. Прознав о моих намерениях, Алексашка Меншиков посчитал, что я пытаюсь создать свои потешные войска, возвыситься и оттеснить его от государя. Но, дабы не портить со мной хороших отношений, Сиятельный князь по-тихому сливает полученную информацию кровному врагу моему Петьке Толстому. А тот, поджав лапки, стремглав помчался к государю Петру Алексеевичу и все ему прилюдно выложил. Государь взбеленился и, схватив дубинку, помчался меня разыскивать, чтобы бить до смерти за непослушание и своеволие, чтобы раз и навсегда выбить из меня мысль о заговоре и чтобы я прекратил портить его любимых преображенцев.

Не сносить бы мне тогда головы, если бы государь меня тогда разыскал. Но в ту минуту Бог принял мою сторону! Мне сильно повезло в том, что до встречи со мной Петр Алексеевич, пробегая по дворцу с дубинкой в руках, нос к носу столкнулся с князем-кесарем Федором Ромодановским. Тот, естественно, поинтересовался, куда государь так торопится и почему дубинку в готовности в руках держит?

Брызгая слюной и по-детски проглатывая слова, взбешенный Петр Алексеевич пожаловался князю-кесарю на мое непослушание. Выслушав государя, Федор Юрьевич суровым голосом ему пояснил, что никто против него никаких заговоров не помышлял, на то он и существует, чтобы в корне пресекать подобные мысли. Затем Федор Юрьевич в деталях поведал государю о наших замыслах — если бы он не причислил себя к авторам этой идеи, то Петр Алексеевич все равно строго наказал бы меня — по созданию убойной команды и о творимой мною пользе державному делу.

Никого в мире наш государь Петр Алексеевич так не любил, не уважал и во всем не слушался, как князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского. Они долго обо мне и моих делах за закрытыми дверьми толковали, после чего Петр Алексеевич решил мне головы не рубить, оставить в должности придворного секретаря, но своей секретчиной его армейским солдатам головы мутить запретил.

Так что вот уже шесть месяцев под личным надзором Федора Ромодановского десять молодых крестьянских парней, которые к армии не имеют никакого отношения, обучаются тайному ремеслу убийств, через три месяца они поступят в мое распоряжение.

Чуть позже этого подлого поношения, в темной тиши одного царского кабака после того как Петр Андреевич зело много принял водки на свою грешную душу, двое моих людишек слегка поработали над его физией. Дабы вдругорядь этот боярин знал бы свой шесток и не бежал бы к государю с порочащими меня сведениями, так что Петька две недели дома пролежал и на люди не выходил. Петр Алексеевич об этом не узнал, а Федор Юрьевич на меня накричал и хотел кулаком по уху съездить, но не решился, как он сказал, памятуя о моем злобном характере. Но я эту его нерешительность понял: князь-кесарь был зело доволен тем, как физия Петьки перекосилась.

Через два дня Петр Алексеевич все-таки дознался о Петькиных страданиях по моей вине, в порядке воспитательной и профилактической меры он пару раз своей царственной дланью меня прилюдно по обеим щекам отхлестал, сказав, что я не должен быть столь мстительным и злобным государевым соратником. После этого щекоплескания все придворные сановники при встрече со мной первыми здоровались и низко раскланивались, никто еще из них не удостоился подобной ласки со стороны государя, с ними он все более дубинкой обходился.

Чтобы покончить с фрондой в Мекленбург-Шверинском герцогстве, мне потребовалось встретиться и переговорить с этим саксонским дипломатом Лосом. В его распоряжении имелась такая команда тайных убийц, а у меня ее не было.

Поэтому я так тепло поздоровался с саксонско-прусским соглядатаем Лосом, дружески его обнял и позже, когда мы обо всем договорились, даже позволил ему оплатить свой и Карла-Леопольда счет за ужин и выпивку. Следует признать, что ужин получился великолепным, этот парень хорошо знал мои вкусы.

Парень Лос был мне очень симпатичен, мы много трепались на русском языке, чтобы Карл-Леопольд не понял, о чем мы договариваемся. В перерывах между нашими с ним обмена мнением Лос подолгу разговаривал с герцогом Карлом-Леопольдом на серьезные темы типа развития сельского хозяйства немецких земель в условиях военного времени. Так что следует признать, что ужин понравился всем трем участвующим сторонам, все эти три стороны достигли поставленных перед собой целей. Я получил в свое распоряжение, правда, всего на одну ночь, а больше мне было и не нужно, убойную команду Лоса. Герцог Карл-Леопольд, каким бы он ни был дураком, но собственными глазами убедился в том, что Алексей Макаров встречался с неким саксонским дипломатом и о чем-то с ним договаривался. А саксонский дипломат Лос этим немецким герцогам доказал, что он реально существует и никакого отношения к русскому Макарову не имеет, мы случайно оказались двойниками.

Я же никому не буду рассказывать о том, что мой немецкий друг, герцог Карл-Леопольд Мекленбург-Шверинский сильно нажрался этой слабой, но такой вкусной водки-анисовки, ^[55] что стал практически невменяемым. В продолжение всего ужина этот сумасшедший герцог на второго человека, делившего с ним стол в трактире, посматривал и с ним обращался так, будто перед ним сидел не один, а сразу два разных человека. Мне все же пришлось воспользоваться своим мысленным щупом, чтобы этого немца окончательно убедить в том, что с ним за столом сидят два человека и на русском языке договариваются об уничтожении группы фрондирующей молодежи его герцогства.

Что же касается саксонского дипломата Лоса, то я этого человека специально выдумал годиков эдак десять назад после разговора с князем-кесарем Федором Юрьевичем Ромодановским о создании разведывательной службы русского царства. Иностранцы никогда не любили русских и всегда с предубеждением к нам относились, поэтому, скажем, любая моя попытка проникновения в их придворные и государственные тайны заранее была обречена на неудачу. Ну кто из иностранных вельмож станет добровольно собирать и передавать подданному Петра Алексеевича информацию о своем монархе и секретах монаршего двора. Вот нам и приходилось специальных любовниц укладывать в их постели, шантажировать и подкупать иностранных гостей, чтобы помочь им решиться на деяния во имя нашего государя.

Но я пошел дальше и сам превратился в иностранца, немчуру, в этого саксонского

дипломата Лоса, устроившись на работу в дипломатическое ведомство саксонского курфюрста и польского короля Августа II Сильного. Во время одной из встреч Петра Алексеевича со своим братом, польским монархом, я получил у него аудиенцию и уговорил его принять на службу в качестве соглядатая за Петром Алексеевичем.

Таким образом, когда я работал на саксонцев и пруссаков, в моем распоряжении находилась команда саксонских наемных убийц. Но мне очень бы не хотелось, чтобы после осуществления операции люди сэра Роберта Харли могли бы легко установить, что ликвидация фронды в Мекленбурге была осуществлена руками саксонцев. Я попытался англичан запутать в трех соснах — Пруссии, Саксонии и России.

Завтра же поздно вечером, когда молодые заговорщики соберутся в ободритском замке Гросс-Радена, по моему приказу команда наемных убийц, прикрепленная к моей особе специальными рескриптами королей Фридриха Вильгельма I, Августа II, должна была посетить этот старый славянский замок и немного там похозяйничать.

Герцог Карл-Леопольд, разумеется, принимал самое непосредственное и весьма активное участие в общении со мной и дипломатом Лосом, он вовремя, но чаще не вовремя поднимал одну чарку анисовки за другой и громко выкрикивал:

— Тафай выпьем, камераден!

К нашему столу подошел хозяин трактира, остановился и некоторое время наблюдал за тем, как мы с Карлом-Леопольдом опустошали чарки с анисовкой. Вероятно, этого немца несколько удивило то обстоятельство, что Карл-Леопольд, делая очередной тост и предлагая выпить, обращался ко мне во множественном числе, поэтому он и подошел посмотреть, кто у нас был третьим за столом. Пришлось проявить русскую общительность и гостеприимность и пригласить хозяина присоединиться к нашей компании и выпить пару чарок анисовки. Немецкая экономность, кто же из них может так просто отказаться от халявной выпивки, сыграла свою роль, вскоре мы пили, почти не закусывая, втроем.

Много веков тому назад ободритский замок под Гросс-Раденом был построен на мысу, далеко вдававшемся в озеро Раден. Своими строениями замок мало чем напоминал новые замки, которые тут и там в германских землях начали строить себе немецкие курфюрсты и маркграфы. Эти замки нельзя было рассматривать в качестве оборонительных сооружений, они представляли собой произведения архитектурного зодчества и в основном использовались в качестве жилых и служебных помещений новых немецких монархов или высшей знати.

В отличие от этих уникальных произведений немецкого зодчества ободритский замок под Гросс-Раденом следовало бы рассматривать в качестве оборонительного сооружения, он мало чем напоминал прекрасное произведение архитектурного творчества. Он имел основное здание и несколько одноэтажных или двухэтажных каменных зданий, окруженных частоколами из заостренных кверху бревен. Этот замок находился в центре владений мекленбургского герцога Карла-Леопольда, находился в полуразрушенном состоянии, поэтому в нем никто постоянно не жил.

Вот замок и стоял в середине леса неподалеку от немецкого городишка Радена, от которого к озеру через лес уходила единственная дорога.

Вероятно, принимая во внимание эти обстоятельства, заговорщики решили именно в замке под Гросс-Раденом провести свою встречу, на которой намеревались прийти к окончательному решению в отношении низложения монарха Мекленбург-Шверинского герцогства.

Группа людей, человек двадцать, одетых в черную одежду и с черными повязками вместо шляп и париков на головах, расположилась на постой глубоко в лесу между поселением Раден и ободритским замком. Люди изредка переговаривались короткими рублеными фразами и, по всей очевидности, отдыхали. Большинство людей дремало, прислонившись плечами или спинами к стволам деревьев, только некоторые из них кончиками пальцев проверяли остроту кинжалов и ножей. По тому, как они это делали, было абсолютно ясно, что оружие в полном порядке, а проверку остроты оружия эти люди проводили только для того, чтобы таким образом убить едва тянувшееся время. До отправления в путь им оставалось еще около полутора часов времени.

Я тоже был одет в черную одежду, но в отличие от одежды окружающих меня людей, на мне была одежда, обтягивавшая меня в бедрах, груди и плечах. Когда в Радене я встретился с фельдфебелем Зейдлицем, то он сразу же обратил внимание на то, как я был одет, хотя плащ скрывал мою одежду. Но фельдфебелю-профессионалу мой плащ совсем не помешал увидеть то, что моя одежда несколько отличалась от его камзола, свободных панталон и полусапожек. Ему хватило одного взгляда, для того чтобы, мазнув своим взглядом по моей фигуре, увидеть и оценить наши различия в одежде и то, как оружие закреплено на моих бедрах и на спине.

Зейдлиц был опытным унтер-офицером, в армию прусского короля его забрали, когда ему едва-едва исполнилось шестнадцать лет, с тех пор он занимался только тем, что

всевозможными способами убивал солдат противника своего короля. В этом деле молодой немецкий крестьянин преуспел, проявил такую сноровку, что, когда ему дали чин фельдфебеля и когда ему исполнилось тридцать лет, то его перевели в специальное подразделение прусской армии, где он прошел специальную подготовку и превратился в убийцу-невидимку.

Бойцы его команды были обыкновенными бюргерами, купцами, мельниками, торговцами на базарах, но иногда по ночам они брали в руки оружие и присоединялись к своему командиру, которого знали по имени Барс. Каждый из них имел свою ночную кличку, но эти бойцы меня не интересовали, они мне не подчинялись, я контактировал только с фельдфебелем, ни с кем более из его команды.

С фельдфебелем Зейдлицем я встретился на окраине Радена у дверей одного из городских трактиров два часа тому назад. Тогда фельдфебель выглядел нормальным немецким бюргером, который ни одеждой, ни внешностью, ни своим поведением — ничем не отличался от других законопослушных немецких граждан Мекленбург-Шверинского герцогства. Мы мгновенно узнали друг друга и, не заходя в трактир, вскочив на лошадей, поскакали по дороге, ведущей к озеру, главной городской достопримечательности. А за нашими спинами пять тысяч городских жителей в массовом порядке, словно по сигналу полкового горниста, начали готовиться отходить ко сну.

Лес встретил нас сплошной темнотой, можно было только удивляться тому, что наши лошадки так хорошо видели в этой темноте, рысью передвигаясь по дороге, которую я с седла даже не видел. Уже в лесу мы остановились, чтобы навести порядок в своей одежде, сняли шляпы и парики, натянули на головы черные платки, а я к тому же лицо вкривь и вкось измазал черными полосами. Это вызвало удивленно-заинтересованный взгляд Зейдлица, но он так и не раскрыл рта, чтобы задать вопрос или высказать удивление по этому поводу. Он уже три месяца работал под моим командованием, выполняя различные мои поручения, но лично мы еще не встречались. Только изредка мы обменивались письмами и мысленными приказами, которые я ему время от времени направлял. Первое время Зейдлиц не понимал мысленных приказов, но жизнь его научила быстро их воспринимать. Для мысленных депеш не существовало барьеров ни в языке, ни в расстоянии.

Через несколько минут мы прибыли в военный лагерь, раскинувшийся в глубине лесного массива, вблизи развалин ободритского замка. Я только несколько удивился тому, что по прибытию на место нас никто не окликнул и не поинтересовался паролем и отзывом. Но потом догадался, что люди, собравшиеся в этом лагере, подобно фельдфебелю Зейдлицу, являются большими специалистами своего дела и в детские игры «про войну» не играют. Они четко знали цели и задачи боевого задания и, получив все необходимые инструкции, были к нему полностью готовы. Дозорные давно нас заметили, но не окликнули по очень простой причине: они великолепно знали, что их командир, фельдфебель Зейдлиц, в лагерь чужого не приведет. Ни один человек к нам не приблизился и не начал задавать каких-либо вопросов, это в их боевое задание не входило.

Зейдлиц же, взглядом отыскав давно погашенное кострище, решительно отправился к нему и, набрав горсть холодной и противной золы, начал пальцами раскрашивать свое лицо. Минут через двадцать все бойцы его команды аналогичными вкривь и вкось наложенными черными полосами раскрасили свои лица. Таким образом, в восемнадцатый век я привнес маскировку разведчиков двадцатого столетия.

За все время пребывания с Зейдлицем и его бойцами я ни разу не слышал ни единого

голоса с вопросом или какими-либо разъяснениями. Ни одной команды также не подавалось голосом, все делалось только жестами и в полном молчании. Я же стоял и тоже молчал, опершись спиной о сосну и вслушиваясь в лесную тишину, раздумывал о чем-то своем. В лесу сохранялась полная тишина, только время от времени со стороны лесной дороги слышался цокот копыт верховой лошади, это очередной молодой барон или маркграф спешил на встречу со своими друзьями, которая должна была вскоре произойти в руинах ободритского замка. Немецкие парни сломя головы неслись к своей гибели, разумеется, они даже не подозревали о том, что эта их встреча будет последней в их славной жизни и вскоре на них обрушатся двадцать наемных убийц. Я рукой поправил платок на голове, одновременно проверяя, хорошо ли он скрывает мои русые волосы.

Я хорошо понимал, что ни один из этих молодых немецких парней ни на миг не задумывался о том, что его справедливое желание покончить с сумасбродством своего монарха, выбросив его из его же герцогства, противозаконно.

Право монархов на власть подтверждает сам Господь Бог!

Но эти парни, к сожалению, не знали о том, что на данную минуту они стали разменной монетой в большой и грязной игре, которая называется политикой. Что другие монархи и люди у престолов этих монархов настолько увлеклись этой грязной политикой, что поставили на кон их жизни. Мне было очень жаль этих молодых немецких парней, но судьба была предрешена не мной, и сегодня я действую во имя своего отечества и моего государя.

До меня долетела мысль фельдфебеля, в которой он информировал меня о том, что все заговорщики прибыли в замок, но их оказалось несколько больше, чем мы планировали. По данным дозорных, к двадцати немецким юношам-заговорщикам прибавилось еще шестеро незнакомцев, только что прибывших в одной карете. Не отрывая глаз от своих стоптанных сапог, я мысленно подтвердил Зейдлицу, что своих планов менять не будем, только нужно будет слегка перераспределить силы, чтобы и незнакомцы оказались под первым ударом. Затем я мысленно подтвердил, что и сам приму участие в этом бою.

Фельдфебель Зейдлиц был несколько удивлен этим моим решением, но не возражал. Мы еще не были столь близки друг другу, чтобы этот превосходный немецкий солдат проявил бы заботу о своем командующем офицере, я для него пока оставался чужим и непонятным человеком.

Казалось, без приказа, по крайней мере, этого приказа я не слышал ни мысленно, ни ушами, бойцы группы вдруг разбрелись по своим верховым лошадям и начали тщательно проверять их снаряжение, чтобы ничего не брэнчало. Вскоре редкая цепочка из двадцати одного, вместе со мной, разумеется, всадника, потянулись к замку. Когда мы подтянулись к берегу озера, заполненного кристально чистой водой, то спешили и два коновода с нашими лошадьми скрылись за нашими спинами в ельничке. Вскоре коноводы вернулись, жестами показав, что с лошадьми все в порядке, мы по одному отправились вдоль озера, стараясь незамеченными как можно дальше пройти к оконечности мыса, глубоко вдававшегося в озеро Раден. Когда впереди показался свет факела, горевшего над зданием, то все двадцать бойцов замерли и приникли к земле.

Теперь нам осталось дожидаться сообщения наших разведчиков о том, началась ли или нет так долго ожидаемая нами встреча-совещание заговорщиков, которая должна была пройти в одноэтажном каменном строении, что находилось на самом острие мыса и было упрятано за частоколом из бревен.

Я настроил свое дальневидение и попытался рассмотреть, что же там происходит в здании за этим частоколом. Слабый свет раздуваемого ветром пламени факела позволил мне увидеть карету, стоящую перед проходом за частокол, и большое количество верховых лошадей, привязанных к коновязи. Как я ни старался осмотреть частокол со всех сторон, но так и не увидел ни одного дозорного или часового. Мне стало понятно, что собравшаяся здесь золотая молодежь решила эту встречу провести в глубокой тайне от всех и не взяла с собой доверенных слуг, которые и могли бы выступить в этой роли. Выделить дозорных из своей среды, эта знатная немецкая молодежь просто не додумалась. Единственной проблемой для проникновения в здание был проход в частоколе, который был единственным, и свет от факела его неплохо освещал.

Гордый проделанной работой и полученными данными, я сформировал мыслеобраз со всеми этими данными и переправил его Зейдлицу, через мгновение получил мысленный ответ, что он обо всем этом уже знает и чтобы я ему больше не мешал. Я даже несколько растерялся от такого ответа, но, немного подумав, понял, что фельдфебель прав. Зейдлиц был бы плохим командиром своей команды, если бы заранее не готовился к боевым заданиям, а это только означало, что он должен был бы все и обо всем знать.

В этот момент фельдфебель Зейдлиц красноречиво поднял руку вверх и бросил ее вперед, а в моей голове послышался его голос, предлагающий приказным тоном держаться позади и охранять спины бойцов группы. Таким образом, командир группы давал мне понять, чтобы я не мешался у его людей под ногами, дал бы им спокойно заниматься своим кровавым делом.

Я видел, как в проходе частокола промелькнули человеческие тела, но они так быстро перемещались, что я не успел их даже пересчитать. Мне ничего не оставалось делать, как молча подняться на ноги и, выхватив из плечевых ножен боевой нож «Пума», отправиться вслед за бойцами Зейдлица. Во внутреннем помещении полуразрушенного каменного здания я появился в тот момент, когда пали убитыми первые немецкие молодые бароны и маркграфы. Они оказались совершенно неготовыми к нападению и не сопротивлялись, когда кинжалы пронзили их грудь.

Я стоял в дверном проеме и, взглядываясь внутрь помещения, освещаемого четырьмя факелами, наблюдал за ходом боя. Свет факелов помогал бойцам Зейдлица находить жертву и быстро с нею кончать. Но не все эти молодые немцы повели себя, подобно агнцам на заклание, все они были вооружены кинжалами и шпагами и умели очень хорошо ими владеть. Вскоре после того, когда прошел шок от первого натиска, немецкие юноши, находившиеся в глубине помещения, быстро спохватились и, обнажив свое оружие, сформировали более или менее организованную оборонительную линию.

В этот момент погас один факел, но мне по-прежнему было хорошо видно, как бойцы Зейдлица, добив свои первые жертвы, переформировались и, образовав строем нечто вроде кабаньего рыла, бросились с кинжалами и ножами в руках в атаку на эту оборонительную линию. В произошедшем столкновении я бы сказал, что победителей не было. Бойцы Зейдлица выбили из общего строя двух-трех баронов или маркграфов, но вражеская оборонительная линия устояла и не была прорвана. Сказалась мощь вражеских шпаг, которыми отбивалась ножевая атака, шпагами были ранены около четырех наших бойцов.

В моей голове мелькнула мысль о том, что если сейчас они вторым натиском не прорвут линию вражеской обороны, то нам придется подобру-поздорову убираться отсюда или мы потеряем три четверти своих бойцов, прорываясь через вражескую оборону.

На стене как-то странно моргнул и погас второй факел, я аж почувствовал запах магии. Второй факел горел слишком хорошо, находился в защищенном от сквозняков углу и в удалении от общего столпотворения, чтобы самому вот так погаснуть. Но сейчас у меня не было времени на то, чтобы досконально разбираться, почему погас этот факел. Я мгновенно отправил фельдфебелю Зейдлицу мысленный приказ поднимать бойцов в атаку, а сам раздул пламя третьего факела, отчего он погас, и швырнул его в лица оборонявшейся молодежи. Тут же слышались вопли и испуганные крики молодых немцев. Они не ожидали ничего подобного, и когда пламя неожиданно прыгнуло им в лица, то многие из них выронили из рук оружие, освободившимися руками прикрывая свои лица от ожогов этого пламени.

Это естественное движение очень дорого им стоило, ментально были вырезаны бросившие оружие юноши, а их оборонительная линия прорвана и сломлена. В возникшем столпотворении шпаги потеряли свое былое преимущество, а кинжалы и ножи в ближнем бою показали свое превосходство. Один за другим мои бойцы отбирали жизни у представителей фрондирующего немецкого молодого поколения.

Я до сих пор так и не проверил, как работает в восемнадцатом столетии боевой нож, изобретенный в двадцатом столетии, а продолжал наблюдать за тем, как достойно умирали представители высшей немецкой знати. Они погибали один за другим, ни один из этих юношей не встал на колени и не попросил оставить его в живых. Я ничем не мог им помочь, не я принимал решение о том, что они должны умереть. К тому же теперь я не мог бы кого-либо из них оставить в живых, они видели и могли догадаться о том, что пламя факела не само по себе прыгнуло им в лица.

Только я подумал о том, как сам собой погас последний факел, в помещении наступила темнота, в которой ничего не было видно. Инстинктивно я свое зрение переключил на ночное видение. За прошедшее мгновение в помещении мало что изменилось, бойцам Зейдлица осталось добить четырех немцев, и на этом боевая задача была бы выполнена. Я уж было собрался мысленно связаться с фельдфебелем и подсказать ему, где находятся недобитые юнцы, но в этот момент я вдруг вспомнил о карете перед проходом за частокол и полученную перед боем информацию о незнакомцах.

Я был полностью уверен в том, что до начала боя и в его момент мимо меня никто не проходил, а я по-прежнему находился в дверном проеме. Это могло означать только одно — шестеро незнакомцев все еще находились в этом помещении. А то, что сами собой погасли три факела, неизвестно почему слышался запах магии, что я до сих пор их не видел, могло означать, что нам придется сражаться с непростым противником.

Я мысленно связался с Зейдлицем, объяснил ему ситуацию и предложил ему присоединиться ко мне, чтобы не позволить незнакомцам без боя покинуть помещение, с нами так и не попрощавшись.

Впервые я обрадовался тому, что фельдфебель Зейдлиц был таким неразговорчивым человеком. Ни слова не сказав и мысленно не обращаясь ко мне, он, тяжело перешагивая через трупы, стал чуть впереди и справа от меня. В такой темноте этот немец действовал настолько уверенно, что я хотел у него поинтересоваться, не чародей ли он. Но в этот момент ощутил, а не заметил движение слева от меня. Там по направлению ко мне двигались четыре человека. Я прекрасно понимал, что наше магическое столкновение

должно быть мгновенным, в ином случае я обязательно проиграю. Сейчас противник только догадывался о том, что против него дерутся не простые люди, но не был в этом уверен, поэтому мог допустить некоторые просчеты, которыми я с Зейдлицем обязательно должен воспользоваться.

Когда же противник узнает о моем истинном лице, то дело примет совсем дурной оборот, один с двумя чародеями я не справлюсь, сила магии не в полной мере вернулась в меня.

Справа мелькнули две тени. Ясно, противник решил всей своей мощью атаковать наиболее слабую цель, фельдфебеля Зейдлица, отвлекая мое внимание своей четверкой бойцов. На размышления больше не оставалось времени. Все это время размышления свое сознание я держал открытым для Зейдлица, поэтому он был в курсе всех моих замыслов. Мы с ним вдвоем одновременно метательными ножами атаковали левую четверку противника, а затем слегка переместились вправо, и я файерболом снес голову одному из двух наших противников. После броска файерболом мне потребовалось некоторое время на отдых, чтобы восстановить свои магические силы. Раньше такой отдых мне требовался после десяти случаев использования приемов боевой магии, но как видите, магия вернулась ко мне не в полной мере.

Фельдфебель Зейдлиц бился на ножах со вторым противником, ни на шаг не подпуская его ко мне. По тому, как тяжело бился Зейдлиц, мне стало понятно, что против своего противника он долго не продержится, а помочь ему я пока еще был не в силах.

Уже без сознания заваливаясь на землю, я одним щелчком пальцев осветил помещение.

Иоганн, этим именем уже после боя фельдфебель Зейдлиц предложил его называть. А я стоял и наблюдал, как его люди начали сноровисто сносить и загружать в лодки, неизвестно откуда появившиеся у берега, трупы погибших дворян. Все эти трупы нужно было как можно скорее утопить в озере Раден, предварительно привязав к их ногам тяжелые камни. А в ответ Зейдлицу мне очень хотелось сказать, что это не я спас ему жизнь, что это сделали бойцы его команды. Когда помещение осветилось, они всей командой набросились на незнакомца и в куски порубили его своими кинжалами и ножами. Но в этот момент я понял, что, называя свое имя, Зейдлиц наши с ним взаимоотношения переводит на новый уровень, в новое качество. Он предложил мне стать его другом, поэтому я в ответ просто протянул ему свою руку для рукопожатия, которым мы должны были скрепить нашу устную договоренность.

Петр Алексеевич мою информацию об искоренении фронды в Мекленбургской области внимательно выслушал и, крикнув Полубоярова, приказал ему срочно найти и призвать в кабинет эту «карлу бездомную». Минут десять в кабинете государя никто не появлялся. Все это время государь, прикусив язык зубами, что-то вырисовывал на листе бумаги, лежавшем перед ним на столе. Я стоял в нескольких шагах от стола, поэтому не мог видеть, чем это там государь занимался. А он, не обращая на меня внимания, продолжал что-то рисовать и, временами ухмыляясь, посмеиваться. Создавалось впечатление, что государя совершенно не интересует только что завершённое мною дело в Гросс-Радене. Честно говоря, это поведение было совершенно не свойственно Петру Алексеевичу, обычно он, как мальчишка,

интересовался деталями происшедшего, заставляя по несколько раз повторять рассказ.

Когда герцог Карл-Леопольд объявился в кабинете, то я его сразу не узнал. Эта немчура за одну только ночь моего отсутствия полностью изменилась. Если раньше он выглядел таким несчастным и забитым ребенком-сиротой, нуждающимся в опеке и у всех ищущим покровительства и помощи, то сейчас этот болван вырядился в блестящий военный камзол яркой расцветки с множеством висюлек на груди и на плечах, похоже, наград и аксельбантов. А на его лицо была натянута маска самонадеянного и самоуверенного индюка, но на нем нельзя было прочесть ни одной умной мысли, один только непонятный гонор. Меня Карл-Леопольд даже не заметил и, совершенно не замечая моего присутствия, прошествовал мимо меня, едва не сбив с ног своим плечом.

Интересное получается дело, за одну только ночь этих двух хорошо знакомых мне людей, герцога и государя, словно подменили, мелькнуло в моей голове. Что же такого особенного произошло в мое отсутствие?!

Как только Карл-Леопольд подошел к столу государя, то с него мгновенно слетела вся индюшачья спесь, он снова стал прежним и таким привычным немецким герцогом, власть которого в его же герцогстве держалась только на наших русских штыках. Петр Алексеевич по доброте души своей выделил ему десять полков для удержания своей власти в Мекленбурге. А я с этой же целью отправил к праотцам двадцать невинных душ, а ведь среди них были нормальные люди. Мне почему-то стало стыдно за греховное деяние, совершенное прошлой ночью, я зябко поежился.

— Что это с тобой, Лешка? — тут же послышался голос Петра Алексеевича. — Переживаешь за то, что натворил прошлой ночью?! Не переживай, это мой грех и я его буду отмаливать у Господа Бога!

Петр Алексеевич не только не позволил герцогу Карлу-Леопольду облобызать свою руку, а перстом ему ткнул, чтобы тот встал со мной вровень. Только в этот момент Карл-Леопольд соизволил меня признать и весьма свысока кивнуть мне головой в знак своего приветствия. Это надо же человеку так уметь в одно мгновение играть столь противоположными выражениями своего лица. Только что лицо этого индюка выражало сплошную лесть и змеиную угодливость, а сейчас оно выражает покровительство и надменность. Но после прошедшей ночи все мои дела с Карлом-Леопольдом закончились, поэтому я уже не обращал на него внимания.

Петр Алексеевич окончательно оторвался от своего рисования и внимательно оглядел нас обоих, затем достал свою голландскую курительную трубку и начал долгую церемонию подготовки к ее раскуриванию. По всему чувствовалось, что государь никуда не спешил и что-то задумал, а сейчас по непонятной причине тянет время. Я об этом сразу же догадался и к данной ситуации отнесся с совершеннейшим спокойствием, а мой бывший немецкий приятель вдруг начал краснеть лицом и очень волноваться, оглядываясь по сторонам. Карла-Леопольда определенно что-то волновало, но он, остерегаясь Петра Алексеевича, которого очень боялся, старался его особо не беспокоить своим поведением.

Наконец-то Петр Алексеевич прикурил свою трубку и, дохнув в нашу сторону ароматнейшим запахом голландского табака, негромко поинтересовался:

— Ну, Алешка, не хотел бы ты нам поведать, чем же ты эдаким занимался этой ночью?

Перед поездкой в Гросс-Раден я, разумеется, коротко проинформировал государя о цели моей поездки в этот немецкий городишко, но герцогу, разумеется, ни одного слова по этому поводу не сказал. Чтобы с его стороны не было лишних вопросов, я сделал так, чтобы

прошлой ночью он время от времени встречался бы с моей тенью в темных дворцовых переходах. Поэтому Карл-Леопольд был страшно удивлен этим вопросом государя. Он искоса посмотрел на меня и хотел задать и свой вопрос, но вовремя вспомнил, что я еще не ответил на вопрос Петра Алексеевича, и промолчал.

Не вдаваясь в подробности, я рассказал о ликвидации мекленбургской дворянской фронды, акцентируясь только на то, что выполнял наблюдательную миссию и в никакие передрыги не влезал. Я также не упомянул, кто именно занимался процессом ликвидации и какие трудности при этом встретились. К слову сказать, Карл-Леопольд мало чего из моего рассказа понял, еще позавчера я залез в его сознание и сделал так, чтобы этот немец не очень-то понимал русский язык, а о своих ночных путешествиях я повествовал на своем родном языке.

В этот момент тихо скрипнула дверь, в кабинете государя появился вице-канцлер Петька Шафиров,^[56] осторожно ступая, он прошел к столу государя и устроился сбоку от него, готовый внимательно слушать, что я буду дальше говорить. Но к этому времени я завершил свой рассказ и сейчас молча стоял, посматривая на Петра Алексеевича. Впервые за время своей службы государю я оказался в ситуации, которую не совсем понимал.

То, что государь Петр Алексеевич что-то задумал, было понятно с самого начала, но с какой целью тогда при нашем секретном разговоре присутствуют эти два человека — немецкий герцог Карл-Леопольд, наш скрытый враг и недоброжелатель, и наш Петька Шафиров, который имел слишком длинный язык. Этих двух, казалось бы, совершенно противоположных друг другу личностей объединяла одна общая для них черта характера — неизмеримая жадность к земельным владениям и к деньгам, за которые они были готовы и мать родную продать.

Я машинально смотрел на Петьку Шафирова, продолжая размышлять о том, почему этот человек в данную минуту оказался в кабинете государя. Мне очень не хотелось верить в то, что государь меня в данную минуту аккуратно сдает, видимо, Петр Алексеевич захотел, чтобы о моих подвигах в Гросс-Радене узнал бы весь мир. Ведь оба эти человека информацию о том, что некий Алексей Васильевич Макаров организовал и осуществил операцию по ликвидации фрондирующего дворянства Мекленбург-Шверинского герцогства, тут же продадут англичанам, французам и голландцам и получают за это громадные деньги. Таким образом, если следовать моим мыслям, то получается, что государь Петр Алексеевич озабочен и, видимо, несколько недоволен столь кардинальным развитием событий в Мекленбурге. В этой связи, не желая до конца портить отношения с английской короной, он оставляет за собой возможность ухода из-под удара: когда вся Европа начнет его обвинять в убийствах знатных немцев, он подставит меня, предварительно обвинив в своевольстве и грехах.

Но снова скрипнула дверь государева кабинета, и на пороге появились улыбающийся Яшка Брюс,^[57] Пашка Ягужинский^[58] и пасторский сынок и мой так сказать подчиненный Андрюшка Остерман.^[59]

Кивком головы отвечая на приветствия вновь прибывших соратников, Петр Алексеевич в продолжение разговора обратился с каким-то незначительным вопросом к Петьке Шафирову. Брюс, Ягужинский и Остерман прошли в глубь кабинета и расселись там за круглым столом. Слушая то, что Шафиров рассказывал о подготовке к встрече с датским королем Фридрихом IV, Петр Алексеевич, продолжая попыхивать трубкой, поднялся со стула и направился к круглому столу. Шафиров машинально потянулся за ним, продолжая

свой рассказ на ходу.

Мы с Карлом-Леопольдом продолжали деревянными истуканами торчать посреди кабинета, на нас никто не обращал внимания, только этот немецкий гаденыш Остерман исподтишка на меня поглядывал. Не успел уследить, как пасторский сынок обскакал меня по карьерной лестнице и возвысился в глазах Петра Алексеевича, по-прежнему числясь в переводчиках у Васьки Черкасова. Это произошло из-за того, что канцлер Головкин ненавидел своего вице-канцлера Шафирова, пока эти два оглоуда дрались между собой, пасторский сынок с большим удовольствием вылизывал государеву задницу, всегда оказываясь под его рукой в нужную минуту.

Трогаться с места было нельзя, я хорошо знал характер Петра Алексеевича, как всякий взрослый ребенок, он не любил советов по вопросам, которые затрагивали его личность со стороны. А я был его личным секретарем, следовательно, должен был дожидаться знака с его стороны на самостоятельные действия. Карл-Леопольд, если судить по его глазам, совершенно не знал, как ему поступать в таких условиях. Я попридержал его, когда он дернулся идти из кабинета. И правильно сделал, потому что в этот момент государь перевел взгляд на нас и громко произнес:

— Андрей Остерман, Лешка, больше не будет тебе подчиняться, я его к Петьке Шафирову в Посольский приказ только что перевел. Но ты не обижайся, Лешка, с этого момента ты перестаешь быть моим слугой и переводишься в разряд моих близких людей, получаешь право свободного ко мне прохода и присутствия на любом мероприятии с моим участием. Правда, оставляю за тобой секретарство и свою государственную и личную переписку. В награду за твою службу дарю тебе две тысячи талеров и деревеньку Глебовское.

Вот тогда мы с Карлом-Леопольдом сошли со своего места и на равных присоединились к соратникам Петра Алексеевича, усевшись на свободные стулья у круглого стола. Я прекрасно понимал и знал, для чего сей стол предназначался, и не обманулся в своих ожиданиях, когда в кабинет государя принесли много очищенных луковиц и соли, огурцов свежих и соленых, квашеную капусту и много бутылок рейнвейна и анисовки. Начиналось привычное застолье с выпивкой, которые часто устраивал и которыми так славился наш государь Петр Алексеевич.

Походило на то, что мне снова удалось сухим выйти из не очень приятной ситуации. В этот момент в глубине души я благодарил Господа Бога за то, что так и не рассказал Петру Алексеевичу о том, что саксонский дипломат Лос и его секретарь Алексей Васильевич Макаров — одна и та же личность. Теперь я не просто исполнитель, а введен в ранг министра, приятеля и товарища Петра Алексеевича и могу сам вести дела, не вводя его в малейшие детали, а только время от времени буду знакомить с основными событиями. Поэтому о том, что же конкретно произошло в Гросс-Радене, я ему уже все рассказал и ничего более добавлять не стану, а секрет Лоса и Зейдлица сохраню в тайне от всех.

Государь Петр Алексеевич был великого ума человеком и государственным деятелем, но во многих ситуациях часто вел себя подобно несмышленому мальчишке. Как во внутренней политике, так и в отношениях с иностранными государствами. Однажды, попав

под убеждающие слова лифляндца фон Паткуля, этого авантюриста, государь Петр Алексеевич вступил в антишведский коалиционный союз с Речью Посполитой и Данией против Швеции, во многом благодаря личным симпатиям он сошелся и подружился с монархами этих государств — Августом II и Фридрихом IV, без учета политико-государственного разума. Эти три страны были слабы и армиями, и флотами, чтобы даже вместе сражаться против могущественных в те времена шведов.

В шестнадцатом году, проведя бок о бок с государем более десяти лет, я начал понимать, что Петр Алексеевич, став государем Московского государства, тотчас же впал в великое отчаяние. В то время он не знал, каким это образом полученное им в наследство патриархальное царство тащить из болота старины и редчайшего мракобесия. Поэтому государь от отчаяния и хватался то за топор, рубя головы стрельцам, то за кнут и клеймо, отправляя бояр и холопов на каторгу, а то и за пряник, направляя четырехтысячное посольство в Европу для обучения ремеслам и наукам. Вот тогда совсем еще молодой царь-мальчишка попал под влияние фон Паткуля и, сломя голову образовав невнятную антишведскую коалицию, вступил в войну с мощнейшей в то время шведской армией.

Разумеется, русского государя-мальчишку крепко побили шведы, а на скорую руку сколоченная коалиция вскоре лопнула, словно мыльный пузырь. Да и как могло быть иначе: когда шведские войска под прикрытием англо-голландской эскадры высадили десант под стенами Копенгагена, то король Фридрих IV тут же вспомнил о своем патриотизме и под угрозой потери трона подписал мирный договор со шведами. Польский король Август II целых пять лет бегал и скрывался от шведов, но и его в конце концов шведы к ногтю прижали, посадив на польский престол другого короля. Август II под угрозой потери саксонского престола тоже подписал соглашение со шведами о выходе из антишведской коалиции.

Только благодаря военным и политическим усилиям Петра Алексеевича могущество шведов на Балтике было серьезно подорвано, а антишведская коалиция в прежнем составе восстановлена. Русские войска в Речи Посполитой, своим присутствием связав шведским войскам руки, позволили Дании и Пруссии, объединив армии, атаковать и изгнать шведские гарнизоны с немецких территорий, освободив города Штральзунд и Висмар. Вскоре шведы лишились практически всего побережья Балтийского моря. Но все эти победы способствовали только одному — усилению политической борьбы, которая велась, не переставая, между европейскими государствами.

Приближалась дата секретной встречи Петра Алексеевича с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I. Руководитель секретной службы прусского короля Иоахим фон Руге снизошел до того, что совершил поездку в Данциг в качестве министра двора прусского короля якобы для встречи с Петром Алексеевичем.

Но случилось так, что до визита прусского министра Петр Алексеевич сильно пьянствовал три дня кряду и в день визита прусского министра он мог только мычать и ничего более членораздельного выговорить был не способен. Тогда с фон Руге встретился канцлер Гаврила Иванович Головкин, ну вы же знаете, что Гаврила Иванович величайший на свете зануда и трех слов подряд выговорить не может даже в трезвом состоянии, как в

присутствии государя, так и в его отсутствие. Поэтому официальный визит прусского министра вылился в два поклона и в три слова о том, как приятно было познакомиться.

Ну вы же понимаете, что посещение русского двора прусским министром Иоахимом фон Руге было прикрытием, основным его желанием было встретиться и перемолвиться парой слов со своим резидентом, неким дипломатом Лосом, постоянно отирающимся при русском государе накануне секретной встречи двух монархов.

Разумеется, министр фон Руге заранее меня не предупредил о своем предстоящем визите, его приезд в Данциг оказался для меня совершеннейшей неожиданностью. Хорошо, что я парень не промах и еще тогда, когда фон Руге вербовал меня как саксонского дипломата Ганса Лоса, разумеется, на прусскую разведывательную службу, то я ему сообщил, что как две капли воды похож на личного секретаря русского царя, некоего Алексея Васильевича Макарова. Но в любом случае, несмотря на то что Петр Алексеевич находился в полной отключке, я не мог сорваться с рабочего места, чтобы бежать на встречу со своим начальником, министром фон Руге.

Но, слава богу, как только фон Руге познакомился с Гаврилой Ивановичем, тот его тут же охомутал, и, уже более не отходя от него ни на шаг, вокруг такого важного прусского гостя, редкой птицы, закрутился боярин Петька Толстой. После этого великого знакомства Петька Толстой предложил министру Иоахиму фон Руге с ним пообедать, тот с благодарностью принял предложение. Пруссаки же не дураки, ни один не упустит возможности пожрать за чужой счет. Но тут Петька Толстой дал маху, неожиданно вспомнил о том, что дьяки Посольского приказа строго следят за тем, чтобы подобные встречи и обеды с иностранцами проходили в присутствии третьего нейтрального лица, желательно дьяка Тайной канцелярии. Вскоре Петька выяснил, что Тайная канцелярия закрыта и все ее дьяки на секретных заданиях, тогда Толстой был вынужден метаться по дворцу в поисках любого достойного лица, которое по статусу могло бы поприсутствовать на таком обеде. Но вы же знаете, когда Питер Алексеевич в отключке, а его двор своевременно информируется, то все более или менее значительные придворные лица дают деру и, покинув дворец, занимаются личными и домашними делами.

Поэтому, сколько бы Петька ни бегал по дворцу, то никаких значительных лиц, помимо простых дьяков и подьячих, не находил. Когда Толстой вдруг неожиданно притормозил у моего рабочего стола, то я понял, что он в тупике и вынужден прибегнуть к моей помощи, так как я, будучи трудоголиком, считался значимым лицом в придворной иерархии. Поэтому с достоинством принял Петькино предложение пообедать, составив компанию прусскому министру.

Посольский приказ умел красиво работать и жить, царских ефимок на прием иностранных гостей никогда не жалел. По прибытии русского посольства в Данциг Гаврила Иванович Головкин подписал договор с одним из городских трактиров на устройство и проведение рабочих завтраков, обедов и ужинов. Выделяемых на это средств хватало и на то, чтобы дьяки и подьячие Посольского приказа ежедневно завтракали, обедали и ужинали, а главное, пили в этом же трактире.

Обслуживание иностранцев производилось в отдельном и в скрытом от глаз посторонних зале. Когда я вошел в этот зал, то чуть не упал в обморок при виде той снеди и выпивки, которой были накрыты столы этого помещения. То, что Петр Алексеевич в этом зале никогда не бывал, это я знал с большой долей уверенности, да и по собственному опыту, так как мне не раз приходилось с государем перебиваться перловой кашей и луком. Петр

Алексеевич любил посидеть в иностранных трактирах и покаякать с местными жителями, попивая хорошее пиво или рейнвейн, но он никогда не бывал в этом Посольского приказа зальчике. Теперь мне также стали понятны финансовые отчеты Посольского приказа, когда в графе «иное» они записывали просто непомерные суммы расходов.

Министр фон Руге в этом зале с излишествами повел себя спокойно и размеренно, Петька Толстой свободно болтал с ним на немецком языке, явно интересуясь и выясняя истинную цель визита прусского министра. Я же сделал вид, что немецкого не понимаю и не знаю, поэтому взял ложку и первым делом наложил себе на глиняную тарелку черной икры, о которой много слышал, но пока еще не пробовал. Красную икорку я едал неоднократно, она мне нравилась, а вот черную персидскую икру видел впервые. Одним словом, я решил немного поесть в то время, когда Толстой пытался расколоть моего старого знакомого.

Они много говорили и мало ели, я же молчал и много ел.

Когда мой живот был набит так, что мне стало трудно шевелиться, вдруг распахнулась дверь нашей секретной едальни, и через нее к нам в залу змеею проскользнул Андрюшка Остерман, который, окинув меня злым взглядом и недоуменно пожав плечом, бросился к Петьке Толстому и начал ему что-то лихорадочно нашептывать на ухо. От одного вида этих шепчущих друзей-приятелей мне стало дурно, появилось ощущение поднимающейся рвоты в животе, но в этот момент я увидел улыбающиеся глаза министра Иоахима фон Руге. Прусский министр был явно доволен: его резидента Ганса Лоса обхаживает и на равных ведет сам руководитель русской внешней разведки Андрей Петрович Толстой, все западные секретные службы почему-то были уверены в том, что именно Толстой руководит русской разведкой.

Пока Толстой и Остерман перешептывались, в моей голове появился и заговорил чужой голосок:

— Ганс, не беспокойся, все в полном порядке! Андрей Андреевич Остерман и Петр Андреевич Толстой давно знают друг друга, они старые друзья-приятели. Оба считают вас не очень умным человеком, это и хорошо, значит, они не знают, что вы мой агент. Сейчас они обсуждают новость о том, что встреча Петра Алексеевича с датским королем Фридрихом Четвертым, которая должна была бы состояться завтра в Гамбурге, откладывается по причине пьянки вашего государя, да и сегодня посольство совершенно не готово покинуть Данциг. Поэтому они хотят датского посланника, принесшего эту весть, пригласить на обед в эту комнату, чтобы обговорить с ним возможность переноса встречи государей на неделю позже. Причем оба человека рады, что вы будете присутствовать при этом.

Последовала небольшая пауза, видимо, в этот момент фон Руге прислушивался к тому, что Остерману так же шепотом отвечал Петька Толстой.

— Кстати, для вашей информации, Ганс, датским посланником является некий генерал-майор Франц Иоахим Девиц. Теперь давайте поговорим о наших баранах, как вы любите частенько выражаться, его величество Фридрих Вильгельм Первый готов принять государя Петра Алексеевича в своем новом особняке в Штеттине в любое удобное для него время. Я обладаю достаточными полномочиями, чтобы русской стороне предложить встречу провести на второй день после окончания русско-датской встречи. Прусская сторона возьмет на себя транспортировку вашего короля и сопровождающего его лица по маршруту Гамбург—Штеттин. Так что встречайтесь со своим агентом и продолжайте работу в этом направлении.

Я был просто ошеломлен тем фактом, что в этом мире, оказывается, не один только я владею мыслеречью, но внешне своего изумления ничем не выдал. Только взглянул в сторону Иоахима фон Руге, а он с лукавой улыбкой мне головой кивнул в ответ, мол, как меня понял. Значит, этот мысленный разговор мне не почудился, я никоим образом не прореагировал на кивок головой этого человека, продолжая сохранять на лице невозмутимое выражение. Такое странное поведение агента, по мнению пруссака, могло означать только одно, что его агент ни черта не понимал телепатию, но фон Руге был опытейшим дипломатом и свою обеспокоенность данным обстоятельством ничем не проявил.

В любом случае мне все-таки удалось этого опытейшего прусского разведчика заставить поволноваться, теперь он должен был изыскивать другую возможность донести до моего сведения информацию о времени предполагаемой встречи наших государей — посредством языка.

А я в этот момент, поедая нежную гусятину с запеченными яблоками, размышлял о том, откуда фон Руге мог узнать о том, что я владею мыслеречью. Неужели фельдфебель Иоганн Зейдлиц меня предал и сообщил начальству о моем странном способе общения с людьми?!

Но в этот момент в нашем зальчике вдруг объявилось еще одно незнакомое мне лицо. Невысокого роста толстенький человечек с красным лицом, которое хорошо оттенялось белым париком. Первое, на что я обратил внимание, так это было сильное амбре, несшееся от этого толстячка, запах варьировался от чего-то вроде женских духов до аромата, чем-то напоминающего запах портянок, когда снимаешь с ног сапоги. Второе, он был сильно разгневан и громко кричал на датском языке, на котором я не понимал ни слова. Но человеческие мысли не требуют переводов, и я кое-как догадался о том, что генерал майор Франц Иоахим Девиц был сильно разгневан тем обстоятельством, что до настоящей минуты еще не встретился с его величеством Петром Алексеевичем.

Увидев улыбающегося фон Руге, Франц Девиц внезапно присмирел и стал тише воды и ниже травы, он-то прекрасно знал о том, кем на деле является этот прусский министр Иоахим фон Руге, и не захотел своим криком портить датско-прусских отношений. Генерал бочком пристроился ко мне за стол и, видимо, оказался совсем голоден, так как прямо руками ухватил громадный кусок холодной осетрины и сгоряча хватанул ее зубами. А ведь первоначально надо было бы снять рыбью кожицу с твердыми пластинами, а уж после кусать нежнейшую осетринку холодного копчения. В результате этот неопытный в русской еде датский генерал едва сдержал громкий вскрик и начал глотать осетрину вместе со слезами, брызнувшими из его генеральских глаз. Оба друга-приятеля, Толстой и Остерман, словно ошпаренные кипятком, хором бросились к этому наглецу в мундире датского генерала, чтобы утереть ему слезки, успокоить и приголубить.

Я же тем временем не торопясь пытался мысленно разыскать нашего генерала Аникиту Репнина, которого совсем недавно Петр Алексеевич саморучно бил дубиной из-за хамства этого плачущего датского генерала. С громаднейшим трудом мне-таки удалось найти Аникиту Ивановича, который в каком-то подвале пил водку с четырьмя Преображенскими прапорщиками. Он был так вдрызг пьян, но сумел-таки разобрать то, что я ему мысленно сообщил о местонахождении его личного врага. Аникита по пьяни подумал, что эту важную информацию ему донес один из его прапорщиков-собутельников, он тут же начал собираться и вооружаться в дорогу.

Еще раз убедившись, что пьяненький Репнин хорошо запомнил адрес нашего трактира, я под предлогом срочной необходимости выйти по малой нужде решил навсегда покинуть

место грядущего русско-датского конфликта. Государь Петр Алексеевич человек-то проще пареной репы, он особо не будет разбираться и искать виновных этого конфликта. Он первым делом поинтересуется, кто с русской стороны присутствовал при этом рукоприкладстве, чтобы этих людей наказать за непредотвращение международного конфликта. Ведь, по мнению государя, было бы глупо добрейшего Аникиту Ивановича во второй раз драть за одно и тоже преступление!

Иоахим фон Руге под тем же предлогом увязался вслед за мной, и, пока мы вдвоем дружно поливали заднюю стену трактира, он словами повторил свою информацию о сроках предполагаемой русско-прусской тайной встречей в Штеттине. Слава богу, что мочевого пузыря не может вечно извергать струю, и, когда она прекратилась, то мы с министром фон Руге разошлись по разным направлениям, но донельзя довольные друг другом. Контакт состоялся, информация была передана! Уходя, Иоахим фон Руге, смеясь, мне сказал о том, что я с Алексеем Васильевичем Макаровым представляю одну пару сапог с мысками в разные стороны. Я не так хорошо знал немецкий язык, чтобы понимать еще и немецкие шутки.

Надо было бы быть настоящим датчанином, чтобы предложить русскому государю Петру Алексеевичу встречаться с датским королем Фридрихом IV в таком немецком большом торговом городе, как Гамбург. Ведь этот Гамбург в морской торговле успешно конкурировал с датским городом Альтоном, а немецкие купцы по этой болезненной для себя причине не признавали датчан. Разумеется, они признавали датчан как людей, но считали, что с этими людьми не стоит иметь дела в торговле. Такое своеобразное отношение каким-то образом распространялось и на другие стороны человеческого гамбургско-датского общения. Когда Фридрих IV с великой пышностью проезжал по улицам Гамбурга к своей королевской резиденции, то ни один гамбуржец не вышел его приветствовать.

Государя Петра Алексеевича же встречало много гамбургских купцов со своей челядью, получившие монополии на торговлю икрой, семгой, лососиной и всякой там древесиной. Он всегда останавливался в доме своего старого знакомого по Кукую, немецкого купца Генриха Бутенанта, а посольство равномерно распределялось по постоянным дворам вокруг дома этого немецкого купчины.

Каждый раз, пребывая с государем в Гамбурге, мне приходилось становиться перед Петром Алексеевичем на колени и ради Христа его просить дать мне отпуск от исполнения обязанностей придворного секретаря, так как я не мог, не имел права появляться или находиться в том доме, где останавливался государь и государыня. Петр Алексеевич, будучи прекрасно осведомлен о причине моей такой просьбы, ухмылялся и с большой неохотой давал мне немного погулять и насладиться достопримечательностями этого старинного немецкого купеческого города.

Все дело заключалось в том, что по дому этого немецкого купца ходило юное семилетнее существо по имени Зигфрид, который считался внебрачным сыном Светлейшего князя Алексашки Меншикова, но сам князь об этом и слышать не слышал. А Генрих Бутенант, папа Алисы Бутенант и дед Зигфрида Меншикова, государыня Екатерина Алексеевна и сам Петр Алексеевич прекрасно знали о том, что Зигфрид появился на свет божий благодаря моим стараниям и усилиям. Когда Петр Алексеевич услышал об этой новости, то тут же приказал Ушакову рубить мне прилюдно голову за блуд и соращение несовершеннолетней. В ту пору Алисе Бутенант было шестнадцать годков, но мы любили друг друга.

Но за меня вступились государыня Екатерина Алексеевна и отец Алисы, немецкий купец Генрих Бутенант. Государыня Екатерина Алексеевна прямо в лицо государю заявила о том, что он хочет меня казнить за то, что я перешел ему дорогу, так как он сам глаз положил на эту немецкую легкомысленную девицу.

А Генрих Бутенант заступился не за меня, он поступил так, как поступают настоящие немцы. Бесплатно и без особых хлопот получив отличного внука, он потребовал от русской короны уплаты ста тысяч ефимок в качестве возмещения понесенного ущерба, лишения невинности немецкой девицы и в качестве приданого дочери.

Петр Алексеевич, услышав требование своего хорошего друга, немецкого купца

Бутенанта, категорически отказался платить такую непомерную, по его просвещенному мнению, сумму деньжищ за проделки какого-то там придворного секретаришки.

Но сдавая за тот месяц баланс государевых расходов, я уличил Светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова в недоплате налогов государевой казне на сто тысяч ефимок. Светлейший князь страдал страшной формой kleптомании, крал по поводу и без повода. Если бы потребовалось, то я мог бы его уличить на любую другую сумму денег, только портить отношения с ним мне совершенно не хотелось. Петр Алексеевич же внимательно отнесся к моему доношению и, взяв в руки дубину, переговорил со своим Алексашкой. Дубина в руках государя всегда была весомым аргументом, уже на следующий день Александр Данилович лично принес мне в мешочках сто тысяч ефимок. Я доложил и даже показал Петру Алексеевичу эти деньги, а потом вызвал якобы к государю Генриха Бутенанта и эти мешочки передал ему в руки.

Таким образом, мой сын и внук Генриха Бутенанта стал любимым сыном Александра Даниловича. А государыня Екатерина Алексеевна однажды отвела меня в теплый уголок, надавала таких оплеух, что из моего носа потекла кровяца, и тихо сказала о том, что если я еще раз за своих детей буду платить государственными деньгами, то по ее приказу Андрюшка Ушаков лишит меня моих собственных яиц. Затем она достала надушенный платочек, вытерла им кровь с лица и, уже, мурлыкая, произнесла, чтобы я более не обращал внимания на всяких там немецких девиц, когда у меня под боком имеются настоящие женщины.

Последние слова Екатерины Алексеевны более всего напугали меня, одно дело иметь роман с Алисочкой, но я пальцем в жизни не коснусь государыни, мне этого никто не простит, тем более государь Петр Алексеевич.

Со времени приезда в Гамбург прошло два дня. Переговоры государя Петра Алексеевича с датским королем Фридрихом IV проходили на высшем уровне. Стороны пришли к полному взаимопониманию и сейчас вели переговоры об организации десанта коалиционных войск — Дании, России и Пруссии, на шведское побережье. Причем государь Петр Алексеевич хвастливо заявлял, что готов в Данию для десанта поставить любое количество русских солдат, а Фридрих IV не менее хвастливо отвечал, что Дания поставит любое количество боевых и купеческих кораблей для осуществления этого десанта. Одним словом, государь Петр Алексеевич, по всей очевидности, забыл о моей докладной записке, в которой я писал о том, что датчане год назад уже высаживались десантом на побережье Швеции, потерпели полное поражение и бежали оттуда, побросав там всех своих раненых солдат.

Андрей Остерман с припудренными фонарями под глазами крутился, вертелся на этих русско-датских переговорах, оттеснив на второй план самого Борьку Шафирова. Глаза Остермана были поранены государевым кулаком, после того как Петр Алексеевич, дубиной пройдясь по спинам Толстого и Остермана, слегка добавил им кулаком. Позже государь объявил, что этих двух оболтусов наказал за моральное содействие Аниките Репнину в избиении датского генерал-майора Франца Иоахима Девица. Петька Толстой так и не смог к переговорам оправиться и подняться на ноги после такого царского наказания, видимо, именно на него пришлись основные удары царской дубины. А мне чуть позже прислал двести рублей на пропой в гамбургских трактирах, я-то ожидал небольшую деревеньку за выполнение этого государева задания, а он мне — двести рублей. Та еще жмотина наш государь!

Усилием воли я заставил себя прекратить думать о своей секретарской работе. Находясь

в вынужденном отпуске, мне следовало бы наслаждаться одним только тем, что я был полностью свободен и ни от кого не зависел в своем времяпрепровождении. Мог свободно бродить и знакомиться с достопримечательными местами Гамбурга, знакомиться с немцами и любоваться морскими судами в гавани.

Вот я и бродил, убивая свободное время, из одного городского трактира в другой, пробуя различные сорта немецкого пива.

Сегодня я решил поужинать в одном из припортовых трактиров, расположенном в трех шагах от гавани. Совершенно случайно там мне встретился фельдфебель Иоганн Зейдлиц. Фельдфебель только что по личному поручению Августа II пришел в центр Гамбурга какого-то там важного польского пана и случайно заглянул в этот трактир, чтобы немного отдохнуть после тяжелой работы. Мы устроились в темном уголке, стараясь сесть так, чтобы наши спины были прикрыты стенами трактира. Одним словом, мы сидели, ни на кого не обращая внимания, и старались, чтобы и на нас никто не обращал внимания, потягивая черный портер.

Мы с Иоганном даже не разговаривали, для обмена мыслями нам не требовалось шевелить языком. Фельдфебель уже ответил на мой вопрос, сообщал ли он кому о нашей способности, не раскрывая рта, обмениваться информацией. Его ответ, как я и ожидал, был отрицательным, но он сообщил мне одну интересную вещь, о которой я ранее не слышал. Оказывается, те шестеро неизвестно откуда появившихся незнакомцев были англичанами и, видимо, птицами высокого полета. Английская секретная служба по своим каналам в Европе распространила информацию о том, что заплатит золотом любому лицу, которое обладает информацией о том, кто именно и почему убил ее полевых агентов.

Задумчиво смотря по сторонам, время от времени делая очередной глоток отличного портера, Зейдлиц мысленно мне передавал:

— Дело в том, что информация об английском золоте мгновенно распространилась по европейским державам. Сегодня об этом знают практически все руководители и агенты европейских разведок. А сам Зейдлиц не совсем уверен в том, что агенты его группы — после боя их живыми осталось тринадцать человек — будут держать языки за зубами. Золото — весомый аргумент по раскрытию многих государственных тайн и секретов. Члены его команды не знают многих деталей своего боевого задания, но они участвовали в операции и собственными глазами видели шестерых англичан. За золото же парни продадут, если уже не продали информацию о том, что этой операцией руководил он, фельдфебель Зейдлиц, и некий саксонский дипломат Лос.

Иоганн замолчал, но я прекрасно понимал, что может означать это его молчание. Жизнь этого прусского фельдфебеля внезапно изменилась, совершенно неожиданно для себя он из охотника превратился в жертву, за которой начали охотиться. Этот пруссак был абсолютно прав, когда полагал, что министр Иоахим фон Руге и подчиненные ему люди за золотые монеты с большим удовольствием сдадут какого-то там фельдфебеля.

Но я мужика успокоил, мысленно сообщив, что после нашей встречи в трактире он должен, не заходя за своими вещами, которые оставил на постоялом дворе, отправляться в Московию. Незаметно для посетителей трактира я по столу катнул ему золотое колечко и сказал, чтобы по прибытию в Москву он пробивался к князю-кесарю Федору Ромодановскому и, показав ему кольцо, рассказал бы о своих проблемах. Князь-кесарь Ромодановский обязательно позаботится о его дальнейшей жизни и даст ему возможность противостоять англичанам и силе их золота.

Пока мы с Зейдлицем мысленно общались, я не спускал глаз с посетителей трактира. Ничего тревожного не происходило и грабительского вида люди в нем не появлялись. Каждую минуту кто-то заходил или после ужина или выпивки уходил из этого гамбургского трактира. Все отличие от других трактиров заключалось в том, что здесь в основном были морские волки, бывалые капитаны и матросы. Это были люди, уверенные в самих себе и с великим достоинством себя ведущие на глазах публики. Вероятно, этот трактир был высокого разряда, так как в нем совершенно не наблюдалось пьяни и алкашни, от которой во веки веков не могли избавиться царские кабаки нашего государства.

Одним словом, в этом трактире не было ни одного подозрительного человека или головорезов, которых следовало бы опасаться. Аналогичным же образом, по всей вероятности, думал и фельдфебель Иоганн Зейдлиц. Получив мое кольцо и натянув его на средний палец правой руки, Иоганн поднялся на ноги и, поправляя свой черный с серебряной канвой по обшлагам камзол, собрался идти к выходу. Но дорогу ему перекрыли три юноши весьма симпатичного вида. У меня почему-то возникло подозрение, что эти молодые красавцы никакого отношения не имеют ни к морякам, ни к гамбургцам.

Удивительное дело, но каждый раз убийство на глазах у многих почему-то происходит по одному и тому же сценарию. Убийцы всегда появляются неожиданно, но вместо того, чтобы сразу убивать свою жертву, они всегда медлят с нанесением первого удара. Вот и в случае с Зейдлицем, вместо того чтобы просто по ходу дела пырнуть моего прусского друга ножом или кинжалом, эта троица театрально промедлила, в результате чего дала такому профессиональному бойцу, как Иоганн Зейдлиц, время на то, чтобы он первым начал действовать. Правая рука Иоганна на пути к эфесу шпаги выстреливает метательным ножом, выхваченным из плечевого захвата, нож мгновенно пронзает грудь юноши, стоявшего в середине группы, его сердце перестает биться.

Я, сидя на трактирной лавке, молча наблюдал за театральной постановкой убийства профессионального наемного убийцы, фельдфебеля прусской разведывательной службы Иоганна Зейдлица. На какой-то момент мне показалось, что это действительно театральная постановка. Но, когда сбоку от меня выдвинулись вперед две фигуры с капюшонами на головах, только иезуиты любили подобную верхнюю одежду с капюшонами, с секирами в руках, я вдруг сообразил, что это не постановка. Одна из фигур высоко взнесла секиру над головой, ее обухом примериваясь к затылку фельдфебеля, совершенно очевидно, собираясь оглушить свою жертву. Сразу становилось понятным, что троих юношей Иоганну Зейдлицу просто подставили, отвлекая его внимание, а эти двое, оглушив фельдфебеля, передадут его в соответствующие руки для дальнейшего допроса.

Таким образом, Иоганна Зейдлица убивать не собирались!

Секира обухом вперед стремительно падала с высоты, но ее обух затылка Иоганна даже не коснулся, так как фигура в капюшоне с моим кинжалом под ребрами, громко хрипя и захлебываясь кровью, спиной заваливалась на мой стол. Звуки громкого хрипа привлекли внимание не только всех посетителей, но и Зейдлица и вторую фигуру с капюшоном на голове. Зейдлиц уже покончил со вторым юношей, когда я передал ему мыслеречью, чтобы он не задерживался и уходил, в трактире ему было больше нечего делать. Не оборачиваясь, Зейдлиц рванулся вперед и по пути, сбив с ног третьего юношу, исчез за дверьми трактира.

Ситуация развивалась так быстро и таким неожиданным образом, что ее нельзя было предусмотреть или предугадать. Неизвестно куда исчезла вторая фигура с капюшоном на голове и секирой в руках, а первая фигура перестала биться в агонии, с ее головы слетел капюшон. Пока я с ужасом рассматривал лицо человека, которое оказалось прямо перед моим носом, которое вдруг на моих глазах начало стареть и морщиться, спину вдруг рванула сильнейшая боль. Я почувствовал, как сталь второй секиры рассекла кожу спины и, разрубив мне левую лопатку, своим лезвием застряла в реберных костях.

На грани потери сознания я поднялся на ноги, левой руки я уже не ощущал, словно ее никогда и не было. Но правую руку с растопыренными широко в стороны пальцами с громадным трудом я сумел-таки поднять и направить в сторону непонятной фигуры в балахоне и с капюшоном на голове. С моих пальцев сорвались зеленые нити и с легким треском ужалили эту фигуру, послышался громкий вопль, пустой балахон упал на чистый деревянный пол трактира.

— Колдун...

— Здесь творится злое колдовство...

— Бежим отсюда... колдун всех нас уничтожит...

Слышались крики со всех сторон, дверь трактира постоянно хлопала, пропуская наружу насмерть напуганных посетителей трактира. Я понимал, что мне нужно было уходить, как можно скорее покинуть это место. Скоро придет городская стража, и мне придется отвечать на вопросы, на которые я пока не знал ответов. Секира, все еще торчавшая из моей спины, не давала мне возможности двигаться. Ноги меня не держали. Я стоял, обеими руками упершись на стол, сопротивляясь дикому желанию забыть обо всем и утонуть в спасительном беспомыслии.

В этот момент я вдруг почувствовал чей-то удивленный посторонний взгляд. Каким-то невероятным образом я догадался о том, что этот человек, сейчас меня рассматривающий через магическую призму и обладающий зачатками магии, нес персональную ответственность за захват Иоганна Зейдлица. Мое вмешательство в операцию захвата для этих людей оказалось полной неожиданностью. Этот человек, которого я не мог разглядеть из-за секиры в моей спине, подозвал к себе остальных членов своей команды и медленными шажками начал ко мне приближаться. Используя магическую призму, он попытался проникнуть в мое сознание, чтобы выяснить, кто же я такой, почему вмешался в их операцию. Подойдя ко мне, этот человек обеими руками ухватился за рукоятку секиры и, упершись ногой мне в задницу, изо всех сил на себя рванул секиру.

Все вокруг вспыхнуло ярким белым светом, и я, по-видимому, хотя и на долю секунды, потерял сознание.

Когда снова начал себя ощущать, то вокруг меня была сплошная темнота, а я лежал на столе, лицом уткнувшись во что-то мокрое. Мысленным зондом я прошелся по трактиру, все люди, посетители и обслуживающий персонал, в трактире были мертвы, только Иоганн Зейдлиц, находившийся от меня всего в нескольких шагах, мысленно просил, чтобы я подсказал, где нахожусь. У меня не было сил даже на то, чтобы послать ему мысленный зов, но боль в спине была такова, что я едва слышно простонал. Зейдлиц услышал мой стон и практически на ощупь стал ко мне пробираться. Ни слова не говоря, он перевернул меня на спину и, тюком взвалив на свое правое плечо, тяжелой поступью направился к выходу из трактира.

Я снова пришел в сознание от того, что чьи-то руки ощупывали рубленую рану на спине,

а голос на немецком языке постоянно твердил:

— Господин Зейдлиц, я осмотрю рану этого мертвеца, но ему уже ничто не поможет. Этот человек мертв. От такой рубленой раны нормальный человек выжить не может. И зря вы его тащили на своем горбу, лучше бросили бы на улице, и городской страже не пришлось бы объяснять, что произошло, кто его убил. А теперь у нас будет много проблем, я в своей жизни немало разных делишек натворил, чтобы встречаться и разговаривать с городской стражей.

Я, не открывая глаз и не двигаясь, на мысленном уровне задал Иоганну Зейдлицу вопрос о том, стоит ли этому врачу оставлять жизнь, он видел нас и наверняка не будет держать язык за зубами, когда его найдут!

Зейдлиц ответил одним отрицательным словом.

3

Государь Петр Алексеевич пару раз уже встречался с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I, но, вероятно, те встречи были мимолетными и не произвели большого впечатления на обоих монархов. Они оба отзывались о тех встречах инертно и без особого блеска в глазах. Но уже в начале встречи в Штеттине прусский король и русский царь вдруг почувствовали неизъяснимую симпатию по отношению друг к другу, между ними возникло понимание и доверие, нечто вроде дружеских отношений.

Оба суверенных монарха были совершенно разными по внешнему облику людьми, один из них был высоким и стройным красавцем с нервно-вздорным характером. Другой — невысокого роста, близким к полноте почти уродливым человеком, также с нервным характером. При первом же обмене мнениями эти два монарха неожиданно нашли общую тему, так как случайно заговорили об армии, об армейских порядках и артикулах и об обучении солдат военному искусству. Оказалось, что они оба до фанатизма любят армейскую службу и много сил отдали на создание современной армии. Я хорошо знал о том, что любимым занятием обоих монархов было проводить время в боевых походах, не спать по ночам, переходя от одного походного костра к другому, беседовать с солдатами на житейские темы или о том, как у них идет армейская служба, хороши ли их офицеры. Самое интересное заключалось в том, что солдаты чувствовали неподдельный интерес со стороны своих государей и охотно поддерживали разговор, нормальным солдатским языком рассказывая о своих проблемах.

Таким образом, я с Иоахимом фон Руге первый час душевно отдыхал, наблюдая за тем, как Петр Алексеевич, жестикулируя руками, рассказывал Фридриху Вильгельму I об истории формирования Преображенского полка и о всей системе военной подготовки молодых рекрутов.

На второй день после завершения русско-датских переговоров и подписания очередного ни к чему не обязывающего русско-датского договора мы с Петром Алексеевичем поздно вечером, когда стемнело, незаметно покинули дом Генриха Бутенанта и вышли на улицу, где нас уже ждал добрый молодец с двумя жеребчиками, которых держал под узду. Петр Алексеевич лихо, не держась рукой за луку, вскочил в седло одного из жеребчиков, а я так осторожненько и при поддержке добра молодца вскарабкался в седло другого жеребчика и, ткнув его шенкелями в бок, поскакал вслед за государем.

Обычно к вечеру улицы Гамбурга наполнялись прогуливающимися жителями, которые с женами и отпрысками чинно взад и вперед прохаживались перед своими домовладениями. Но в эту ночь по дороге в Штеттин нам не встретился ни один человек, городские улицы, а затем и сам тракт, по которым мы следовали, были совершенно обезлюдившими. Жеребчики достались нам горячие и быстрые. Петр Алексеевич всю дорогу держался на два корпуса впереди меня, с явным удовольствием подставляя свое разгоряченное лицо встречному ветру, и временами что-то радостно кричал. По всему чувствовалось, что у государя было отличное настроение, он наслаждался скачкой на своем жеребчике.

Я же не рвался на разговоры с государем, впав в глубокую задумчивость о вчерашних событиях с моим непосредственным участием.

Доставив меня во дворец и уложив на кровать в спальне, Иоганн Зейдлиц мысленно со мной попрощался и отправился начинать новую жизнь русского подданного, начиная ее с поисков попутной кареты в Москву.

А я немедленно занялся излечением своей рубленой раны, полдня потратил только на то, чтобы различными заклинаниями остановить кровотечение, начать заживление раны, но магия мало помогала, боль настолько сковала мое тело, что я не мог руки поднять, а не то чтобы ими махать в магических пассах. Тогда я вспомнил о кибер-докторе и вызвал его, через час, в течение которого кибер-доктор занимался раной, я почувствовал значительное облегчение.

Поэтому уже во второй половине дня я смог встретиться с Петром Алексеевичем, который в этот момент о чем-то увлеченно беседовал с Абрамом Петровичем.^[60] Я выждал удобного момента и, попросив извинения, напомнил государю о нашей завтрашней поездке в Штеттин. При Абраме Петровиче я не мог открыто говорить о цели нашей поездки в Пруссию, но государь меня понял и согласно кивнул головой. Я уже давно заметил, что встрече с прусским королем я придавал более внимания, нежели сам Петр Алексеевич, который к встрече с Фридрихом Вильгельмом I относился как-то легкомысленно.

Вернувшись в отведенную мне спальню, я снова занялся своей рубленой раной на спине. Кибер-доктор меня хорошо подлечил, рана зарубцевалась, но внутри ее по-прежнему гуляла сильная боль, полностью я пока не излечился. В таком болезненном состоянии я едва ли смогу выдержать дорогу до Штеттина и обратно. По всей очевидности, я все-таки оказался плохим знатоком магической медицины, моих усилий оказалось совершенно недостаточно, для того чтобы я сумел бы самого себя привести в состояние здорового человека.

Послышался царапающий звук в дверь моей спальни, а затем дверь начала медленно открываться, на пороге во всей красе показался обаятельный молодой человек с антрацитово-черной кожей лица и тела, который отчаянно рыдал. Не произнося ни слова, Абрам, живой африканский негр и любимая игрушка Петра Алексеевича, с горькими рыданиями бросился мне на грудь. Хорошо, что за моей спиной была навалена гора подушек, которая в определенной мере амортизировала мое падение и не позволила мне потерять сознание от той зверской боли, которая снова на меня обрушилась из-за объятий этого двадцатилетнего негритянского юноши.

Захлебываясь слезами, Абрам, прижимаясь, зашептал мне на ухо:

— Алексей Васильевич, пожалуйста, помогите мне, а то я обязательно повешусь. Петр Алексеевич не желает меня отпускать от себя, а меня влечет и тянет к новым знаниям. Я уже окончил навигацкую школу в Москве и хочу учиться дальше, в Париже. Хочу окончить

парижскую Сорбонну и стать большим русским ученым по математике. А Петр Алексеевич мне говорит: никуда из России тебя не отпущу.

В этот момент в полуприкрытую дверь спальни неожиданно заглянул Петька Толстой и, увидев меня, возлежащего на подушках и к своей груди с большой нежностью прижимающего африканского юношу с горящими глазами, он радостно потер рук и скрылся в дворцовом коридоре. Было ясно, что этот поганец побежал докладывать Петру Алексеевичу о том, что видел Лешку Макарова, любовь закрутившего с Абрамом Петровичем. Было поздно что-либо предпринимать и противодействовать этим подлым замыслам, я от унижения и все еще продолжающейся боли протяжно застонал. Разумеется, Абрам не видел Петьки Толстого, мой стон воспринял совершенно неожиданным образом.

Юноша вскочил на ноги и, перевернув меня на живот, увидел большую рубленую рану на моем левом плече, как-то по-женски всплеснул руками, осторожно потрогав рубец кончиками пальцев, тихо произнес:

— Я не буду вас спрашивать, Алексей Петрович, как вы, простой секретарь государя, умудрились получить столь страшную рану, но я смогу вам помочь утихомирить ту боль, которую вы от нее терпите. Но вы обязательно мне поможете поступить на службу во французский флот гардемаринном. Я знаю, что Петр Алексеевич всегда считается с вашим мнением и вам не откажет в просьбе отпустить меня на дальнейшее взросление и учение во Францию. А сейчас помолчите и не удивляйтесь!

Не слушая моих слабых возражений, Абрам Петрович поднял руки кверху и начал торжественно произносить слова на совершенно незнакомом мне языке...

4

Может быть, из-за боли, все еще крутившейся в районе раны и подавлявшей все мои чувства, а может быть, из-за дождевых туч, низко висевших над дорогой, я так и не заметил, как мы доскакали до Штеттина. Когда мы с Петром Алексеевичем на жеребчиках подскакали к городскому шлагбауму, перекрывшему нам дорогу, то усатый прусский гренадер молча рукой помахал нам в знак приветствия и, подняв шлагбаум, пропустил нас в город.

К этому времени Штеттин уже спал, только в очень редких городских домах подсвечивались окна, но прямо по нашей дороге один особняк был ярко освещен несколькими факелами, во дворе его отмечалось смутное движение многих людей. Не останавливаясь, на рысях мы с Петром Алексеевичем влетели прямо во двор и там попридержали жеребчиков в нерешительности, не зная, что делать и как нам далее поступать.

Подожли два усатых гренандера и, взяв жеребчиков под узды, помогли нам спешиться. Только в этот момент из-за света факелов я заметил, что Петр Алексеевич опять-таки не обратил внимания на мою просьбу и поступил по-своему, одевшись не в полном соответствии с торжественным моментом встречи двух монархов. Государь великого русского государства снова натянул на себя старый, потертый и дышащий на ладан кафтанчик. На ноги государь натянул совершенно стоптанные в каблуках башмаки, драные и в сплошных заплатах чулки, на которых ярко просвечивались новые и пока еще не штопанные дыры. А панталоны были нечто вроде древнего антиквариата, они были

настолько замызганы и так на его тощей заднице лоснились, что в них можно было бы увидеть свое отражение.

Я легко покраснел щеками и отвернулся в сторону от своего государя Петра Алексеевича, делая вид, что одежда этого царственного скупердяя соответствует торжественному моменту.

Покинув седло жеребчика, Петр Алексеевич повел себя как мальчишка в глухой деревеньке. Обеими руками он попытался обуздать и прилизать свои грязные лохмы длинных волос, а затем принялся грызть грязный ноготь пальца правой руки, с очевидным интересом оглядываясь по сторонам. По поведению государя можно было бы понять, что Петру Алексеевичу чрезвычайно понравился этот внешний флер таинственности и молчаливости встречи с прусским королем.

Пруссаки с нами не общались и не разговаривали, а каждый из них четко исполнял порученное ему дело. Наши жеребчики давно уже исчезли в воротах конюшни, находившейся в дальнем углу двора, а перед нами появились два прусских офицера, которые глубоким поклоном поприветствовали государя. Затем офицеры обнажили палаши и, словно под конвоем, повели нас к крыльцу особняка. Вдали, на окраине Штеттина, десять пушек начали производить залп за залпом по мере нашего приближения к этому крыльцу. Десятый, последний пушечный залп в честь его величества русского государя Петра Алексеевича прозвучал в тот момент, когда наш государь взошел на красное крыльцо.

Петр Алексеевич вытянулся по-военному и, повернувшись лицом к пруссакам, на время салюта застывшим по стойке смирно, отдал им честь, бросив руку к непокрытой голове, и трижды проорал «ура». Из чего я моментально понял, наш государь оказался слаб на пушечные залпы, видимо, его хлебом не корми, а дай послушать, как пушки будут палить в его честь. А я-то, дурак, все пытался убедить министра Иоахима фон Руге не стрелять из пушек в честь нашего государя, мол, пушечная пальба в такое позднее время дня весь город Штеттин поднимет на ноги, секретность нашей встречи порушит.

На что фон Руге мне отвечал:

— Пруссаки — это особый народ, который живет и радуется во имя своего короля Фридриха Вильгельма Первого. Когда король не спит и приветствует своего друга-монарха, то и прусский народ не должен спать, будет вместе с королем радоваться и славить русского монарха. А что касается секретности монаршей встречи, то, поверь мне, ни один пруссак даже под пыткой не признается, что Фридрих Вильгельм I когда-либо встречался с русским государем Петром Алексеевичем в Штеттине, если прусскому народу, разумеется, король не прикажет обратного.

Одним словом, пруссаки отлично проработали церемонию и протокол встречи русского монарха и довели его до восхищенных слез.

Когда отгремел пушечный салют, из дверей особняка появился генерал-майор Гребен, наш старый знакомец и личный адъютант прусского короля. Он низким поклоном поприветствовал Петра Алексеевича и, прямо перед ним широко распахнув двери, гостеприимным жестом руки пригласил государя проходить вовнутрь.

Как только Петр Алексеевич переступил порог, то в фойе особняка для его встречи появился Фридрих Вильгельм I, чтобы лично поприветствовать великого московского государя. Встреча двух великих монархов внешне получилась непрезентабельной. Один монарх, почти великан в полудраной одежде, возвышался над другим монархом, который на фоне этого высокого молодца смотрелся толстым карликом-уродом с клюкой в руках, спина

которого была практически параллельна полу. Внешность обоих великих монархов, столь разных великих людей, объединяло то, что они оба были без напудренных париков на своих волосах и в рваной затертой одежде. Фридрих Вильгельм I, по всей очевидности, был таким же жмотом и скупердяем, как и Петр Алексеевич, только все дыры на его чулках были аккуратно заштопаны.

Министр Иоахим фон Руге доверительно мне сообщил, что прусский король Фридрих Вильгельм I прижимает каждый пфенниг, экономя на всем и вся, чтобы талер потратить на любимую армию.

Государи сошлись в центре фойе и, протянув друг другу руки, слились в братском и сердечном рукопожатии. В тот момент в фойе особняка никого из посторонних не было, поэтому рукопожатие было не для широкой публики, а токмо ради укрепления русско-прусской дружбы. Государи пока еще не могли между собой разговаривать, так как в соответствии с официальным прусским протоколом они не имели права в присутствии другого монарха изъясняться на другом языке, кроме своего родного языка. Я-то хорошо знал, что мой государь, когда выпьет, то свободно говорит на любом европейском языке, но сейчас Петр Алексеевич соображал, что чужие правила следует соблюдать, поэтому терпеливо ожидал появления толмачей.

Хотя никаких толмачей со своей стороны из Гамбурга мы не прихватывали, я спокойно воспринял эту ситуацию, наши прусские коллеги наверняка все заранее предусмотрели.

Совершенно незаметно в фойе появились и к государям под бока просочились переводчики с обеих сторон, с нашей стороны толмачил Андрей Иванович Остерман, пасторский сынок, протеже Головкина и друг Петьки Толстого. Теперь-то я узнал и то, что этот Остерман является верным слугой прусской короны, хотя министр фон Руге меня заранее об этой детали не оповещал. Видимо, верную службу прусскому королю Андрея Ивановича посчитал такой мелочью, не стоящей даже упоминания.

Петр Алексеевич и Фридрих Вильгельм I несколько раз прошли в фойе по кругу, разговаривая о пустяках, а толмачи, как попугаи, затараторили на разных языках, переводя высказывания государей на свои родные языки. В наших прежних разговорах об этой встрече государь Петр Алексеевич несколько скептически высказывался о прусском короле и о его недавно провозглашенном королевстве.^[61] Государь со всей очевидностью полагал, что он и его Россия без Фридриха Вильгельма I и королевства Пруссия со шведами разберется слишком уж оно было, по его мнению, слабым.

Поэтому я боялся пускать переговоры Петра Алексеевича на полный самотек, опасаясь, что государь по своей детской наивности наговорит Фридриху Вильгельму I великодержавных глупостей. Если бы я мог, то уже давно попытался своим мысленным щупом внушить государю свои умные мысли, но мозг Петра Алексеевича был прикрыт такой защитой, что через нее проникнуть не было никакой возможности. Мне оставалось только своим присутствием и видом напоминать государю о том, о чем мы ранее договаривались говорить прусскому королю.

После кружения по фойе оба монарха полезли по лестнице на второй этаж, где имелась большая и хорошо освещенная зала с двумя удобными креслами, сидя в которых, можно было бы поговорить о серьезных государственных делах. Фридрих Вильгельм I с явным любопытством поинтересовался тем, как Петр Алексеевич разобрался с датским генералом Францем Девицем. Тут Петр Алексеевич явно оживился и в мельчайших деталях, словно сам находился на месте пьяного Аникиты Репнина, стал рассказывать, как били датского

генерала Франца Иоахима Девица. Завершив пятиминутное повествование о битве датчанина, государь Петр Алексеевич поинтересовался тем, не могла бы Россия присоединить взятый датско-прусскими войсками город Висмар к мекленбургской области.

Несколько секунд Фридрих Вильгельм I находился в задумчивости, положив подбородок на набалдашник своей клюки. Затем прусский король резко вздернул голову и, посмотрев в мальчишеские глаза Петра Алексеевича, ответил:

— Мой русский друг, королевство Пруссия готово передать город Висмар, взятый прусско-датскими войсками, во владения герцога Мекленбургского в качестве приданого русской принцессы Катерины Ивановны. Но и со своей стороны у меня к вам, мой друг, имеется маленькая просьба.

В нескольких словах Фридрих Вильгельм I рассказывает о поношениях, устроенных войсками Аникиты Репнина прусскому реджименту, недавно проходившему через город Данциг. Солдат и офицеров реджимента оскорбляли поносными словами, бросали в них гнилыми яблоками, останавливали на каждом шагу и требовали разоружиться. Я хорошо помнил, что когда генерал Репнин рассказывал пьяненькому Петру Алексеевичу об этом случае, то тот от удовольствия ржал во все государево горло. Но в сей момент глаза Петра Алексеевича извергали молнии по поводу несправедливого поношения армейского подразделения содружественной армии, он грозил Репнина разжаловать в рядовые.

Таким нехитрым образом разговор монархов сам собой перешел на разговор об армиях, об их различиях в устройстве и обучении солдат. Петр Алексеевич в течение целого часа распевался курским соловьем по этому поводу. Одним только этим вопросом Фридрих Вильгельм I навсегда завоевал сердце сорокачетырехлетнего государя Петра Алексеевича, сделав его навсегда своим верным другом. В ходе соловьиного пения государя о состоянии нашей армии и флота прусский король временами прерывал его трели весьма дельными вопросами, свидетельствующими о том, что он хорошо изучил характер Петра Алексеевича и отлично подготовился к этой встрече.

В ходе беседы Фридрих Вильгельм I доверительно сообщил нашему государю, что королевство Пруссия готово вступить в антишведскую коалицию, готово выставить свои войска против шведов. Что Пруссия готова хоть сию секунду подписать договор с Россией о мире и дружбе и о сохранении друг за другом завоеванных их войсками шведских территорий и областей. По многим вопросам Фридрих Вильгельм I считал, что Россия занимает правильную позицию, от которой ей не следует отступать в отношениях с другими коалиционными союзниками.

Государю Петру Алексеевичу настолько понравились эти слова прусского короля, что он не утаил и рассказал ему о том, что коалиция в настоящую минуту собирает войска для десанта и для вторжения на территорию Швеции, чтобы силой заставить шведского короля Карла XII прекратить войну и признать свое поражение. Но многое будет зависеть, как отметил Петр Алексеевич, от позиции по этому вопросу, занятой датским королем Фридрихом IV, с которым он только что встречался и договорился о совместных действиях в ближайшее время. Главное заключалось в том, сможет ли Фридрих IV собрать столько купеческих кораблей, чтобы взять на борт десант в семьдесят тысяч солдат.

Фридриха Вильгельма I эта информация, полученная от нашего государя, сильно заинтересовала. Он поднялся на ноги и пару минут ходил по залу, разминая ноги и о чем-то размышляя. Петр Алексеевич все это время оставался в своем кресле, но закурил свою голландскую курительную трубку, наполнив залу смрадом дешевого матросского табака.

Временами делая очередную затяжку табачным дымом, он с глубоким интересом посматривал на прусского короля. По всему чувствовалось, что сама встреча, полученный результат и ее таинственность нашему государю чрезвычайно нравились.

Прусский король молча вернулся в свое кресло и, взяв серебряный колокольчик, лежавший на столике у него под рукой, легонько позвонил. Неизвестно откуда вынырнул лакей в ярко-красной ливрее и, низко склонив голову, замер перед королем. Фридрих Вильгельм I на немецком языке бросил пару слов, лакей тут же растворился в той же неизвестности, откуда и появился.

Я же могу утверждать только одно, что через ту единственную дверь в эту залу переговоров, которую я в целях безопасности государей лично подпираю своей спиной, этот лакей не проходил. По выражению лица Андрея Остермана я также сообразил, что тот ничего не понял из того, что именно прусский король только что приказал лакею, хотя немецкий язык был ему родным языком.

Через секунду Андрюшка снова приступил к работе и стал переводить то, что Фридрих Вильгельм I хотел рассказать нашему государю Петру Алексеевичу.

Прусский король прямо, без дипломатических выкрутасов заявил о том, что в это время, по его мнению, было бы чрезвычайно опасно высаживать коалиционные войска на укрепленное побережье Швеции. Что, принимая это обстоятельство во внимание, а также то, что датский король плохо держит свое слово и находится под англо-голландским влиянием, по всей вероятности, прусские войска не смогут принять участие в этой операции.

Во всем остальном прусский король выражал поддержку русским политическим и военным начинаниям, обещая всемерную поддержку прусскими войсками и дипломатией.

Затем Фридрих Вильгельм I сделал паузу и, внимательно посмотрев в глаза Петру Алексеевичу, снова повторил, что датский король Фридрих IV в своей государственной политике во всем следует советам и руководству англичан и будет делать только то, что они ему прикажут. Дания имеет военный флот и многочисленный купеческий флот, но против Англии она ни при каких условиях не пойдет. А высадка в Швеции и скорейшее прекращение русско-шведской войны, в результате чего последует возвышение в Европе России, противоречит политическим и военным интересам Англии.

Когда государи после завершения встречи начали прощаться, то наш Петр Алексеевич, как это всегда бывало, словно медведь из берлоги, полез обниматься и лобызаться с прусским королем. Но Фридрих Вильгельм I проявил дипломатическую гибкость и вытянутой вперед для рукопожатия рукой остановил восторженно-детский порыв нашего государя.

Когда мы покидали особняк и подходили к жеребчикам, то мне навстречу попался лакей в ярко-красной ливрее. Он незаметно протянул мне небольшой мешочек с исходящим из него приятным запахом.

Мы возвращались обратно, когда рассвет уже наступил и дороги были заняты двигающимися русскими войсками.

Пирмонт^[62] — это благословенное Богом место было настоящим райским уголком на европейской земле. Городишко был совсем небольшим, в нем проживало всего насколько

тысяч немецких семей, но он был таким вычищенным, вылизанным и ухоженным, что душа радовалась. Когда с друзьями прогуливался по улицам этого немецкого городишка, то даже не смотрел, куда свою ногу ставил, на его улицах не было дерьма или зловонных ручьев, которые в других городах текли по канавам, вырытым вдоль улиц. По утрам с гор, а Пирмонт располагался в предгорьях, задувал такой свежий ветерок, что грудь ходила ходуном и разрывалась на части от его чистоты. Так и пытаешься всю эту прелесть вобрать в свои легкие и им дышать. К тому же в городишке было много деревьев, посаженных вдоль улиц, а каждый дом был окружен ярко-зеленым травяным газоном и обрамлен кустарником, аккуратно подстриженным самим хозяином дома. Пирмонт был небольшим городишком, но в нем было несколько городских парков и сквериков со скамеечками, на которых было так приятно дремать под теплым летним солнышком.

Когда наше посольство изволило посетить Пирмонт, то он еще не был известным и популярным курортом, о нем мало кто знал. Его минеральные источники еще не были широко известны среди европейской публики и не так много посещались, как, скажем, минеральные источники Карлсбада в Богемии, поэтому и лечащегося народа в этом городишке, скажем, было совсем маловато. Да и сам городок был скучен и непритязателен в своей жизни.

Когда наш посольский обоз проезжал по его главной улице, оставляя за собой громадные кучи лошадиного навоза и речные потоки лошадиной мочи, то местные жители сразу же догадались, что в город пришли долго ожидаемые русские. Они не побежали жаловаться бургомистру или в городской совет, чтобы потребовать, чтобы гости немедленно прибрали за собой их городские улицы. Гостей нельзя было заставлять делать грязную работу дворников, да и дворников в этом славном немецком городишке совсем не оказалось. Просто из каждого дома вышел мужчина в аккуратном женском фартучке на груди с совочком и метелочкой в руках. Они так аккуратненько подмели и собрали все наше конское дерьмецо, что диву можно было бы даваться тому, как это быстро и аккуратно было сделано. Вскоре главная улица Пирмонта вновь приобрела прежний вид, а разливы лошадиной мочи были присыпаны чистеньким песочком, хоть заново посольский обоз пускай.

В тот момент, когда посольство еще только въезжало в городок, я беспрестанно вертел головой по сторонам, душевно удивляясь тому, почему немецкие лошади в русском обозе ведут себя, как будто русские лошади — бессовестно ссут и срут на все такое чистенькое и пригоженькое. Ведь до этого Пирмонта ни одна лошадка нашего обоза так себя не вела, лишней лепехи на дорогу ни за какие грехи не выкладывала, все ждала, когда ее отведут в положенное место. Но как только мы в Пирмонт заехали и увидели эту немецкую красоту и вылизанность, то их понесло, на каждом шагу лепехи класть стали, обильно поливая внутренней влагой. Мне даже как-то неудобно стало за такую неаккуратность и нечистоплотность немецких лошадок в немецком же городке.

Торжественных мероприятий, по личному же указу государя, по случаю прибытия государя Петра Алексеевича и государыни Екатерины Алексеевны в этот городок не проводилось. Городской магистрат Пирмонта не выстраивался по ранжиру в шеренгу для торжественного лобызания рук наших государя и государыни. Великий государь Петр Алексеевич перед въездом в Пирмонт издал специальный рескрипт о том, чтобы торжество по случаю его визита город не проводить, он-де отдыхать сюда приехал, а не работать. Разве что не удержался и попросил немцев из трех пушек раз десять пальнуть в честь его прибытия.

Когда бургомистру города передали повеление русского государя, то он схватился за сердце и надолго слег в постель с инфарктом, оказывается, пушек-то у города совсем не было.

Городской совет немедленно вступил в переговоры с ближайшим ганноверским военным гарнизоном о выделении трех пушек и боеприпасов к ним для приветственного салюта, выясняя, сколько это городской казне будет стоить. Переговоры были успешно завершены, кисет талеров передан полковнику, командиру военного гарнизона, три пушки выставили на пригорке за городом.

На второй день пребывания русского посольства в городишке Пирмонте немецкие пушки начали весело палить в честь русского государя. Петр Алексеевич, конечно, не выдержал и быстрым шагом умчался к немецким канонирам, где вскоре, засучив рукава рубахи с заплатами, вместе с немецкими парнями заряжал пушки и показывал им, как быстро и правильно заряжать пушки, а главное — прицеливаться... Городской совет в категорической форме отказался оплачивать ущерб хозяину мельницы, которую случайно выбрали в качестве цели для стрельбы из пушек ганноверские канониры.

Ну а кто виноват в том, что эта мельница оказалась единственным хорошо видимым ориентиром на этой местности! Да и к тому же государь Петр Алексеевич немецкого языка совсем не знал. А Андрюшка Остерман, бестолочь немецкая, сказавши, что грохота пушек пуще смерти боится, не поехал вместе с государем помогать немецким канонирам. Так и случился небольшой артиллерийский конфуз, по вине самих немцев.

Я же понял, что государь Петр Алексеевич не может жить без грохота пушечных салютов в его честь и горького запаха пушечного пороха. Хотя внешняя жизнь государя в Пирмонте напоминала спокойствие на погосте. Каждый день августейшая чета занималась питием минеральной воды, государь мотался в горы на охоту, а по вечерам они посещали местный театр «Арлекин», который я приволок из Гамбурга.

Благодать, да и только, моя душа радовалась такому европейскому поведению государя и государыни, истинному политесу наших дипломатов и офицеров посольского обоза.

Таким образом, в тихий и на ходу засыпавший Пирмонт вместе с русским посольством пришли настоящая жизнь и настоящее веселье. Городишко по утрам, дням и вечерам начал ходуном ходить. Когда русские дипломаты просыпались, то первым же делом требовали чарку водки, чтобы вылечиться от вчерашней пьянки. Первоначально жители этого городка от таких просьб и требований приходили в ужас, но, когда на третий день пребывания посольства в их городе попробовали клин выбивать клином, то убедились в действенности этой методики.

Теперь каждый вечер жители Пирмонта собирались в центре городишка, чтобы собственными глазами посмотреть на то, как эти странные русские отдыхают, веселятся и лечатся. На их глазах великий русский государь и его людишки оловянными стопочками аккуратно пили минеральную пирмонтскую воду и даже не морщились, но пьянели с каждым глоточком. Государь Петр Алексеевич под пристальным взглядом государыни Екатерины Алексеевны оставался чистым, как бутылочное донышко, а вот с нашими дипломатами дело было совсем плохо. Пирмонтская вода оказывала на них сильное водочное воздействие, некоторые из них к концу моциона на ногах не держались. Солдатам приходилось их брать за руки, за ноги и, зашвырнув недвижимое тело на дрожки, развозить по немецким домам, где эта пьянь квартировалась.

Жители Пирмонта пока еще удивлялись тому, как это можно так с людьми

обращаться... за руки, за ноги — и на дрожки, а вдруг он головой сильно ударится! Но не понимали эти зажравшиеся немцы, что пьяного, как ни брось или кинь, он, подобно кошке, падающей с высоты, всегда на четыре лапки встанет, никогда головой ни обо что не ударится. А если ударится, так этого и не заметит.

Я же считал, что наши солдатики поступают абсолютно правильно и предусмотрительно, присматривая за своими офицерами. Как бы русский офицер ни был пьян, он все равно оставался человеком. Не валяться же тогда человеку на песке аллеи немецкого сквера или городского парка. Ведь другой русский офицер, когда наступит ночь, может об эту пьянь споткнуться, упасть и пораниться.

А что касается того, почему русские дипломаты прямо-таки пьянели от пирмонтской минеральной воды, то объяснение было совсем простым. Оказалось, что голь на выдумки хитра, слуги дипломатов заранее в баклаги с якобы пирмонтской минералкой наливали анисовку или рейнвейн, позволяя их хитрюге хозяину на глазах у горожан пить и наслаждаться вкусом и крепостью этих напитков. Но из-за того, что горожане Пирмонта, не отрывая глаз, наблюдали за гуляниями и питием минеральной воды русскими дипломатами, наши посольские сильно стеснялись и были вынуждены постоянно хлебать водку, совершенно ее не закусывая. Ведь немцы любого засмеют, если увидят, что он их минеральную воду закусывает мясом и сыром!

6

За три недели стояния русского посольства в этом ганноверском городишке Пирмонт превратился в некое подобие столичного града с наличием государя и его супруги, с придворными интригами и злокознями, предательством, тайными дуэлями и убийствами. В этот малый немецкий городишко понаехало столько дипломатов, представителей секретных служб государств Европы, что мне пальцев на руках и ногах не хватало всех их сосчитать. Причем эти люди полагали, что их государства самые важные и значимые в Европе, поэтому, не просясь и не записываясь, лезли на прием к государю Петру Алексеевичу, чтобы переговорить и обсудить с ним наиболее важные или наиболее щекотливые, по их мнению, вопросы.

Но еще в пути в Пирмонт Петр Алексеевич позвал меня к себе в карету и поинтересовался, заглядывая в мои глаза, как я отношусь к его сыну Петру Петровичу^[63] и какие у меня мысли по этому поводу? В этот момент от государя таким холодком потянуло, что в глубине души я тотчас ощутил, что великая беда надвигается. Не зная, как правильно ответить на этот вопрос государя, я попытался глазами отыскать и попросить помощи у государыни. Но она в это время увлеченно смотрела в окно кареты, наслаждаясь дорогой и немецким сельским пейзажем. Моего взгляда государыня Екатерина Алексеевна, разумеется, не заметила, но потому, как чуть-чуть напряглись плечи этой красивой женщины, я понял, что она очень внимательно прислушивается к моему с государем разговору.

Я верноподданно посмотрел в глаза государю Петру Алексеевичу и прошептал:

— Ваше величество, царевич Петр Петрович родился десятого октября одна тысяча семьсот пятнадцатого года...

— Ну и почто ты мне это говоришь, Алешка, — сказал государь, не отводя от меня

змеиною взгляда своих округлых глаз, — я это и сам хорошо знаю. Ты мне лучше расскажи, когда он государем России станет, каким государем будет? Что будет на престоле делать, пойдет ли по моей стезе или, как Алексей,^[64] нос в сторону будет воротить и делами богословскими, пьянством и блудом от государственного дела прикрываться? Ну да ладно, не буду более тебя по этому делу тревожить, но с этого момента ты за Алексеем внимательно приглядывай. Чуть что с ним произойдет, то с тебя первый спрос будет. Умных людишек найди и к нему приставь, чтобы всегда рядом с ним были и знали бы, чем он заниматься будет. А теперь о Пирмонте поговорим, там мы с Екатериной Алексеевной отдыхать, лечиться будем, поэтому постарайся оградить меня от случайных и ненужных просителей и посетителей. Буду встречаться, разговаривать только с теми людьми, кто о войне или о мире со шведами говорить захочет.

Карета государя и государыни, да и весь посольский обоз давно уже скрылись за поворотом дороги, даже пыль на дороге улеглась, а я все не мог тронуться с места и залезть в свою бричку, в которой Ванька Черкасов меня терпеливо ожидал. Будучи рядом с Петром Алексеевичем уже много лет подряд, я хорошо понимал, что это государыня Екатерина Алексеевна подняла вопрос о русском престолонаследии и теперь так просто его не оставит. Именно государыня надоумила Петра Алексеевича этот вопрос под контроль моей службы передать. Государыня Екатерина Алексеевна свято верила в то, что я человек непростой, особенный и способен решить любую проблему, поэтому смогу Петра Алексеевича в этом вопросе поддержать и ее сына на русский престол посадить.

Теперь из-за ее слепой веры мне за царевичем Алексеем Петровичем, первым сыном государя, следить придется, а время придет, то и кандалы арестантские на него надеть. Что говорить, я давно уже к царевичу своих людишек приставил, дело на него завел, но уж очень много в этом деле было коварных мыслей и двусмыслиц, которые наверняка Петру Алексеевичу не понравились бы. За одни только слова Борьки Куракина, которые он однажды нашептал царевичу Алексею Петровичу, его давно бы головы лишили. Это надо же было догадаться и такое сказать:

— Покамест у нее нет сына, то к тебе она добра будет, а как сын у них появится, то она уже таковой не будет.

Сегодняшний разговор показал, насколько Борька Куракин оказался прозорлив, когда те слова по секрету царевичу Алексею Петровичу нашептывал. Настало время, и государыня Екатерина Алексеевна высказала мужу свое крепкое пожелание, потребовав, чтобы ее сынишка после смерти родителей великой русской державой правил.

Тяжело вздохнув, я полез в бричку к Ваньке Черкасову. Вскоре наши оба немецких рысака вскачь неслись по ровной дороге, догоняя посольский обоз. Настало время подумать о том, как наладить избирательный допуск иноземцев к государю.

Для такого дела мне в первую очередь нужно было бы заранее знать, кто и с какими целями в Пирмонт прибыл?! Городишко маленький, всего две городские заставы, вот там и поставим своих людишек, каждого приезжего они будут записывать и мне докладывать. А затем с этими приезжими людьми нужно было поговорить, для такого дела лучше всего подошел бы Ганс Лос, саксонский дипломат, с которым приезжие иноземцы ничего скрывать не будут, ведь это свой, иноземный человек. Таким образом, мне настала пора снова саксонским дипломатом Гансом Лосом становиться.

Как никто другой, Ганс Лос мог бы мне помочь в выполнении наказа государева стать тем решетом, через которое мы будем ненужных дипломатов и тайных агентов секретных

служб за ненадобностью отсеивать, а к Петру Алексеевичу будем допускать только умных и нужных ему людей. По-моему, впервые в жизни Петр Алексеевич дал мне такое указание — производить отсев своих посетителей, обычно он этими делами сам занимался.

В этой связи Ганс Лос развернул бешеную активность.

С утра до позднего вечера он был занят делами, встречами и беседами со своими собратьями по «дипломатии». Но именно благодаря его стараниям я узнал о том, что в Пирмонте появились представители шведского короля Карла XII. Эти представители хотели бы встретиться и переговорить с нашим государем о возможности прекращения войны со Швецией.

Карл,^[65] ландграф Гессен-Кассельский, сын которого был женат на сестре шведского короля, направил в Пирмонт своего обер-гофмаршала и тайного советника фон Кетлера для выяснения вопроса, на каких условиях Россия могла бы согласиться на мир со Швецией. Я собственными глазами наблюдал за тем, как вначале обрадовался государь Петр Алексеевич, услышав от меня об этой весте. Но через некоторое время его лицо погрузнело, он отказался лично встречаться с фон Кетлером, а вызвал Куракина Бориса Ивановича. Они долго за ширмой о чем-то шептались, а затем ко мне вышел один только Борька Куракин и сказал, чтобы я отвел его к фон Кетлеру.

Дураку и тому было бы понятно, что Петр Алексеевич в настоящий момент из-за своих близких отношений с союзниками по антишведской коалиции не мог принимать личного участия в таких переговорах. Вот и поручил их вести своему доверенному лицу Куракину, а меня полностью отстранил от этого дела, сказав, что теперь дипломаты должны заниматься этим государственным вопросом. Чему я был только рад, так как в тот момент у меня этих мелких государевых поручений и дел было выше головы, только успевай поворачиваться и их исполнять. Куракин же успешно поговорил с фон Кетлером, а затем повел разговор с личным представителем шведского короля Карла XII, отставным шведским генералом Ранком, который для прикрытия своего появления в Пирмонте поступил в услужение к ландграфу Карлу. В тот момент государь Петр Алексеевич был слишком враждебно настроен по отношению Карлу XII, поэтому совершенно не поверил заверениям людей шведского короля в том, что монарх Швеции желает мира с Россией.

Тогда я государю Петру Алексеевичу подсунул для прочтения письмо Язи Мнишек, которая была официальной фавориткой Карла XII, а он, похоже, очень любил ее и далеко от себя не пускал. Язя оказалась в ужасном положении, когда появилась в Стокгольме. Этот обалдуй Петька Толстой, направляя Язю Мнишек в Швецию, даже не проверил простой вещи: как Карл XII относится к женщинам. Как оказалось, шведский король весьма прохладно воспринимал и очень неуютно себя чувствовал в женской компании, предпочитая друзей-мужчин. Карл XII так и не женился, имел несколько любовниц, но не для любовных утех, шведский король не собирался жениться и в будущем, все свои силы отдавая армии и своему королевству.

В этом письме Язя Мнишек вспоминала о разговоре шведского короля с каким-то английским дипломатом по имени Роберт Джэксон,^[66] которого он принимал в ее присутствии. Карл XII практически накричал на англичанина, требуя восстановления английских поставок для шведского флота, так как из-за недостатка пороха и ядер к пушкам флот шведов вынужден был простаивать в Карлскруне,^[67] в то время как кричал Карл XII англичанину, русский парусный и галерный флоты безбоязненно безобразничают у германских берегов. Англичанин спокойно воспринимал это крик шведского короля,

вполголоса добавляя, что британской короной принято решение о реальном противодействии экспансии России в Европе. Когда этот англичанин ушел, то Карл XII предложил Язе бокал вина и сказал, что он надеется на то, что в ближайшем будущем он может встретиться с русским царем и с ним напрямую договориться о мире.

Петр Алексеевич слышал о Язе Мнишек, но мало интересовался ее судьбой, и когда я ему показал фрагменты письма этой гордой полячки, то государь горько ухмыльнулся и сказал, что мало верит этому источнику информации.

Но дипломатические контакты по этой линии сохранились и продолжали развиваться, время от времени они даже прекращались, затихали, но затем снова разгорались с новой силой, пока со временем не была достигнута твердая договоренность об окончании войны. Я же по-настоящему гордился тем, что именно мне удалось привести первых настоящих шведских переговорщиков к своему государю Петру Алексеевичу.

Эти переговоры, разумеется, не миновали глаз наших любимых британцев. Но на этот раз британская служба безопасности почему-то решила, что переговоры инициировал и проводил я, Алексей Васильевич Макаров, и по-своему наказала за подобное своеволие. Однажды темной ночью, когда посольство все еще находилось в Пирмонте, неизвестный подкрался ко мне со спины и нанес удар кинжалом в левый бок. Только моя предосторожность — я носил, никогда не снимая, легкую кирасу — даже, случалось, спал в кирасе, так вот кираса спасла мне жизнь. Вражеский кинжал скользнул по ее броне и глубоко порезал поясницу, после такого удара кинжалом я не мог три дня без боли сгибаться и разгибаться, скакать в седле на лошадях.

Мне так хотелось задержаться в Пирмонте, чтобы залечить полученную рану, но государь сурово выслушал мою просьбу и категорически отказал в своем благоволии, сказав:

— Совсем ты очумел, Алешка! Как я без тебя армией, флотом и Россией управлять буду? Кто кабинет-курьерами и кабинет-гонцами заниматься будет? Кто письма сочинять да рассылать будет? Так что кончай притворяться, что плохо себя чувствуешь. Прими чарку анисовки и поднимайся на ноги и сейчас же принимайся за дело. Я должен с войском Репнина поспешать в Данию, я ты, пока мы движемся по дороге, подлечись немного, но чтобы к Копенгагену выздоровел. Там мы у датчан флот требовать будем, чтобы в Швеции высаживаться и Карла XII в плен брать.

На следующее утро обоз русского посольства покинул немецкий городишко Пирмонт, опять засрав до колена их главную улицу. Но и немцы опять же не побежали кому-либо жаловаться, а, засучив рукава, принялись за нами прибирать главную улицу. Только на этот раз из домов выходили одни только женщины с совочками и метелками, чтобы собрать навоз за лошадьми. К тому же эти немецкие женщины были рады-радехоньки тому, что мы наконец-то покидаем Пирмонт. Три недели беспробудного пьянства под русскими чуть ли не всех немецких мужей превратили в горьких алкашей.

Да и о женщинах Пирмонта русские офицеры позаботились и чем только могли, отблагодарили этих красавиц за гостеприимный и радушный прием. Многие пирмонтские женщины через девять месяцев родят целое поколение русских отпрысков.

В Ростокe посольский обоз задержался на несколько дней, в этом немецком городке мы должны были встретиться с войсками корпуса генерал-майора Аникиты Репнина. Вскоре в этот немецкий город должно было прибыть тридцать девять тысяч русской пехоты и кавалерии, войско следовало пешим порядком вдоль балтийского побережья, а также сорока восемью галерами морем. Эти войска государь Петр Алексеевич собрал для того, чтобы перебросить их в Данию, а оттуда датскими десантными кораблями выбросить их на шведское побережье для перенесения войны на территорию королевства Швеция.

Последнее время моя агентура начала доносить об активизации деятельности так называемых английских дипломатов. Эти дипломаты принялись усиленно распространять поносные и клеветнические слухи о якобы имеющих место намерениях русского царя. Будто бы своими войсками наш государь хотел бы подмять под себя независимые немецкие герцогства и курфюршества, чтобы их насильно присоединить к России. Петр Алексеевич обеими руками отмахивался от этих моих докладных записок и разговоров по этому поводу, он прямо в мое лицо кричал о том, что я распустился, перестал уважать особу своего государя и повсюду разношу неверные слухи. Государь свято верил в якобы братские заверения датского короля Фридриха IV^[68] о том, что Дания верна договорным обязательствам с Россией, что она предоставит любое количество боевых и десантных кораблей для высадки коалиционного десанта на берега Швеции.

Прибытие корпуса Аникиты Репнина в Росток несколько задерживалось, поэтому Петр Алексеевич решил на пару дней заехать в Мекленбург и посмотреть, как там поживают новобрачные. После физического устранения фрондирующих дворян герцог Мекленбург Карл-Леопольд совсем распоясался во все свое свинячье величие. Поприжал крестьян, бюргеров, дворянство, опираясь на штыки русских полков, у него даже свободные ефимки появились. Он совсем перестал замечать бывших друзей и товарищей.

Если перед государем Петром Алексеевичем и государыней Екатериной Алексеевной он более чем лизоблюдничал, каждую минуту поясno кланялся, прикладывался к руке и всячески подчеркивал свое зависимое от России положение, то других сопровождающих государей лиц не замечал. Однажды герцог проплыл рядом со мной с так высоко задранном к небесам носом, что меня-то и не заметил. Я не удержался и подставил ему ногу, о которую он споткнулся и сверзился на пол, в кровь разбив себе локти и лицо. От этого Петр Алексеевич пришел в бешенство и долго бегал по комнате, выясняя, кто это так нашкодил его родственничку. Пробегая рядом со мной, Петр Алексеевич останавливался, всматривался в мои глаза, криво ухмылялся и продолжал свой непонятный бег.

Я хорошо знал о том, что государь Петр Алексеевич по-прежнему оставался невысокого мнения об этом своем родственничке, или Карле,^[69] как он часто любил называть этого свинтуса в образе герцога Мекленбург-Шверинского. Но в результате этого мезальянса Россия получила плацдарм в Европе и на берегу Балтийского моря, постоянную базу для флота и квартирования целого российского корпуса.

Из-за русского соседства в герцогстве Мекленбург Георг I, английский король и

ганноверский курфюрст, совершенно потерял покой и сон, его личная вотчина Ганновер находилась под постоянной угрозой вторжения русских войск.

Будучи королем Англии, Георг I мало или совсем не занимался английскими делами, свое время в основном посвящал плетению интриг и организации злокозней русскому царю Петру Алексеевичу, пытаясь прямыми и непрямыми угрозами, а также действиями своего дипломатического ведомства заставить русских убрать свои войска из Германии. Как мне недавно донесли, тот удар кинжалом в спину мне нанес один из его личных телохранителей, по совместительству наемный убийца при особе английского короля. Того убийцу звали рыцарем Гансом Галвусом, был он дальним родственником герцога Карла-Леопольда, который и рассказал ему о моем существовании. Но мне так было и непонятно, почему английский рыцарь решил посчитаться именно со мной, а не с кем-либо из русских дипломатов, которые в большей степени занимались делами, строя взаимоотношения России с Англией.

Вечером в канун нашего отъезда в Росток герцог Карл-Леопольд расщедрился и на деньги, которые ему Россия регулярно выделяла по договору, дал большой прием в честь российского государя Петра Алексеевича и государыни Екатерины Алексеевны. На этот прием Карл-Леопольд пригласил одних только русских — немецкая жадность любит всему счет и в корне отличается от наплевательского отношения русских к своей жизни — в количестве четырех человек, включая государя и государыню. Третьим приглашенным был Петька Толстой, а четвертым стал Петька Шафиров. После этого решения Карла-Леопольда я по совету Луки Чистихина, любимого шута-карлика Петра Алексеевича, внес Петьку Шафирова в список подозрительных друзей нашего государя.

Через щелочку в пыльных гардинах я наблюдал за тем, как проходил этот грандиозный прием.

Когда все гости собрались в большой гостиной зале, то Карл-Леопольд выстроил их парами и, чеканя прусский шаг, впереди двух двоек торжественно прошел в обеденную залу, где уже стоял накрытый круглый стол с пятью приборами.

Этот немецкий шут гороховый, экономя средства, даже свою молодую супругу на прием не пригласил, что, как было видно по выражению лица государыни Екатерины Алексеевны, ей не совсем понравилось!

Петр Алексеевич же к этому приему Карлы отнесся обыденно и спокойно, по всей очевидности, в тот момент его мысли бродили где-то далеко-далеко, обдумывая новую государственную инновацию или новый проект. Государь был совсем никакой, он не злился и не улыбался, не кривил лицо и не ерничал, даже по сторонам не смотрел, настолько в данный момент был углублен в какую-то свою мысль.

Когда гости заняли места за столом, то за их стульями появились и встали немецкие гренадеры с палашами наголо. Я сначала на палаши не обратил внимания, меня поразили усы этих гренадер. У некоторых они свисали до пояса. Это же сколько лет им потребовалось, чтобы вырастить такие длинные усищи!

Но, несмотря на свою глубокую задумчивость, на эти обнаженные палаши обратил внимание государь Петр Алексеевич, который негромко, но так, что герцог Карл-Леопольд хорошо слышал, пробормотал:

— Я полагаю, что нам будет более приятно поглощать эту замечательную пищу, когда эти усатые молодцы уберут в ножны эти свои длинные ножи и не будут столь напряженно, словно палачи в ожидании своей жертвы, дышать нам в шею.

Эти слова Петр Алексеевич говорил на русском языке, не ожидая перевода Шафирова, вот почему вице-канцлера пригласили на этот великий прием, свинячий герцог что-то пробормотал по-немецки. После получения приказа гренадеры молниеносно убрали палаши в ножны, но так и остались стоять за спинами приглашенных гостей.

Чувствовалось, что, в свое время побегав по пятам за мной, герцог Карл-Леопольд кое-чему научился в деле тайного сыска и охраны знатных особ. Но учеником он оказался плохим, наперед своих шагов он так и не научился просчитывать. Ведь ему было нельзя меня, Алексея Макарова, даже раненого, полностью сбрасывать со счетов, за что и поплатился.

Как только Петр Алексеевич и Екатерина Алексеевна ушли в свои покои немного поспать перед отъездом в Ростов, оба Петьки, нажравшись на дармовщинку рейнвейнского вина, поплыли в соседний трактир, чтобы хорошей водочкой слегка подлакировать питье вина.

В обеденном зале Карл-Леопольд остался один, он даже гренадер отпустил, чтобы, в полном одиночестве и ни с кем не делясь, доесть и допить остававшееся вино и закуски на столе.

Я тихими шагами вышел из-за гардины и осторожно вплотную подкрался к нему сзади. Одной рукой я крепко обхватил его голову, а другой рукой прикрыл ему рот, чтобы он не разорался и не позвал бы слуг или гренадер. У меня были подлые намерения выпытать у друга-герцога, как это у него получилось так, что он с Гансом Галвусом незаметно встречался и почему предал именно меня. Разумеется, все эти вопросы я мог при посредстве мысленного щупа выяснить на расстоянии, ни на шаг не приближаясь к этому скунсу, но я нутром чувствовал что этого немецкого герцога для укрепления дружеских связей с родным отечеством следовало бы немного попугать.

Мой захват не позволял герцогу повернуть головы, вопросы, задаваемые ему на ухо шепотом, не позволяли ему узнать меня по тембру голоса. Одним словом, храбрый герцог Карл-Леопольд всей этой ситуации настолько испугался, что обкакался и описался, правдиво отвечая на все мои вопросы.

Оказывается, этот недотепа, вступив с нами в союз, на полученные по договору деньги приступил к созданию своей собственной мекленбургской армии, мечтая стать королем всей Германии. Для достижения этой цели этот герцог-дурачок прилагал немало усилий, чтобы столкнуть лбами Россию и Британию, организовав вторжение «русских войск» в курфюршество Ганновер.

В принципе, возможность захвата Ганновера и возведение герцога Карла-Леопольда на ганноверский престол пару раз обсуждалась в близком кругу Петра Алексеевича, но даже государь хорошо понимал, что такое недипломатическое действие обязательно Россию приведет к войне с «владычицей морской». А война на два фронта и притом с наисильнейшими европейскими государствами могла бы оказаться губительной для самой России. Поэтому эту идею государь Петр Алексеевич навсегда отложил в сторону.

Несколько раз в разговорах с русским государем герцог Карл-Леопольд поднимал возможность подобного развития политических и военных событий в Европе, но каждый раз ответ получал полное молчание Петра Алексеевича. Убедившись в том, что Россия не пойдет на войну с Ганновером, этот герцог сам вступил в тайный сговор с англичанами и шведами, продавая им секреты и тайны двора государя Петра Алексеевича. Теперь шведы хорошо знали, что русские войска собираются высаживаться на берегах шведской провинции

Шонии, и начали готовиться к тому, чтобы во всеоружии встретить их на своих берегах.

На несколько мгновений я оставался в задумчивости, размышляя о том, можно ли будет в дальнейшем использовать этого немецкого герцога в своих целях.

Неделя в Ростоке оказалась для меня чрезвычайно напряженной, приходилось все время проводить рядом с Петром Алексеевичем, на которого напала рабочая лихорадка. Чуть сделаешь шаг в сторону, как раздавался матерный окрик государя, который требовал, чтобы я немедленно предстал перед его глазами. По-моему, государь никогда еще не писал такого огромного количества личных и государственных писем. Дьяки Ваньки Черкасова работали не покладая рук круглые сутки напролет с раннего утра и до раннего утра, им просто некогда было поспать. Хорошо, что Ванька догадался наших писарей для работы разбить по сменам, пока одна смена отдыхала, другая смена скрипела гусиными перьями, контролируя передвижение гонцов и курьеров. Одним словом, эти старания Ваньки Черкасова позволили мне немного больше времени и внимания уделять своим скрытым делам.

Чуть ли не одновременно из Москвы пришли две секретные цидульки, одна была от князя-кесаря Федора Юрьевича, в которой он сообщил о прибытии в Москву моего гонца. Помимо этого, большая часть этой записки был посвящена его рекомендациям в отношении того, как охладить пыл английских дипломатов, с тем чтобы они особо рьяно не лезли в глубинные дела политической деятельности государя Петра Алексеевича. Вторая записка была от поручика Иоганна Зейдлица, в которой он информировал меня о прибытии в Москву, получении офицерского чина и новой работы по старой специальности.

Прочитав и уничтожив записку Зейдлица, я с горечью подумал о том, что, помимо Ваньки, мне нужен еще хотя бы один помощник по тайным делам. Когда ты один, то у тебя никогда не хватит времени даже на то, чтобы аккуратно продумать все дела и принять по ним соответствующие решения. А кто же эти дела исполнять будет, когда на чтение одних только агентурных сообщений из различных стран светлый день уходит? Да еще государь без меня очень нервничает, не будешь же в его присутствии вести переговоры или принимать агентов для беседы. Жаловаться же государю и говорить ему, что не успеваешь с работой, нельзя: на практике это означает самому себе удавку на шею накидывать.

Еще в предыдущем письме князю-кесарю Ромодановскому я писал об этой моей личной проблеме. Этот умнейший человек правильно понял мою проблему и, недолго думая, ответил:

«Умный командир — это не тот командир, что сам все делает и во все дыры свой нос сует. Умный командир — это тот человек, который ничего не делает, везде успевает, а свою работу на чужие плечи переваливает и строго контролирует ее исполнение».

Целый день из головы не уходил этот совет просвещенного в таких делах боярина, и в конце концов я нашел выход из своего, казалось бы, безвыходного положения. Первым делом я отправился к Ваньке Черкасову и потребовал проект «Устава воинского», который Петр Алексеевич собирался вот-вот утверждать. В параграф устава, в котором говорилось о создании генерал-квартирмейстерской службы, я в обязанности этой службы твердой рукой вписал: «эта служба обязана... производить разведку». Ванька схватился за голову и тихо запричитал, что за такую правку устава ему Петр Алексеевич голову оторвет. Я внимательно

посмотрел в глаза Ивана Антоновича Черкасова и подумал, неужели и этот человек, которого я с таким трудом вытащил из глухой русской провинции и сделал своим заместителем, предаст меня. Но Ванька правильно понял значение этого моего взгляда и, отрицательно замотав головой, повалился передо мной на колени.

Уже вечером Петр Алексеевич при очередной нашей встрече, кивнул головой в сторону кипы бумаг, лежавшей на его столе, и спросил:

— Ты чего себе, Лешка, позволяешь и мараешь бумагу непонятными словесами о какой-то там разведке? Давненько я дубиною не прохаживался по твоей зажавшейся спине?!

Но я был спокоен и тверд, как скала. Глядя государю в его полубезумные глаза, я, четко выговаривая каждое словечко, высказал государю свое мнение о делах разведывательных и о потребности их организации. Петр Алексеевич несколько прошелся по кабинету, склонив голову и на меня не посматривая. Затем остановился и сказал:

— Ну что ж, быть посему! Что еще хочешь в этой связи мне рассказать?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я решил идти до конца, отступать мне было некуда, все равно государь с меня спрашивать будет. Несколькими словами я рассказал государю об «черных кабинетах», [70] которые, подобно грибам в лесу после теплого дождичка, вырастали при каждом европейском монархе. Я только начал рассказывать о том, как этими черными кабинетами производится перлюстрация писем иностранных послов при дворе государя, как заметил, что глаза Петра Алексеевича приобрели специфический блеск. Своим рассказом о перлюстрации я одним только выстрелом поразил центр мишени, государь Петр Алексеевич загорелся этим делом.

Перестав бессмысленно носиться из угла в угол кабинета, он остановился передо мной и, сверху буравя меня своими сейчас уже безумными глазами, скалясь черными зубами, молвил:

— Хорошее дело ты придумал, Алешка. Честь тебе и слава за такую славную мысль, перевести на государственную основу частное предприятие, и это мы обязательно сделаем. Но командовать этим делом будет Тайная канцелярия, которую Петька Толстой сейчас создает. Первое, я строго-настрого запрещаю тебе, Алешка, с этим боярином собачиться и перекупать его заграничных агентов. Второе, постарайся, Алешка, сделать так, чтобы твои агенты случайно не убили бы Толстого, он мне нужен, я прекрасно знаю его характер, хитрость и жадность к деньгам. Но Петька может сделать то, чего ты никогда делать не будешь. Ты по-прежнему будешь продолжать работать с Федором Юрьевичем и под его прикрытием. Краем уха я слышал о том, что вскоре к тебе придет целая команда хороших лазутчиков и соглядатаев, вот ими и занимайся. Но хотел бы напомнить, что я шкуру с тебя живьем спущу, если ты мне Алексея Петровича упустишь. В этом деле тебе Толстой и Ушаков будут подчиняться.

С этими словами Петр Алексеевич резко развернулся, едва не столкнувшись с Сашкой Головиным, который хотел о чем-то спросить государя, но не успел: тот уже скрылся в покоях государыни Екатерины Алексеевны. Я ободряюще улыбнулся Сашке Головину, совсем еще мальчишка, ему жить еще и жить, и то на прием к государю рвется.

Вернувшись на свое рабочее место, я сел за свой письменный стол и глубоко задумался. Государь Петр Алексеевич принял все мои предложения, пора было думать о том, как на практике воплощать задуманные дела. Занимаясь финансовыми вопросами обеспечения двора государя, теперь я мог довольно-таки эффективно контролировать поступление

финансовых средств и для своей службы. Оставалось решить кадровый вопрос, кто же будет мне помогать в организации работы тайной службы. Для этого, по моему мнению, очень подходил Иоганн Зейдлиц, вот только с образованием он несколько подкачал. Было бы хорошо своим помощником иметь человека, который неплохо бы разбирался в вопросах существующих взаимоотношений между европейскими государствами.

Но не одни только боги горшки обжигают, этот немецкий фельдфебель достаточно смекалист, чтобы со временем и в этих вопросах высокой дипломатии разбираться. Со своей немецкой пунктуальностью и исполнительностью, а главное, знанием деталей европейской жизни, Зейдлиц наших русских парней от сохи быстро сумеет на правильный путь наставить. Вся моя команда ни в коем случае не должна баклуши бить при государевом дворе, а должна располагаться на стороне и, не привлекая к себе внимания, вести работу по всей Европе, а Ганновер мог стать неплохим местом ее дислокации.

Чтобы принять окончательное решение по этому вопросу, мне нужно было бы только выяснить следующее обстоятельство: продолжают ли британцы разыскивать некоего немецкого фельдфебеля по делу уничтожения шести английских агентов в Мекленбурге. Было бы глупо выдвигать на такой ответственный пост руководителя агентурной службы человека, за которым ведется охота и которого преследует самая могущественная секретная служба Европы. Малейшая случайность, а случайности имеют отвратительную тенденцию всегда случаться, и тогда наша европейская агентура может оказаться под ударом раскрытия.

Ответ на такой вопрос могли дать только сами англичане, но Лондон находился слишком далеко, и я не смог бы быстро обернуться, поэтому оставалась возможность переговорить с неким Гансом Галвусом. Да, с тем британцем, который по непонятным причинам сунул свой кинжал мне под ребра и который был телохранителем британского короля. К тому же мне очень хотелось познакомиться с этим человеком и вернуть ему свой должок.

В отличие от всех немецких городов, которые посещал посольский обоз, Росток производил наиболее печальное и грустное впечатление, городское хозяйство и торговля находились в относительном упадке. Нет, не в том понимании, что большинство домов в городе было разрушено или его жители ходили в старой или рваной одежде. Росток по-прежнему, оставался красивым немецким городом, его жители носили нормальную одежду, а гавань города посещало огромное количество торговых судов. Просто в городе не было того блеска и биения жизни, которые, скажем, были в Штеттине или в Гамбурге. Своим внешним видом город производил впечатление глубокого провинциала, а его жители были слишком спокойными, но не очень-то уверенными в себе людьми. Тридцатилетняя война [71] и многолетняя шведская оккупация во многом сказались и определили нынешнее состояние Ростка.

Двадцатитысячное население города очень рано отходило ко сну, да и сам город рано затихал, жизнь еще некоторое время продолжала биться в порту и в припортовых увеселительных заведениях.

Сразу после разговора с государем Петром Алексеевичем я переоделся в немецкую одежду и, на время снова став саксонским дипломатом Гансом Лосом, отправился в порт на

поиски приключений. Мне нужно было посетить одну небольшую итальянскую таверну, в которой, по слухам, время от времени появлялся Ганс Галвус. Проходя по малоосвещенным улицам Востока, я не встретил ни одного городского жителя, хотя солнце только-только скрылось за горизонтом. Шел по городской улице в сгущающейся ночной темноте, стараясь ступать осторожно, чтобы не свалиться в канаву с нечистотами, которая пролегла с одной стороны улицы и была весьма глубокой. Но эта улица, по всей очевидности, оказалась центральной и широкой, она была мощена булыжником.

Шпага на перевязи, которую я вынужден был носить, когда становился Гансом Лосом, но которой так и не научился владеть, предпочитая в драке или бою нож или, по крайней мере, кинжал, била меня по левому боку. А каблуки сапог своими металлическими подковками выстукивали звонкое стаккато, далеко разносившееся по улице. Я прошел половину пути до порта, когда вдруг услышал, что к отзвуку моих шагов присоединился еще один отзвук, будто кто-то еще шел вслед за мной. Я прислушался и одновременно выбросил мысленный щуп, чтобы проверить, не преследуют ли меня.

Вскоре я уже знал о том, что меня преследует не один, а семь человек и действуют они весьма профессионально, как настоящие грабители с большой дороги. Два человека следовали за мной сзади, трое зашли вперед и за вторым поворотом улицы устроили засаду, а еще двое грабителей бежали по боковым улицам, отрезая мне уход в сторону. Таким образом, семь городских грабителей, хорошо зная город, действовали нагло и уверенно, загоняя в устроенную ими ловушку. Я хорошо понимал, что не смогу в полной мере сопротивляться этой семерке городских бандитов по знанию расположения улиц, но и особенно не боялся встречи с этими нечестивцами.

На всякий случай я заранее сплел небольшое заклинание на фосфоресцирование, оставалось только вывернуть кисть правой руки, и оно было бы пущено в ход. И стал дожидаться, что же дальше предпримет эта компания негостеприимных городских жителей, чтобы у них поинтересоваться, почему это они так мной заинтересовались.

Честно говоря, я не ожидал, что этот мой простой вопрос, произнесенный на великолепном швабском диалекте, у этих грабителей вызовет всплеск такого непосредственного детского гогота. Ведь своим громким смехом они могли нарушить сладкий сон горожан этой улицы. Так оно и произошло, где-то над нашими головами распахнулось окошко, на улицу была вылита полная бадья фекалий. Мне повезло уже тем, что неизвестный горожанин своими помоями нанес удар по группе людей, а не по одному человеку, видимо, понимая, что его труды не пропадут даром и пострадает эта громкая гогочущая братия.

Озлобленные грязной шуткой горожанина, бандиты решили приступить к активным действиям и начали вытаскивать из-за пазух и из карманов свое бандитское оружие. В основном это были ножи, кинжалы и кастеты. Но в руках у одного из грабителей появилась ржавая сабля, он, по-видимому, не знал, как ее правильно следует держать в руках, а дико саблею размахивал, пугая своих напарников.

Я понял, что еще минута, и эта оголтелая ватага грабителей обязательно навалится на меня, тогда мне придется плохо: оказаться в свалке из семи вооруженных грабителей ни к чему хорошему не приведет. Поэтому я первым сделал свой ход и давно задуманное движение кистью руки — моя шляпа, верхнее платье и видимые места тела приобрели желтую окраску, начали то увеличивать, то понижать свою яркость. Загробным голосом я зловеще заговорил:

— Вы-то, друзья, мне и нужны! Весь вечер голодным брожу по городу...

Последних слов мне можно было бы и не произносить, слушателей к этому времени поблизости не было. Я и подумать не мог, что люди умеют так быстро бегать. Теперь я мог совершенно спокойно продолжать свой путь в нужную мне таверну в порту Ростока. Жестом руки прекратил действие заклинания флуоресцирования и отправился в дальнейший путь.

Пригнув голову, я переступил порог итальянской таверны, которая более походила на обыкновенный немецкий трактир, и замер на пороге, давая время глазам привыкнуть к сумраку помещения. Горело множество свечей, но они давали какое-то приглушенное освещение, не нарушая сумрака, скопившегося в глубине помещения. Таверна, по всей очевидности, была популярным местом, несмотря на позднее для немцев время, в ней было много посетителей, некоторые из которых что-то ели, но большинство сидело компаниями за столами и, приглушенными голосами ведя беседы, поглощало алкогольные напитки.

Все столы в таверне были заняты, только в самом центре зала свободным светился один только столик, словно специально для меня оставленный. Но я не пошел к нему, а направился к прилавку в глубине помещения, за которым метался чудовищно толстый немец в поварском колпаке. Хозяин таверны, а этот толстяк оказался именно хозяином таверны, удивленно смотрел на меня и, не дожидаясь моего приближения, торопливо проинформировал, что свободных мест нет, кроме столика в центре зала. Чем ближе я к нему приходил, тем большим страхом искажалось лицо этого добродушного толстяка, причем он даже схватил в руки большой тесак, явно собираясь им защищаться. На долю секунды мысленным щупом я скользнул в сознание этого немца, толстяк оказался именно немцем, не каким-то там итальянцем Бруно, имя которого было написано на вывеске таверны.

Хозяин таверны страшно боялся.

Он настолько был испуган, что был близок к состоянию аффекта и не мог со мной поговорить нормальным языком. Его страх не имел никакого отношения ко мне, он до смерти был напуган совершенно другим человеком, который с компанией своих прислужников устроился за столом в дальнем углу таверны, оттуда спокойно наблюдая за моим появлением. Я некоторое время продолжал идти по направлению к хозяину таверны, одновременно начав мысленно зачитывать заклинание файерболла. В самую последнюю минуту изменил направление своего движения, на этот раз направляясь к столу человека, так напугавшего хозяина таверны.

Внешне Ганс Галвус — мой мысленный щуп подсказал, что этот человек носил именно это имя — выглядел добропорядочным немецким бургером, у него было широкое и добродушное лицо, намечался солидный животик. Но кираса под верхним платьем, добротная шпага на перевязи, а также четыре его прислужника с военной выправкой говорили о том, что всем им не раз приходилось бывать в странных и опасных ситуациях, что они привыкли, ни на секунду не задумываясь, пользоваться оружием.

По мере моего приближения к столу в углу таверны начали затихать разговоры, внимание посетителей все более и более обращалось на меня. Я тем же размеренным шагом продолжал приближаться к компании Галвуса, мне до его стола оставалось сделать около

десяти шагов. К этому времени заклинание было готово, а я, ощущая растущее напряжение среди посетителей таверны и страшную пустоту за своей спиной — помощника у меня не было, продолжал шагать по таверне.

Подойдя к вражескому столу, я остановился, откинул полу накидки, в которой прятал свое лицо, гордо выпрямился и, глядя в глаза англичанина-вражины, вежливо поинтересовался:

— Ты почто, вражья сила, меня кинжалом под ребра бил?

Этот вопрос был рассчитан на то, что если бы Ганс Галвус был простым воякой, то он должен был бы схватиться за шпагу и со своими прислужниками-приятелями броситься на меня в атаку. Тогда бы я пульнул в него файерболом, и, в зависимости от полученного результата начали бы развиваться дальнейшие события. Возможно, в завязавшейся кутерьме мне бы и удалось живым и здоровым бежать из этой таверны. Но по полностью притихшему залу таверны, даже не оборачиваясь, я мог бы сделать вывод о том, что мне придется драться в одиночку со всеми посетителями таверны.

— Ты чего суетишься, комраден Лос, по приказу короля я хотел убить некоего Макарова из свиты русского царя. Уж слишком он стал любопытен, нашим людям при дворе русского царя не дает спокойно работать, да и нос свой любопытный сует в наши дела английские и ганноверские. Так что извини и считай, что тебе повезло, что тебя не убил тем своим ударом.

В этот момент Ганс Галвус прервал свою подлую речь и начал в меня удивленно вглядываться, а затем спросил:

— Что это такое случилось с твоим лицом? Оно все какое-то желтое, словно ты только что магией пользовался?

В мгновение ока я внутренним зрением осмотрел себя со стороны и увидел довольно-таки стройного мужчину средних лет, не красавца, но и не уroda по внешности, в небрежной позе стоявшего перед столом, за которым сидела настоящая ватага разбойников. Но все дело было не в этих разбойниках, а во мне — мое лицо, руки были ярко-желтого цвета. По всей очевидности, в спешке мне так и не удалось полностью убрать последствия магической шутки с городскими грабителями. К тому же, краем глаза осматривая себя, я успел заметить, что все посетители таверны приготовились к нападению на меня. Таким образом, мне одному предстояло противостоять примерно двадцати наемникам.

Одним словом, в такой ситуации мне оставалось подумать только о том, как бы дороже продать свою жизнь. Но первым делом мне нужно было решить вопрос с Гансом Галвусом, который за эту долю секунды моих размышлений почему-то начал метаморфировать, превращаясь в нечто среднее между орангутаном и питекантропом.

Совершенно напрасно Галвус начал эту метаморфозу, ведь эти древние существа, разумеется, обладали громадной физической силой, но в их черепных коробках было очень мало разума, они еще не успели познакомиться с шаровыми молниями. Когда я файерболом врезал по Гансу, находящемуся в процессе трансформирования, видимо, из-за плохой магической подготовки в секретной службе английской короны, то Галвус почему-то его проглотил, а не отбил и не отклонил в сторону, как бы я поступил в его положении.

В этот момент на меня ринулись четыре его подельника с кинжалами наголо и выпущенными острыми когтями на пальцах рук. Одним словом, монстры преисподней, да и только!

Одновременно с их рывком широко распахнулись двери таверны и в зале один за другим

стали появляться мои неожиданные спасители, матросы галерного флота его величества русского царя. Шесть матросиков вместе со своим старым и опытным боцманом Данилой Ивановичем были практически трезвы, они успели принять только по бутылке любимой анисовки. Матросики стеснительно затоптались при входе, не понимая, почему при их появлении поднялась такая дикая суматоха, ведь они пришли выпить вторую бутылочку анисовки на брата, а не драться.

Но мой дикий выкрик:

— Наших бьют! — сделал свое подлое дело.

Боцман Данила Иванович деловито кивнул головой в ответ и кулаком врезал в рыло ближайшему немцу, который только начинал открывать рот, чтобы крикнуть, что он ни при чем, в этой таверне совершенно случайный посетитель. К этому времени ражих ребятишек из сельской русской глухомани уже выдрессировали во всем следовать своему дядьке-боцману. Они дружно, даже не засучивая рукава голландок, принялись кулаками месить вражью немчуру, которая не дает им спокойно и за их же деньги выпить. По тому, как сосредоточенно и умело они работали кулаками, становилось понятным, что это не первый раз и что это дело парням очень нравится.

Шаровая молния взорвалась уже в животе питекантропа Ганса Галвуса, что позволяло мне его убийство отнести к несчастному случаю, мол, нечего жрать все подряд. Его живот лопнул, и оттуда повалил такой смрадный дым, что душу вывернуло наизнанку. Вся эта изнанка полетела в морды его подельников, а эта мразь преисподней не выдержала столь подлого и неожиданного поступка своего врага, вынужденно затоптавшись на месте. Я даже успел бросить один из своих метательных ножей и одну нечисть поразить в глаз, как оставшаяся тройка вдруг развернулась и бросилась к задней стене таверны.

Я, широко разинув рот, наблюдал за тем, как один за другим собутыльники Ганса Галвуса исчезали в этой стене. Не каждому человеку приходилось наблюдать, как люди превращались в монстров, проходящих сквозь деревянные стены. К тому же я не собирался убивать всех подряд, мне был нужен язык, чтобы узнать о замыслах англичан и ганноверцев в отношении русского государя. Пока я размышлял и наблюдал за бегством нечисти, ничего при этом не предпринимая, рядом с последним монстром-беглецом вдруг словно из-под земли появился молоденький матросик и хорошо поставленным свингом снизу последнюю нечисть отправил в нокдаун.

В наступившей тишине, изредка нарушаемой стонами, хрипом и бранью искалеченных и травмированных посетителей таверны, Данило Иванович своих матросиков усадил за единственно уцелевший стол, так и простоявший непо потревоженным в центре зала, вопросительно направив глаза в мою сторону. Да, русские матросики хорошо поработали, это надо же — вшестером положили на пол двадцать немецких бандюг, не все матросы других флотов это сумеют сделать.

Я повернулся в сторону продолжавшего дрожать, словно желе на десерт, хозяина таверны и на прекрасном швабском диалекте приказал ему напоить и накормить уважаемую компанию кулачных трудяг, а сам направился в сторону оглушенного «языка».

Через два дня перед самым отправлением посольского обоза в Данию, Петр Алексеевич позвал меня к себе и тихо, посасывая свою голландскую курительную трубочку, поинтересовался, не моя ли вина в том, что по Ростоку потянулся длинный шлейф слухов о какой-то битве чародеев. Не получив ответа на свой вопрос — я стоял, вытянувшись и смело глядя в глаза своему государю, для меня лучше было бы промолчать, чем врать ему глаза, —

Рано утром первого июля одна тысяча семьсот шестнадцатого года жители небольшого датского городка Ньюкебинг, расположенного на двух островах Лолланн и Фальстер Балтийского моря, были разбужены появлением небольшой группы людей, которые не говорили и совершенно не понимали датского языка. Они сошли с большой галеры, которая пришвартовалась к городскому пирсу, вскоре после того, как он освободился от рыбацких шхун и баркасов, которые затемно ушли в море. В этой группе особенно выделялся высокий человек, он был почти на голову выше своих спутников.

Первым спрыгнув на берег, этот великан быстрым шагом прошел небольшую городскую набережную и также быстро начал подниматься к центру городка. Вслед за ним, чуть ли не вприпрыжку, бежали несколько сопровождающих его людей. С ранними прохожими великан здоровался простым наклоном головы, а люди, поспешавшие за ним, что-то говорили на непонятном языке. К слову сказать, этот великан не производил особого впечатления, да и одежда его была простой матросской, но он был с господской тростью в руках. На нем был одет шерстяной свитер с деревянными пуговицами, кожаные панталоны, сапоги до середины голени и рваные шерстяные чулки. На плечах был наброшен теплый плащ, но, если судить по внешнему виду этого человека, то он выглядел усталым и сильно озябшим.

Городок оказался совсем небольшим, вскоре группа странных людей дошла до самого центра городка. Один из ее членов на прекрасном немецком языке поинтересовался, где находится дом бургомистра, мальчишка, к которому был обращен вопрос, сумел-таки догадаться, что речь идет о господине Лабуке, бургомистре городка. Он независимо ткнул пальцем в сторону хорошего двухэтажного каменного домика и дальше пошел своей дорогой.

Великан тут же устремился в сторону этого домика, без стука он открыл дверь и прошел в дом. Вслед за ним в дом ввалились все сопровождавшие его люди. Жители городка, еще не успевшие отойти от факта появления незнакомцев в их славном городке, продолжали стоять столбом и наблюдать за тем, как эти незнакомцы хозяйничали в их городе и как беспардонно они вторглись в дом уважаемого бургомистра. Вскоре из дома выскочил с красным лицом и трясущимися от гнева руками господин Лабуке, он все еще оставался в ночной рубашке и с ночным колпаком на голове. Топая волосатыми ножищами, бургомистр гневно кричал о том, что никому, даже королю Дании Фридриху IV, не дозволено будить его среди ночи, чтобы изгонять из его теплой постели.

Жители городка прямо-таки впали в прострацию, они не понимали, что происходит в их городе, кто были те люди, которые без спроса вошли в дом бургомистра, и как вообще можно себя так вести в чужом городе. Жители городка, простые датчане, были до глубины души потрясены происходящими событиями и поведением незнакомцев. Как такое может происходить, чтобы самого владельца дома изгоняли бы из собственного жилища?! Они в жизни этому бы не поверили, если бы не видели собственными глазами, как добропорядочного датчанина, самого бургомистра их города, вышвырнули из его же дома. Но в этот момент появилась госпожа Лабуке, которая еще с девичьего возраста отличалась разумностью мышления и практически всем управляла в городском хозяйстве с того

момента, когда ее муж стал бургомистром. Она подошла к мужу и так громко, чтобы все на площади слышали, на ухо ему прошептала о том, что русский царь устал, морем плавая, и решил немного отдохнуть, поспав в их доме.

Бургомистр Лабуке свой растерянный взор переводил то на жену, сладко ему улыбающуюся, то на море, откуда из утреннего тумана надвигалась великая армада весельных кораблей с незнакомыми вымпелами на мачтах. Наконец-то и до этого датского тугодума дошло, что лучше прикусить язык и держать его за зубами. А на площади собиралось все больше и больше местных жителей, которые шли на раздававшиеся ранее громкие крики бургомистра. Ведь особых развлечений, кроме рыбной ловли и делания детей, в этом городке не было, любую новость провинциальные датчане воспринимали как благою весть.

Только госпожа бургомистерша собралась навести порядок и разогнать любопытных по домам, как из дома выскочил парень непонятного возраста и громко проорал на немецком языке со швабским акцентом:

— Господа датчане, балаган закончен. Развлечений больше не будет, можете расходиться по домам. Государь Петр Алексеевич спать изволит!

Немецкий язык все же был близок к датскому языку, и с пятого на десятое провинциальные датчане разобрали, что именно этот русский хотел им сообщить, они медленно расходились по своим домам, чтобы уже вместе с соседями перетереть последние новости, не так часто русские цари появляются в их городке. Парень обратил внимание на бургомистершу и, поцеловав ее ручку, отчего матрона прямо-таки поплыла, негромко ее попросил:

— Мадам, не были бы вы столь любезны нам помочь. Сделайте так, чтобы никто в этот дом не заходил, а наш государь мог бы хотя бы пару часов спокойно поспать.

Бургомистерша по-военному вытянулась перед русским мужиком, видимо, знатным офицером, и так же по-военному красиво ему козырнула. Затем она подозвала к себе здорового молодого парня и что-то ему приказала на датском языке, тот моментально вытянулся и встал на стражу у входных дверей дома бургомистра. Забытый всеми бургомистр постоял некоторое время на площади, затем, видимо, вспомнив о том, что должным образом не одет, бочком-бочком удалился с площади и вскоре по одной из улиц порысил переодеваться в дом родного брата.

Еще раз внимательно оглядев городскую площадь этого сра...го Ньюкебинга, я подмигнул фрау бургомистерше, приятная, знаете, женщина, есть за что подержаться, и стал ожидать появления Сашки Румянцева.^[72]

В свое время практически одновременно меня с Сашкой приняли ко двору государя, меня сделали придворным секретарем, а его денщиком при государе. Румянцеву долго не удавалось выбиться в люди, но однажды я ему посодействовал и сделал так, чтобы Петр Алексеевич обратил внимание на этого рослого и красивого унтер-офицера лейб-гвардии. Скоро Румянцев вырос до лейб-гвардии поручика, и Петр Алексеевич начал ему особо доверять, по ночам частенько засыпая у него на плече. Со временем Александр Иванович мог бы вырасти и стать соратником нашего государя, но ему так понравилась секретная работа — убивать всяких прихвостней на дуэлях и тайно, что он предпочел тайно, но добросовестно работать со мной.

С Александром Ивановичем встречался Федор Юрьевич Ромодановский, мой непосредственный начальник, он долго разговаривал с Александром Ивановичем о различных вещах, а затем сделал ему великую протекцию. По форме его служения отечеству

он сам лично переговорил с Петром Алексеевичем, сказав государю, что это стоящий человек, которому можно доверять, но оперативно он будет подчиняться Макарову. Петр Алексеевич сделал зверскую рожу и кулаком мне строго пригрозил, будто я перешел ему дорогу. В любом случае с тех пор Александр Иванович Румянцев стал вторым после Сашки Кикина моим другом, но об этом ему я, разумеется, никогда не говорил.

Дождавшись Румянцева, я вместе с ним отправился в единственный городской трактир, чтобы поесть и заодно поговорить о деле, с которым только этот гвардейский красавец мог бы справиться. Надо признаться, что после трех дней солонины и тухлой воды, которыми питался во время плавания на галере, еда в этом трактире мне показалась необыкновенно вкусной, особенно хорошим оказался палтус. От него у меня просто слюнки текли, съел я его немереное количество. Александру Ивановичу же понравилась копченая селедочка, которую он съел целых три штуки, я испугался, наблюдая за тем, как он по-боевому сражался с этой свежайшей рыбкой.

Когда хозяин трактира принес нам по второй кружке пива, то Александр Иванович закурил трубку с голландским табаком, видимо, брал пример с государя, и с любопытством на меня посмотрел. Тогда я принялся ему рассказывать грустную историю царевича Алексея Петровича.

Родился царевич восемнадцатого февраля одна тысяча шестьсот девяностого года в селе Преображенском. Появление на свет сына государь Петр Алексеевич встретил с большой радостью, хотя его отношения с женой, царицей Евдокией Федоровной Лопухиной, к этому времени были уже никакими. Анна Монс прочно заняла место в сердце молодого государя. Воспитанием сына занялись мать и бабушка, царица Наталья Кирилловна, у государя Петра Алексеевича времени на воспитание сына не было. Сначала он был занят созданием потешных войск, а затем увлекся строительством армии и флота, обустройством отечества.

Когда царевичу исполнилось пятнадцать лет, то он вообще остался без опытных наставников. Его окружение составляли бояре и духовные лица, которые были недовольны нововведениями Петра Алексеевича, сетовали на попрание исконных русских порядков. Алексей Петрович ударился в теологию, начал читать богословские книги и приучился к непотребному пьянству, все более и более отдаляясь от отца. Он боялся и ненавидел отца, неохотно выполнял его поручения, особенно военного характера.

В этот момент Александр Иванович прервал мой рассказ и, сделав хороший глоток пива, спросил:

— Ты, Алексей Васильевич, просил меня о встрече, для того чтобы я твой рассказ об Алексее Петровиче слушал. Да мне хорошо ведомо, что Петр Алексеевич своему сыну дал время на то, чтобы он крепко подумал над тем, чем в будущем, когда царем России станет, будет заниматься. Скоро это время истекает. Так в чем суть твоей просьбы, Алексей Васильевич?

Шестого июля одна тысяча семьсот шестнадцатого года русские галеры вошли в гавань датской столицы Копенгагена. Казалось, что все жители этого более чем полумиллионного датского города высыпали на набережные и пришли в порт, чтобы приветствовать прибытие русского государя и его славного войска, приплывшего на сорока двух галерах. Когда наши

галеры входили в порт, с крепостных стен Копенгагена прозвучали три залпа из всех орудий. Государя залпами своих орудий встречали и корабли русской эскадры, которые с мая стояли в порту Копенгагена — «Портсмут» пятидесяти четырех пушек, «Девоншир» пятидесяти двух пушек и «Марльбург» шестидесяти пушек, а также четыре пятидесятидвухпушечных корабля «Уриил», «Селафаил», «Варахаил» и «Ягудиил».

Государь Петр Алексеевич, а сегодня я находился при нем на флагманской галере, всем телом вострепнулся, словно ловчая собака, взявшая след зверя, и прослезился от такой великой почести. Он вытянулся во весь свой немалый рост и отдал честь, коснувшись правой рукой правого виска непокрытой головы, датскому знамени, развевавшемуся над крепостью.

Между нами должен признать, что лечение в Пирмонте не принесло особо положительных плодов и, хотя государь последнее время мало пил, ну максимум две чарки анисовки перед обедом для аппетита, чувствовал он себя не ахти. Спать в Ньюкебинге вернуло ему некоторые силы, однако ж государь Петр Алексеевич по-прежнему ощущал дискомфорт в чреслах, что говорило о приближающейся лихоманке, и, похоже, он зело этого боялся. Простой ночью, когда ему совершенно не спалось, мы беседовали в его шкиперской клетушке. Он мне сказал, чтобы я ему подыскал какого-либо европейского знахаря, чтобы он над ним поколдовал и привел бы в хорошее состояние.

Тем временем флагманская галера под командованием Петра Алексеевича лихо пришвартовалась к пирсу, матросы бросили сходни на причал и первым на берег, разумеется, сбежал наш государь, вслед за ним потянулись Апраксин,^[73] Бутурлин,^[74] Репнин, Толстой, Змаевич,^[75] Головкин и Шафиров, многие другие младшие рангом офицеры. Я же не торопился со сходом на берег, меня датский король не ожидал, а вместе с царским слугой Ванькой Балакиревым,^[76] острым на язычок пареньком, с борта галеры наблюдал за тем, как царская свита слетала со сходень и выстраивалась по ранжиру перед самим датским королем Фридрихом IV. Да, видимо, наш государь Петр Алексеевич является знатной фигурой у датчан, это ж в кои веки датский король соизволил лично в порт прикатить его встречать.

Но я-то хорошо знал о том, что вчера Фридрих IV встречался с английским послом Александром Хьюмом-Кэмпбеллом,^[77] во время встречи британец передал личную просьбу Георга I, короля Великобритании, о том, чтобы он особо не активизировал отношения с этим русским вандалом. Британский посол также подчеркнул, что Великобритания негативно воспринимает все действия европейских государств, направленные на подрыв сложившихся отношений в Северной Европе.

Наш государь и датский король по-братски обнялись, а Петр Алексеевич от избытка чувств даже потянулся губами к Фридриху IV, чтобы того троекратно по-русски облобызать в щеки и уста. Но король датский проявил верткую изворотливость и ушел от братских поцелуев. К тому же он даже не посмотрел в сторону государевой свиты, а широким жестом руки хотел Петра Алексеевича пригласить усаживаться в карету, но тут вспомнил о присутствии на этой торжественной встрече депутации от магистрата Копенгагена.

Но в свою очередь наш государь оказался на высоте, он тоже не заметил этой городской депутации, уж больно высок Петр Алексеевич оказался ростом. С высоко поднятой головой и с тростью в руках, он, словно шквал ветра в штормовом океане, промчался мимо городских чиновников, так и не подав им царственной руки. Но замер на месте, его сердце не выдержало и заставило остановиться перед восхитительным зрелищем батальона датской

армии в новом обмундировании, выстроившегося ровными рядами.

До чего уже это была приятная картина!

Наш государь стоял рядом с Фридрихом IV, причем тот довольно-таки равнодушно, видимо, привык, посматривал на своих гвардейцев, а Петр Алексеевич с замиранием сердца следил за тем, как датские гвардейцы баловались со своими незаряженными ружьями. Мне казалось — к этому моменту я уже пристроился к государю за спиной, — что Петр Алексеевич вот-вот схватит свою трость и вместе с солдатами начнет делать ружейные экзерсисы. Когда экзерсисы закончились, то Петр Алексеевич вытащил из кармана камзола грязнейшую тряпку под названием носовой платок и вытер им пот, струящийся с лба. При виде этого платка Фридриха IV аж шатнуло, он руками ухватился за сердце.

Оба монарха залезли в карету, запряженную в шестнадцать лошадей, которая вслед за конной гвардией последовала в королевский замок. На всем протяжении пути по улицам Копенгагена, по которым двигался королевский кортеж, стояли толпы горожан. Датчане всегда считались спокойным и рассудительным народом, они особо не любили собираться большими толпами и на людях выражать свои чувства или эмоции. Но на этот раз на улицах Копенгагена творилось что-то невероятное, народу собралось столько, что между людьми было невозможно протолкаться. А они свистели, кричали, махали руками при виде проезжающей мимо кареты, в которой были наш государь и датский король.

Причем мне иногда казалось, что датчане славят не своего короля, а нашего государя Петра Алексеевича, этим прославляя великую нацию, которая из пыли и грязи поднималась на ноги, чтобы поравняться с цивилизованным европейским миром. Петр Алексеевич был ошеломлен народным приемом, королевским гостеприимством, когда его провели в комнаты кронпринца и малолетней принцессы, то вел он себя самым неожиданным образом, был чрезвычайно вежлив, стеснителен и не задавал членам семейства датского короля глупых вопросов. Во время ужина Петр Алексеевич правильно пользовался столовыми приборами и не лез за пазуху к куртуазным дамам выяснять, что же они там прячут интересного.

Будучи человеком неприметным, я никогда, если на то не было государева соизволения, не садился за монарший стол, блюд там подают много, а на этих блюдах есть нечего, все по доньшку тарелки размазано. Неоднократно видел, как Петр Алексеевич вместе с Екатериной Алексеевной после таких иностранных приемов, домой возвращаясь, кадку себе моченой репы заказывали, чтобы голод слегка приглушить. Поэтому за стол семейства датского короля Фридриха IV не сел, а Ваньке Балакиреву шепнул, чтобы он заранее чего-нибудь с этого королевского стола увел, а то ночью государь наверняка есть захочет, а есть-то нечего. Водки-то у нас более чем достаточно, а солонину опять вместо закуски жрать государь вряд ли захочет. Ванька, услышав эти мои слова, разоржался от великого удовольствия. Многие этот шестнадцатилетний парень на свете повидал, но другие государства ему обкрадывать еще не приходилось.

В этот-то момент меня заметил Василий Лукич,^[78] наш посланник в Копенгагене, который отказался помогать в моей тайной работе, заявив, что не дело дипломатам руки во всяком секретном дерьме пачкать. Но время от времени мне помогал в кое-каких делах, но особо ему я не доверял. Уж слишком большим сибаритом был этот князь, все его к древности тянуло. Но, к моему великому удивлению, князь Долгоруков явно обрадовался, увидев меня с Балакиревым, он моментально изменил направление своего движения и направился ко мне.

Ванька, настолько настырный парень, хорошо понимая, что у меня с Василием Лукичом должна состояться секретная беседа, никуда не ушел, решил подслушать, гаденьш. Я ему мгновенно мысленным щупом в сознание и залез и отправил на королевскую кухню воровать для государя продукты.

Князь Василий Лукич Долгоруков, приблизившись ко мне, взялся за рукав моего камзола и тихо, виновато произнес, что у него большая проблема. Оказывается, для поселения государя и его свиты он снял в Копенгагене большой особняк. Но Петр Алексеевич при всех его матерно послал с этим особняком и сказал, что хочет стоять в замке герцога Гольдштейн-Готторгского Карла Фридриха. А этот герцог совсем юн годами и не имеет собственного слова. К тому же он на каком-то там киселе брат Фридриху IV. Так этот засранец, король датский, не хочет в тот замок пускать нашего государя и его свиту, утверждая, что это быдло, это наш государь-то, не умеет себя вести в приличном обществе, все рушит и уничтожает.

Я крепко задумался, а затем посмотрел в глазу князю Долгорукову и сказал, чтобы после ужина он вез бы Петра Алексеевича вместе с нами со всеми в замок Карла Фридриха на постоянное проживание.

Сам же вышел в другую залу, принял царский вид и первому же слуге велел срочно ко мне позвать обер-камергера двора Шенфельда. Когда обер-камергер затрепетал перед моими глазами, я эдак через плечо ему небрежно бросил, что изменил свое мнение и этому русскому варвару со своей командой разрешаю остановиться на недельку в замке герцога Гольдштейн-Готторгского Карла Фридриха. Донельзя изумленный моим монаршим повелением обер-камергер Шенвельд, отвечающий за размещение русского царя и его свиты, начал заикаться и на всякий случай переспросил:

— Ваше величество, но вы хорошо понимаете, что семь тысяч русских солдат этот только что отремонтированный замок превратят в руины в малую долю секунды?!

Только тут я вспомнил о том, что последнее время Петька Толстой запугивал государя якобы готовящимся на него покушением, когда он будет стоять в Копенгагене, вот Петр Алексеевич и решил для своей охраны выделить десять батальонов солдат. Именно поэтому ему потребовался замок, в котором могло бы разместиться такое большое количество солдат. Я этого Василия Лукича за дипломатическую недосказанность готов был... четвертовать, мне жалко стало датчан, которым наверняка придется расстаться еще с одной государственной достопримечательностью.

Государь Петр Алексеевич превратился в важную персону, он стал для нас недостижим. Если раньше не успеешь еще проснуться, как тебя к нему зовут, то сейчас с утра до позднего вечера государь отсутствовал. Днем за ним приезжала карета и увозила на очередную ассамблею,^[79] бал или прием в его честь, даваемый каким-либо знатным датским горожанином. В этой же карете Петр Алексеевич возвращался вечером, совершенно трезвый, но с ужасно плохим настроением. Причем это настроение с каждым проходящим днем все ухудшалось и ухудшалось.

Настали ужасные времена для его денщиков, с государем было трудно выдержать и минуту, поэтому они были вынуждены перейти на двухчасовые дежурства, особенно по ночам. Государь не спал сам и не давал спать денщику, обязанностью которого было его баюкать. После такого тяжелого ночного дежурства лейб-гвардии парни, разбитые и ни на что не способные, забегали ко мне, чтобы поделиться ужасом прошедшей ночи. Тогда я им и себе наливал чарку анисовки, после чего разговор принимал более приятные обороты, мы переходили к обсуждению женщин, в данном случае датских женщин, которым очень нравились государевы денщики, и они им ни в чем не могли отказать. Я же им, как умудренный годами и опытом человек, советовал, чтобы они более заботились о восстановлении генофонда родного отечества, а не пахали бы поля других государств.

Через неделю это смутное время закончилось, в Копенгаген прибыла государыня Екатерина Алексеевна со свитой. Оказывается, Петр Алексеевич сильно скучал по супруге поэтому впал в трезвую меланхолию, но по возвращении супруги в лоно семьи он тотчас объявил смертный бой трезвости. Тринадцатого июля он напился до такой привычной степени, что домой его принесли датские солдаты, которые с большим удивлением говорили о том, что ни один старослужащий или опытный по этому делу унтер-офицер за всю свою жизнь не выпьет столько, сколько за прошлый вечер выпил наш государь. Наша жизнь моментально изменилась и покатила по привычной для нас стезе.

Всю прошлую неделю по утрам, когда у государя особенно хорошо соображала голова, или я с ним завтракал, или он, завтракая, давал мне указания на день, одновременно строго спрашивая о выполнении старых дел.

Вот уже более полугода государь Петр Алексеевич путешествовал по заграницам, знакомя европейские страны с нашими достижениями в области государственных реформ, строительства армии и флота. Как только государь покинул отечество, то, как было хорошо видно из переписки государя с доверенными людьми внутри страны, жизнь в отечестве замерла, осуществление реформ приостановилось. В стране особо крупных событий не происходило, государственные приказы большей частью занимались отписками, нежели осуществлением практических дел. Поэтому Петру Алексеевичу, чтобы руководить отечеством, приходилось много внимания уделять этой государственной переписке, интересуясь тем, как идет работа по старым проектам, и давая указания о начале новых.

Всю эту работу я, разумеется, взвалил на плечи своего помощника Ваньки Черкасова, который начал задыхаться от ее такого объема и начал постоянно хныкать о том, что для

такой работы ему нужно больше дьяков-писарей.

Через неделю после воссоединения августейшей семьи настроение Петра Алексеевича снова стало заметно портиться. Хотя он продолжал анисовкой баловаться, перестал меня и других своих людей принимать и с ними разговаривать. Я-то хорошо понимал государя, сам не раз в таких обстоятельствах оказывался, когда тебе все кругом улыбаются, расточают любезности, но ничего не случается. На все твои просьбы — одни только обещания, мол, завтра обязательно сделаем, но проходит завтра и послезавтра, а Фридрих IV никаких судов не собирает, ни военных, ни купеческих.

Из-за чего перевозка солдат корпуса Аникиты Репнина из Ростoka в Данию затопталась на месте. Те тридцать девять тысяч солдат, которых Петр Алексеевич на галерах морем перевез, стоят лагерем под Копенгагеном, к ним еще шестнадцать тысяч конницы своим ходом подошло, вот и вся наша сила. Фридрих IV со своей стороны мало что предпринимал для реализации своих обещаний всячески способствовать организации десанта коалиционных войск в Сканию, провинцию Швеции. Но в последнее время принял за моду всякими дипломатическими словесами государя попрекать, мол, русские солдаты не умеют себя вести в хорошем обществе, а постоянно дерутся и к датским девицам со всяким непотребством пристают.

А о военных судах датский король вскорости разговаривать совсем перестал и по этому вопросу стал избегать встреч с государем Петром Алексеевичем. Поэтому государь потерял всякий интерес ко встречам и приемам с датчанами, о чем с ними разговаривать, если они ничего не знают, да и выпить толком не умеют. Вот пришлось Петру Алексеевичу с Екатериной Алексеевной самим развлекаться. Один раз они так напились, что решили на Швецию посмотреть, она с Круглой башни, в которой размещались аптека, университет и что-то еще, в погожие дни была хорошо видна.

Я лично при этом осмотре берегов Швеции не присутствовал, там Петька Толстой командовал, уж очень он любил себя повсюду выпячивать и знатоком показать. Так этот гад-маразматик августейшей чете, которая слегка подшофе была, Екатерина Алексеевна, когда этого хотела, то от венценосного супруга по выпивке не отставала, об этом и рассказал. Разумеется, государю тотчас захотелось на эти вражьи берега посмотреть, вот он подъехал к этой башне, а ее высота тридцать шесть метров, взглянул на башню и решил, что высокогато по лесенке на ее вершину подниматься, и хотел осмотр перенести на другой случай.

Так этот старик дипломат и маразматик снова блеснул своими познаниями и эдак на ушко шепнул Петру Алексеевичу, что внутри башни пандус имеется. Пьяному и море по колено, но наш государь полностью пьяным никогда не бывал, а подвыпивши даже лучше соображал, вот он и решил на шведские берега с седла скакуна полюбоваться. Ему тут же привели верхового жеребчика, он на нем, двести метров по пандусу проскакав, на смотровой площадке башни оказался. Долго он всматривался в шведские берега, которые в тот день были особенно хорошо видны, и, видимо, решил поближе на них посмотреть. В этот момент государыня Екатерина Алексеевна, устав ждать супруга, к нему на смотровую площадку на карете въехала.

Пару раз я поинтересовался у Петра Андреевича, а как они карету вниз спускали, но он на меня только злобно смотрел и ни единым словом не огрызнулся.

Я сидел за столом и трудолюбиво, словно пчелка, скрипел гусиным пером, строча очередной донос Ушакову на некоего губернатора, который второй год недоимку по государственным налогам имеет. Пусть государев кат этим губернатором занимается и в том, что он натворил, разбирается, а то у меня совсем времени не было это дело расследовать. В этот момент мимо стола проходил Петр Алексеевич, стараясь утренний перегар перебить ароматом голландского табака, который я ему теперь регулярно и бесплатно поставляю.

Краем глаза заметив мое присутствие, Петр Алексеевич удовлетворенно хмыкнул и, приостановившись, сказал:

— Ты это, Алешка, не смотри на меня с такой укоризной. Знаю, что наши дела остановились, но принять и поговорить с тобой пока не могу, зело занят дипломатическими переговорами. Вопросы государственной важности решаются. Вот-вот в Копенгагене должны наша эскадра, голландская и английская эскадры объявиться и тогда шведов на этих кораблях воевать отправимся. Так что жди, вскорости обязательно позову.

Я поднялся на ноги и стоя выслушал слова государя. Когда он закончил говорить, то я решил не тянуть резину и ожидать, когда он примет меня в кабинете. А подошел к государю и, приподнявшись на цыпочки, на ухо тихо-тихо ему рассказал о замыслах британского правительства и о событиях, которые должны были произойти в ближайшее время. Надо признать, что Петр Алексеевич был мужественным человеком и умел принимать удары судьбы. Он только сильно побледнел и крепко сжал ладони в кулаки, посмотрел мне в глаза и сказал:

— Ну что ж, Алешка, может быть, ты и прав, но если будущее покажет, что сию минуту ты мне врал, то Андрюшка Ушаков лично тобою займется. Он давненько меня об этом просил.

С этими словами Петр Алексеевич так резко развернулся на каблуках, что очередная паркетина из пола выскочила, и скрылся в покоях Екатерины Алексеевны искать успокоения.

Вскоре туда пробежал глава Адмиралтейского приказа Федька Апраксин. Через минуту он, красный лицом, выскочил из покоев государыни и, пробегая мимо моего стола, орал на одного из своих мичманов. Генерал-адмирал^[80] на ходу требовал от того, чтобы тот рысью летел в порт, нашел бы капитана шнявы^[81] «Принцесса» и приказал бы тому готовиться к срочному выходу в море. Федька Апраксин пролетел мимо моего стола, даже меня не заметив. Этот выходец из древнего татарского рода ко мне всегда относился свысока, посматривал на меня как на гольтьбу и босяка, пристроившегося на тепленьком местечке под крылышком у государя.

Но я тоже уже не обращал внимания на генерал-адмирала Апраксина и его команду мичманов, которые, словно табун необъезженных лошадок, один за другим проскакивали мимо открытых дверей моего кабинета. В тот момент я увлеченно вчитывался в коротенькое письмецо, пришедшее от князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского, в котором он коротко проинформировал меня о том, что завершено обучение убойной команды, которая уже отбыла в мое распоряжение. Настало время моей полной независимости в решении некоторых вопросов весьма сомнительного характера.

Утром двадцать второго июля нетерпеливый Петр Алексеевич решил сам обследовать шведские берега. Шнява «Принцесса», на борту которой находился государь, слишком близко подошла к береговым батареям шведов, была обстреляна вражеской береговой

батареей, получила ядром в обшивку борта, а следовавшая за ней шнява «Лизетта» получила еще большие повреждения. Когда обе шнявы вернулись в Копенгаген, то их приветствовал весь приписной состав русской эскадры и галерного флота России. Матросы со сванов и рей диким ревом и криками «ура» приветствовали своего царя, возвращавшегося из боя со шведами. Бастионы датской крепости хранили молчание.

Меня государь Петр Алексеевич с собой в эту первую разведку шведских берегов не взял, потому что всегда на меня посматривал как на глубоко штатское лицо, к оружию совершенно непривычное, и чиновника его придворного аппарата. Но подтвердились разведданные, которые я ему сообщил. После возвращения от шведских берегов впервые я увидел Петра Алексеевича задумчивым и даже несколько нерешительным человеком. Побывав на шняве «Принцесса» у берегов шведской провинции Скания, государь лично убедился в том, что его «братец Карл» зря времени не терял. Шведские берега оказались сильно укрепленными, а боеспособность шведской армии была полностью восстановлена. Особенно хорошо был укреплен берег шведской провинции Скания, словно шведы заранее знали о том, что десант коалиционных войск будет производиться именно на берег этой шведской провинции.

Государь особо много по этому поводу не бранился в адрес датских друзей. Вызвав меня к себе, он потребовал, чтобы в самый кратчайший срок я узнал об истинных намерениях наших союзников — собираются ли они или не собираются воевать со Швецией.

Некоторое время я посидел за своим рабочим столом с гусиным пером в руках, размышляя над тем, с чего бы начать свой розыск, решая поставленную передо мной государем задачу. Говорить с датчанами — бесполезное дело, они и сами не знают, что с ними через минуту будет происходить. Не зря же прусский король Фридрих Вильгельм I о них говорил, что они марионетки в руках англичан. Карл-Леопольд об этом наверняка ничего не знает, слишком малая сошка для дела подобного масштаба. Говорить с англичанами, но до их Лондона далековато, за короткий срок обернуться туда и обратно не успею.

Оставался Ганновер, где русских не очень-то любили последнее время, но этот город поддерживал прямую связь с Лондоном и всегда действовал по указке своего бывшего курфюрста, а ныне английского короля Георга Первого.

Появился Петька Шафиров и, увидев меня в глубокой задумчивости, тут же полез ко мне выяснять причину этой моей задумчивости.

Уж очень любопытным был этот мужик!

Пришлось несколько грубовато его послать в лес сходить за грибами, чему Петька немало удивился, откуда, мол, в такую пору какие-либо грибы могут быть в датском лесу. Мне было совершенно некогда вести долгую беседу с Петькой, даже о грибах в летнем лесу, поэтому я собрал свои вещи и решил отправиться в ближайший датский трактир, где под пиво и думается легче. А Шафирову, видимо, делать было совершенно нечего, так он, чертяка, за мной увязался.

Вскоре мы с ним вместе входили в трактир и только сели за стол, как слуга тут же принес нам по кружке пива, мне темного немецкого портера, а Петьке — светлого. Знать, Шафиров, как и я, был постоянным клиентом этого датского заведения, его любимые напитки и привычки здесь уже успели хорошо изучить. Потихоньку мы с Петькой разговорились. Оказывается, и у него на душе лежал большой камень, мол, государь забыл его и уже давно не звал к себе на переговоры. Я, как мог, объяснял ему занятость государя

переговорами с датчанами и, успокаивая своего будущего друга, ему говорил, подожди, мол, и к тебе вернется государева любовь и ласка. После пятой кружки пива мы с Петькой подружились и крепко полюбили друг друга, решив навечно стать друзьями. Для укрепления дружбы попросили принести нам по чарке анисовки, чтобы выпить на брудершафт, но такой в датском трактире не оказалось. Взамен принесли дерьмового немецкого шнапса, которым мы скрепили наши дружеские узы.

Уже расставаясь, Петька Шафиров каким-то чудом, он в тот момент языка не вязал, сумел произнести слова, из которых я понял, что его родственники в княжестве Ганновер были близки тамошнему главному министру Эшбауму. Я тут же ухватился за эти его слова и заставил Петьку пару слов черкнуть своим родственникам в отношении того, что предьявитель сего письма является его лучшим другом и доверенным лицом. Даже будучи глубоко пьяным человеком, Петька Шафиров сильно удивился таким словам, но к этому времени совершенно потерял силу воли, из-за чего впоследствии сильно пострадает,^[82] написал и подписал требуемое письмецо.

3

Столица герцогства Ганновер, город с одноименным названием, насчитывала городских жителей чуть более десяти тысяч человек и была расположена на пересечении двух небольших речушек Ляйн и Везер. Как и все немецкие города того времени, Ганновер имел радиальную планировку, все городские улицы сводились в одну точку, к рыночной площади, где проводились базары и ярмарки. На этой же площади высился и замок курфюрста герцогства.

Город быстро рос и развивался, к этому времени ему стало совсем тесно в окружении городских стен, и его городские кварталы давно уже вышли за пределы крепостной стены. Эта стена потеряла свое военное значение, кое-где она была даже снесена, ее пересекли новые городские улицы, по обеим сторонам которых выстроились аккуратные бюргерские дома.

По мере моего продвижения к центру Ганновера дома становились более ухоженными и богатыми, а улицы по-прежнему оставались прибранными, сухими и проезжими. Городской магистрат внимательно следил за тем, чтобы ненужный хлам горожан, дорожная грязь и нечистоты регулярно сбрасывались в небольшие каналы, прорытые вдоль улиц, которые стекали в реки Ляйн и Везер. Из этих сточных каналов сильно пахло, но дышать, даже не прикрывая платком носа, было еще можно.

На жеребчике я доскакал до городской набережной Ам Хоэн Уфер и попытался разыскать дом родственников Шафирова. Петька, когда мы расставались в трактире, назвал их адрес, но я тогда, ни одного произнесенного им слова не разобрал. По необъяснимой причине меня почему-то сильно влекло к одному трехэтажному особняку, который даже в этом богатом районе Ганновера выделялся своим изысканным фасадом, ухоженным парком и аллеями, посыпанными красным песочком.

Я снова был саксонским дипломатом Гансом Лосом. Но мне очень не хотелось обращать на себя внимание ганноверцев. Поэтому я не рискнул постучать в дверь одного из домов этой набережной, чтобы поинтересоваться в отношении того, где проживает родственник Петьки Шафирова. К тому же мне очень хотелось поэкспериментировать

своими уникальными способностями, которые время от времени во мне проявлялись. Совсем недавно я узнал, что могу «слышать» то, что происходит за закрытыми дверями или стенами домов.

Эта способность родилась во мне из-за того, что мне постоянно приходилось напрягать свой слуховой аппарат, чтобы услышать, о чем Петр Алексеевич шепчется с Александром Даниловичем или другими своими соратниками.

Я подкакал к одному из домов и «прислушался» к тому, что происходило у него внутри. Там ничего интересного не происходило, хозяйка ушла на базар, а хозяин уговаривал молоденькую служанку на пару минут любви. Эта любовная история меня не интересовала, поэтому на жеребчике я проехал к следующему немецкому дому. В этом же доме все было до отвратительности тихо, ни слова, ни мысли там не было слышно.

Я уже собрался скакать к следующему дому, как в голове послышался дребезжащий старческий смешок и послышалось:

— Ну что, паренек, так и будешь передвигаться от одного немецкого дома к другому и подслушивать, чем немцы в это время занимаются?

От такой неожиданности я пошатнулся в седле и чуть не свалился с лошади. Никак не мог сообразить, кто это со мной разговаривает и где находится этот старичок.

— Да ты, парень, оказывается, лопух лопухом и совершенно не соображаешь, что своим мысленным воплем-запросом поднял на ноги всю магическую округу. Я не хочу знать, как тебя зовут и кто ты такой, мы с тобой даже не встретимся, но будь осторожен, прибегая к своим магическим штучкам. Не спеши их применять, пока не поймешь, что это такое и как этим можно правильно пользоваться. А то накличешь беду на свою голову и знать об этом не будешь. Для твоей информации, посланная мысль не знает границ и может быть при определенных условиях и обстоятельствах услышана и в другой галактике. Да... А ты, оказывается, еще не знаешь, что это такое «галактика»? Да, зря я ответил на твой зов, тебе еще рановато общаться с подобными тебе существами. Прекращаю контакт, а напоследок — родственники Петра Павловича Шафирова носят фамилию Эшбаум и проживают в том особняке, который тебе так понравился.

Моя голова стала совсем пустой, как и была до этого, голос-наваждение бесследно исчез, но информация о контакте с ним осталась в моем подсознании. Я трижды перекрестился и раз десять плевался через левое плечо, но Бог не спешил на помощь и не избавлял меня от этих проклятых мыслей-воспоминаний о «голосе». К тому же с моей головой что-то начало странное происходить. В глазах погас белый свет, появлялось изображение ржаного поля, причем это повторилось несколько раз, затем голова снова начала правильно соображать.

Я встрепенулся, словно собака после купания в реке, одновременно размышляя о том, а почему бы мне не проверить ту информацию о родственниках Петьки Шафирова, которую мне только что сообщил голос.

Привратник особняка даже не приоткрыл глазка калитки и проорал мне через забор, что господин главный министр сегодня никого не принимает. У него сильная мигрень, поэтому он изволит сильно болеть и страдать по этому поводу.

— Ты, морда свинячья, — прокричал я на отличном швабском диалекте немецкого языка, — передай своему господину главному министру, что известный лекарь фон Герц мимо проезжал. Услышав о головной болезни такого большого и важного господина, он хочет предложить свои услуги по излечению его от головной мигрени.

Через пять минут я находился в спальне ганноверского министра Эшбаума и делал вид, что готовлюсь к его излечению. Тщательно в тазике с кипятком вымыл руки, вытирая их чистейшим немецким полотенцем. Затем взял в руки здоровую иглу и начал ею осторожно тыкать в районе правого виска Эшбаума. А тот лежал на кровати и протяжно стонал. Головная боль была невыносимой, главный министр герцогства Ганновер в данную минуту думал только об одном, об избавлении от этой дикой головной боли. В течение двух минут я беспрепятственно ползал по различным уголкам его сознания, пытаюсь разобраться и найти концы в хитросплетениях ганноверской внешней политики. Сначала у меня ничего не получалось, в голове министра было много такой информации, что в отдельных случаях я не мог в ней совершенно разобраться.

Но когда дошел до слоя памяти, посвященного нашему государю Петру Алексеевичу, то все мгновенно выстроилось в определенный логический ряд и политический порядок.

Бывший курфюрст Ганновера, а ныне английский король Георг I, даже находясь на английском престоле, думал только о своем курфюршестве, а в государе Петре Алексеевиче и в присутствии русских войск в Мекленбурге видел угрозу существованию этой своей родовой вотчины. Кто-то постоянно вливал в его сознание страхи и опасения в отношении русских варваров, которые только и думают о том, чтобы огнем и мечом захватить его курфюршество и поработить всю Германию.

А дальше мои поиски пошли по накатанному пути, возникли причинно-следственные связи и связки.

Из-за якобы русского дамоклова меча, зависшего и раскачивающегося над Ганновером, в герцогстве возникли, углублялись и крепили антирусские настроения. Ганноверцы и их бывший курфюрст теперь только и мечтали о том, когда русские войска покинут Германию, предпринимая немалые политические, военные и тайные усилия в этом направлении. Британский король Георг I лично приказал английскому адмиралу Норрису любой ценой, даже силой оружия, воспрепятствовать высадке русских и датских войск на шведском побережье. А в случае неповиновения со стороны русских напасть и разбить их войско под Копенгагеном.

Что касается главного министра Эшбаума, то головная боль у него прекратилась, как только я покинул его дом. Он даже не помнил о моем появлении и лечении.

А письмоцо нашего вице-канцлера Петьки Шафирова я сохранил-таки у себя на всякий случай, а вдруг пригодится.

Жеребчик быстро вынес меня за пределы Ганновера, городская стража, мимо которой мы быстро прошмыгнули, нас не успела заметить. Да и как кого-либо можно увидеть, если ганноверские гренадеры спали на своем посту. Я постарался сделать так, что их сон был вкусным и сладким.

В чистом поле возникло серебряное мерцание, и мой жеребчик безбоязненно проскакал сквозь это марево, и, оказавшись в пригороде Копенгагена, мы с ним понеслись к дому брата датского короля, где его ждала чистая конюшня с овсом, а меня государь Петр Алексеевич.

Четыре больших эскадры выстроились рядом на копенгагенском рейде.

Это была не просто объединенная эскадра, составленная из русских, датских,

английских и голландских кораблей, а настоящий великий флот, в котором было девятнадцать английских линейных кораблей, шесть голландских, двадцать три датских и двадцать один русский линейный корабль. Но и в этой великой кампании, восемьдесят три вымпела общим счетом, не было согласия до самого последнего момента: датский адмирал Гелденлеве не желал подчиняться англичанину Норрису, а голландский адмирал Граве не желал подчиняться ни Гелденлеве, ни Норрису. Тогда специальным рескриптом Фридриха IV наш государь Петр Алексеевич был избран первым флагманом — верховным командиром объединенного флота.

Государь Петр Алексеевич в тот момент, когда появился в копенгагенском порту и увидел на рейде многие ряды одних только линейных кораблей, молча повернулся ко мне и со всего размаха кулаком въехал мне в правое ухо, а затем сапогом удачно попал под самый копчик, мрачно крикнув:

— Если бы ты, Леха, не был бы мне очень нужен, то я тебя давно бы тараканам и клопам в остроге скормил. Поди прочь, крыса канцелярская, чтоб я тебя больше не видел.

Поднимаясь на ноги и отряхивая кафтан от налипшей грязи, я исподлобья наблюдал за тем, как государь Петр Алексеевич удалялся к баркасу, который ожидал его у причала, чтобы государя доставить на «Ингерманландию»,^[83] флагманский корабль объединенного флота. Я понимал, что наступал звездный час Петра Алексеевича, который двадцать лет назад мальчишкой на датском ботике под парусом плавал по Яузе, а сегодня он вступал в командование объединенным европейским флотом. Своей энергией и увлеченностью, а главное — значимостью своего государства государю удалось против шведов и их короля Карла XII поднять основные государства Европы. Оставалось за малым — посадить на корабли десант и двигаться к берегам Швеции. Федька Апраксин со своими галерами уже стоял у острова Аланд, в любую секунду готовый идти приступом на шведов, а Борис Петрович Шереметев с войсками ожидал датские десантные суда в Мекленбурге, чтобы тоже идти на Швецию.

Одним словом, в то время все было готово для того, чтобы объединенными усилиями сокрушить и покончить с Карлом XII и его королевством. Двадцать линейных кораблей шведского флота, прячущиеся в Карлскруне, военно-морской базе, не смогли бы оказать даже малейшего сопротивления европейскому флоту. Мои прогнозы несколько противоречили тому, что происходила на глазах государя, вот он и поступил со мной так, как частенько поступал со своими любимцами — фавор... опала... фавор.

Мне пришлось довольно-таки долго ожидать другой okazji, чтобы попасть на борт флагманского корабля «Ингерманландия», ведь в баркас Петра Алексеевича, видя, как государь лихо поступил со мной, матросы меня не пустили: мол, нечего государевы глаза своим непотребным видом мозолить.

Когда на причале появился Гаврила Головкин и матросы стали аккуратно на своих руках нашего зануду канцлера переносить в другой баркас, чтобы плыть на «Ингерманландию», то я, не испрашивая у канцлера разрешения, с причала спрыгнул в тот баркас. На флагманском корабле меня встретили неласково и каюту отвели в самом низу, почти в трюме. В каюте было сыро, и мне всегда казалось, что где-то протекает вода. Одним словом, мне было страшновато время проводить в такой каюте, которая освещалась тонкой и одной-единственной свечой.

Но Бог терпел и нам велел, поэтому я набрался храбрости и решил отсыпаться впрок.

Представляете, как удивлен был Петр Андреевич Толстой, который под предлогом того,

что принес мне еду, пришел полюбоваться моим злостью и страданиями, а увидел меня спокойно спящим в койке. Поблагодарив за еду, я тут же повернулся спиной к Петру Андреевичу и нарочито громко захрапел. Вину за собой перед государем я не чувствовал, на душе у меня было ясно и спокойно, поэтому спал крепко.

Петька Толстой больше не приходил, этот подлец снова потерял ко мне интерес, но еду мне стал носить матросик вестовой, молодой и симпатичный парнишка из Брянска, взятый из семьи богатого крестьянина по рекрутскому набору. Тишка, так звали этого салагу, не просто носил еду, а старался всячески меня хорошо обустроить, он регулярно менял белье в моей постели.

Одним словом, я приобрел друга и слугу, к присутствию которого начал постепенно привыкать.

Иногда мне казалось, что за время пребывания в этой каюте я потерял счет дням и ночам, не знал, какое время суток на дворе.

Однажды глубокой ночью я проснулся от тяжелого взгляда и знакомого запаха перегара от анисовки. Открыл глаза и при слабом свете увидел какого-то верзилу, стоящего в дверях каюты и меня внимательно рассматривающего. Присмотревшись, понял, что меня пришел навестить сам государь Петр Алексеевич, но я притворился, что мой сон глубок, и не стал подниматься на ноги. Когда открыл глаза во второй раз, то в дверях уже никого не было, только дверь то открывалась, то закрывалась. Мне стало очень страшно и захотелось завывать волком на свою судьбину. Но в этот момент появился Тишка, я тихо у него спросил, не встречал ли он кого-либо на трапе по дороге в каюту, а главное — все ли парни в сборе и готовы?!

Тиша стеснительно ответил, что по дороге ему никто не встретился, а парни стоят за дверью и ждут моего указания.

Когда пятеро парней в простой матросской робе вошли в мою каюту, то в ней уже нельзя было даже повернуться. Все эти матросы были по-крестьянски сильными, кряжистыми и дюжими парнями. Как только матросы переступили порог каюты, то я уже общался с ними на ментальном уровне. Мне было гораздо проще и легче разговаривать со всеми пятью парнями одновременно, в их сознании закрепляя знания о том, как все они должны будут действовать при захвате боевых пловцов британского флота. Что и как эти матросы должны были делать, выполняя боевое задание.

Во время своего посещения Ганновера, излечивая министра Эшбаума от головной боли, я узнал о том, что британская секретная служба подготовила диверсию, покушение на нашего государя. Во время плавания объединенного европейского флота эта группа британских пловцов, располагавшаяся на борту флагманского корабля «Камберленд» английской эскадры адмирала сэра Джона Норриса, о чем адмирал даже не догадывался, должна была проникнуть на русский флагманский корабль и напасть на Петра Алексеевича. Группа состояла всего из трех человек, но ее члены отлично и бесшумно плавали, могли продолжительное время проводить под водой, превосходно владели холодным оружием.

Сегодня под утро эта группа должна была предпринять эту свою попытку, поэтому я решил подготовить группу захвата из сильных или более или менее сообразительных матросов нашего флагманского корабля. Но мысленно общаясь с этими парнями, я убедился в том, что они не совсем понимают, что с ними происходит и что они должны делать. Эти парни поверить не могли, что на их государя кто-то может напасть! Поэтому я на ходу решил поменять свои планы и, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, не захватывать

британцев, а не подпускать их близко к Петру Алексеевичу, выставив внешние посты вокруг каюты, где государь сегодня должен был ночевать. К тому же свою боевую силу я мог вооружить одними только плохонькими ножами, ведь матросы на парусных судах в большинстве своем оружия не имели.

Эту ночь вице-адмирал Петр Алексеевич проводил в компании своего денщика Ивана Орлова. День у него выдался трудным, осуществлять маневры таким флотом стоило многих нервов и сил. Силы Петр Алексеевич по морскому обычаю восстанавливал чаркой анисовки, а вот с нервами день ото дня становилось все хуже и хуже. Четыре адмирала находились у него под командованием, каждый адмирал имел собственное мнение по любому вопросу или по тому, как выполнять тот или иной маневр флотом. Если первое время они охотно слушали приказы русского монарха, верховного командующего флотом, то со временем все чаще и чаще предлагали собственное решение, куда флоту идти и чем ему там заниматься. Одним словом, лебедь, рак и щука никогда не могли прийти к единому решению.

Государь, не мудрствуя лукаво, прибегнул к своему испытанному методу решения этой проблемы — каждый вечер он начал в кают-компании «Ингерманландии» проводить совещание для выработки согласованного решения действий флота на следующий день. Вначале совещания вестовые подавали аперитив для аппетита перед ужином, который по неизвестной причине почему-то состоял только из любимой государем анисовки. Тогда иноземные адмиралы немного размякали: они ж не привыкли еще полными полулитровыми чарками пить анисовку на голодный желудок. Затем подавали легкую закуску в виде рыбки и икорки, но опять-таки с анисовкой. После второй чарки адмиралы совсем добрались и начинали путаться, ошибочно называя друг друга чужими именами. После третьей чарки они совсем забывали, зачем сюда собрались, и поддерживали любое решение нашего Петра Алексеевича.

Правда, вы только себе представьте, насколько непостоянны эти иноземцы: эти адмиралы полдня оспаривали свое же собственное решение, требуя в это решение внести исключение или новый поворот старого решения. Таким безобразным способом объединенный флот метался между датскими и шведскими берегами. Прошла целая неделя такого плавания, но еще ни разу эта грозная армада и на пушечный выстрел не приблизилась к шведским берегам.

Поэтому Петр Алексеевич, нежно обнимая этого Ваньку Орлова, сумел-таки перебороти свои нервишки и заснуть в адмиральской каюте, расположенной на второй палубе флагманского корабля «Ингерманландия», рядом с каютой капитан-командора Мартина Гесслера и кают-компанией. Разумеется, у дверей этих кают не было никаких часовых, и они специально не охранялись, в принципе, любой человек, одетый в матросскую робу, мог беспрепятственно к ним пройти и даже поинтересоваться тем, что в них происходит, туда заглянуть. После так называемого адмиральского ужина кают-компания была приведена в порядок, и вестовые отправились по своим кубрикам отдыхать.

На всякий случай, чтобы из-за моего исчезновения не поднялась бы тревога, Тиша остался в моей каюте, а я с пятерыми парнями поднялся на вторую палубу корабля, и мы тихо прошли к адмиральской и капитанской каюте. Двоих парней прямо-таки под звуки

корабельной рынды я поставил у дверей обеих кают и строго-настрого им внушил, что ни одного человека они не должны пропускать ни к Петру Алексеевичу, ни к Мартину Гесслеру. После этого с оставшимися двумя матросами я проследовал к трапам, ведущим с верхней, третьей, палубы и с нижней, первой, по которой мы только что поднялись.

Всего пара фонарей освещали этот короткий, в десяток метров, проход от кают до трапов, но от их освещения было совсем мало толку. Поэтому я решил идти до конца во имя спасения своего государя, троим матросам и себе подключил магическое зрение. Теперь мы прекрасно видели в полной темноте, но наши глаза начали светиться зеленым цветом.

Снова слышались звуки рынды, что означало на нормальном языке: прошло тридцать минут с момента нашего появления в этом проходе. До рассвета оставалось каких-то полтора-два часа. Я прислушался, но кроме деревянного поскрипывания ничего не услышал. Правда, легкие моих помощничков работали, подобно мехам в горниле кузницы, ребята были молодыми и дышали с большим удовольствием и с большим шумом. Это шумное дыхание даже на фоне поскрипывания шпангоутов разносилось далеко по проходу и трапам, поэтому я слегка подрегулировал их вдохи и выдохи, чтобы несколько снизить звуковое сопровождение.

Склянки пробили очередные полчаса, остался какой-то час ожидания, и я позволил себе вольность — сладко и затяжно зевнул. Знаете, это так приятно, широко открыть рот, приложить к нему ладошку и, прикрыв глаза, отдаться глубокому выдоху.

Когда я снова открыл глаза, то увидел какое-то красное пятно на груди одного из своих матросов, он медленно, запрокинув голову назад, валился на палубу. До меня сразу не дошло, что я наблюдаю за тем, как умирает, отдав свою жизнь за царя, один из моих добровольных стражников-охранителей. Только мелькнувшая человеческая тень в свете пламени последнего корабельного фонаря в этом переходе подсказала мне, что я прозевал начало нападения.

Британские убийцы были уже здесь, но я их не видел, а они нас прекрасно видели. Ведь я, дурак, не додумался о том, чтобы своих парней сделать невидимыми, а секретная служба британской короны хорошо продумала план покушения, сделав своих ныряльщиков невидимками. Одним словом, я крепко сел в лужу, подставив под кинжалы профессиональных убийц простых и необученных русских парней. Эти мои грустные мысли были внезапно прерваны дичайшим вскриком, один из британцев, увидев зеленые и святающиеся глаза, заорал от охватившего его ужаса:

— Peter, these are not people, they are the real scum. They all have glowing eyes. Let's get out of here as soon as possible. [\[84\]](#)

Видимо, этого опытного морского убийцу подвела слабая психологическая подготовка, впервые увидев светящиеся глаза, британец испугался, вот он и орать начал. Нечего было этому британцу так громко орать и других своих товарищей предупреждать. Один из моих матросов словно очнулся после долгой спячки, это он из-под моего мысленного подчинения почему-то вышел и, широко размахнувшись, своим кулачищем врезал по темноте. Да так удачно это у него получилось, что я не поверил своим глазам и даже перекрестился, когда увидел, как вдруг в этой нашей темнотище брызгами во все стороны полетела человеческая кровь.

В свете фонаря проявился невидимка.

Прежде всего, хочу честно признаться, что никаким невидимкой этот британец не был, а, как Абрам Петрович Ганнибал, мой и государев дружок, имел черную кожу лица и тела,

поэтому до поры до времени его нельзя было разглядеть, ни простым, ни магическим зрением в нашей темноте. Убежать куда-либо этот английский убийца и нырлящик уже не мог, удар-то нашего крестьянского паренька пришелся ему прямо по виску, уже в падении он отдал свою жизнь Господу Богу. Но его крик, по всей очевидности, дошел до адреса, мне показалось или это было в действительности, но там послышался топот ног, и через секунду опять наступила тишина.

Я стоял и, глубоко сожалея внутри, рассматривал двух погибших молодых парней. Нашего парня, крестьянского сына, имени которого я пока еще не знал, не успел со всеми своими добровольцами познакомиться. А рядом с ним лежал чернокожий и такой же молодой паренек с застывшей гримасой ужаса на своем лице. Его товарищи бежали, даже не попытавшись отбить его тело. Я настолько плохо себя чувствовал и мне было так жаль обоих этих парней, что едва сдерживал слезы.

Сильнейший удар в плечо, а затем повторный удар по скуле привел меня в сознание. Послышался грозный голос Петра Алексеевича, который в одном исподнем стоял за моей спиной и строго вопрошал:

— Ты что, мразь канцелярская, здесь творишь?! Я же сказал, чтобы тебя в крысиной норе держали.

Затем государь, видимо, увидел два трупа и, повернувшись лицом к капитан-командору Гесслеру, строго сказал:

— Ты, Мартин, выставь вокруг караулы из своих матросов, сейчас следствие творить будем. Похоже, Лешка чего-то нового натворил!

Подходила к концу вторая неделя пребывания в плаваниях великого флота под штандартом первого флагмана, вице-адмирала Петра Михайлова. Корабли флота своими форштевнями вспенивали воды Северного и Балтийского морей в поисках шведских военных и торговых кораблей. Несколько раз государь Петр Алексеевич, когда флот проходил вблизи шведских берегов, на вечерних советах с анисовкой предлагал другим адмиралам обстрелять береговые укрепления противника или войти в порт Карлскроны и сжечь прятавшийся там военный шведский флот. Но каждый раз иноземные адмиралы с серьезными лицами находили тысячу причин невозможности исполнения того или иного маневра. Объясняли Петру Алексеевичу, что нельзя стрелять по шведским береговым укреплениям, когда солнце бьет в глаза канонирам. Мол, эти лучи солнца не позволят канонирам флота хорошо и правильно прицелиться, поэтому стрельба из пушек может привести в большим потерям среди гражданского населения, а европейский гуманизм не позволяет им пойти на этот шаг.

К этому времени и после неудачного покушения Петр Алексеевич снова принялся прислушиваться к моим советам и прогнозам, на собственной шкуре убедившись в том, что во многом я все-таки прав и союзники ведут себя так, как я ранее и предсказывал. Особенно государь был потрясен несостоявшимся на него покушением, впервые перед его глазами были очевидные факты намерения Британии покончить с ним и с его реформами в России. Первоначально Петр все собирался встретиться с адмиралом сэром Джоном Норрисом, с которым вот уже в течение нескольких лет был в хороших отношениях, и потребовать у него ответа на эти действия секретной службы британской короны.

Но после моих слов о том, что наверняка сэр Норрис ничего об этом не ведаёт, Петр Алексеевич с большим трудом успокоился. Он вызвал Антошку Девиера и избил его до полусмерти, крича тому в лицо, что он службу охраны плохо поставил. А потом извинился и строго указал всем собравшимся вокруг него и Девиера людям, чтобы языки держали за зубами и широко об этом в Копенгагене не болтали.

Уже рассвело, когда я с Петром Алексеевичем уединился в его каюте и в деталях рассказал о возможном ходе развития событий в ближайшее время. По всему было видать, как государю было трудно с небес командования великим европейским флотом опускаться на грешную землю. Ему пришлось поверить в то, что все его планы и намерения уже в этом году покончить со Швецией, высадив коалиционный десант на шведский материковый берег, и дальше войну вести на территории Швеции, пойдут коту под хвост.

Иметь в руках такую военную мощь и силищу в восемьдесят три боевых вымпела, но не мочь ею в полном праве воспользоваться!

Да, от одной такой мысли можно было бы сойти с ума! Поэтому мы не ограничились обычной утренней порцией в чарку анисовки, а приняли на грудь аж целых три. От завтрака в хорошей компании на Петра Алексеевича снизошла благодать, и он решил заняться домашними, государственными делами.

В тот момент он был страшен лицом. На бледном, до синевы, лице выделялась черная ниточка усов и щетина на подбородке. Волосы были взлохмачены и торчали в разные стороны. Глаза были красными и горели злобным огнем.

Не человек, а дьявол во плоти!

Такое с государем обычно происходило накануне обострения головной лихоманки, но ведь чуть более месяца назад он лечился от нее в Пирмонте.

Свой разговор о домашних делах он начал неожиданным вопросом:

— Алешка, ты помнишь, сколько времени я давал сыну, Алексею Петровичу, на обдумывание и подготовку ответа на мое предложение?

— Шесть месяцев, ваше величество, — по-солдатски бойко рапортовал я.

— Так знай, что по настоящее время я не получил от него ответа по этому поводу. За это время Алексей прислал мне два письма, в которых в подробностях описывал свое здоровье и как он проводит время с друзьями. Но ни слова об отречении от престола, хотя давал устное обещание уйти в монастырь и отказаться от царствования. Этим своим молчанием сын заставляет меня думать дурное и предпринимать к нему суровые меры, а мне этого совершенно не хочется. Ведь он сын мне, моя кровь течет в нем! Я виноват в том, что в его детстве и в отрочестве не уделял ему достаточного внимания и не занимался его воспитанием. Чем воспользовались длиннобородые и отвратили его от пути истинного. Теперь я оказался в ситуации, в которой не могу позволить Алексею после своей смерти вернуть Россию в прошлую жизнь. Так что, Алешка, бери в руки перо и бумагу, пиши, а я тебе кое-что продиктую. Дальше ты это мое письмо сыну допишешь так, чтобы и другим людям было бы ясно, о чем идет речь и к чему сыновнее непослушание может привести.

Из этих слов я понял, что государь Петр Алексеевич принял окончательное решение в отношении дальнейшей судьбы своего первого и старшего сына. Что Алексея Петровича ожидает незавидная судьбушка. А в настоящую минуту государь думает о том, как выглядеть правым в глазах цивилизованного мира, чтобы история правильно восприняла и оправдывала бы его крутые меры по отношению к собственному сыну.

На моих глазах выступили слезы сожаления, но я ничего не сказал в ответ государю, а

достал бумагу, гусиное перо и чернильницу, которые всегда носил с собой, и приготовился к письму. Государь надиктовал мне нескольких тезисов, молча поднялся со стула и исчез в дальнем углу своей каюты. Он предложил сыну срочно выезжать к нему навстречу или так же срочно уходить в монастырь, как это Алексей Петрович обещал сделать ранее, но обратным письмом сообщить, когда он это сделает, в каком монастыре будет находиться.

С большим трудом мне удалось составить более или менее для истории приемлемое письмо. Посмотрев внимательно мой текст, Петр Алексеевич что-то в нем черкнул, затем размашисто подписал и, свернув письмо, запечатал его собственной печатью.

Бросил письмо на стол передо мной и сказал:

— Сейчас же отправляй.

Я взял это письмо осторожно, словно бешеную гадюку, в руки и поднялся из-за стола. Поясно поклонился государю и покинул его каюту, а вслед мне Петр Алексеевич бросил неприязненные слова:

— Ты, Алешка, там ничего не удумывай. Я про все в свое время прознаю, и тогда тебе несдобровать. Делай только то, что тебе велено и мною дозволено, тогда голова на плечах и сам жив останешься. А чтобы ты не напроказничал, то я к этому делу Петьку Толстого подключу.

Когда я спустился в свою каюту, то там находился один Тишка, который после памятного утра так прилепился ко мне, что ни на шаг не отходил. Пришлось переговорить с Мартином Гесслером, чтобы получить этого салажонка в свое полное услужение. С большим нежеланием капитан-командор уступил мне в просьбе, и с тех пор Тишка практически все время проводит в моей каюте.

Я попросил его сбегать и поискать лейб-гвардии капитана Александра Ивановича Румянцева.

Разговор с Александром Ивановичем продолжался до середины дня. В общих чертах я набросал картину возможных его действий в случае побега царевича Алексея Петровича и вовлечения в это дело Петьки Толстого.

На следующее утро лейб-гвардии капитан Румянцев одновременно с гонцом, везшим в Москву царское письмо, покинул борт линейного корабля «Ингерманландия».

Как в свое время я и предупреждал государя Петра Алексеевича о возможных проблемах в существовании антишведской коалиции, так оно и получилось, ничего у государя с датчанами не сварилось, они оказались способны только на то, чтобы вести пустые разговоры и давать неисполнимые обещания. После возвращения великого флота в Копенгаген государю все-таки удалось добиться того, что лебедь, рак и щука научились ходить единой кильватерной колонной и дружно выполнять простые и сложные маневры вблизи датских и шведских берегов. По случаю единения великих европейских государств в этом флоте Петр Алексеевич учредил медаль «Владычествует четыремя, при Борнхольме» в память об этом событии.

К этому времени в отношениях между двумя монархами, государем Петром Алексеевичем и королем Фридрихом IV, наметились первые трещины. Государь Петр Алексеевич все более и более убеждался в том, что дальше обещаний датский король пойти

не мог. Видимо, устав от своих пустых обещаний, Фридрих IV под любыми предлогами начал избегать и уклоняться от личных встреч с Петром Алексеевичем. При датском дворе все чаще и чаще начали слышаться реплики о невоспитанности и варварском поведении русского царя и его придворных.

Ганноверский министр Бернсдорф стал постоянным визитером двора датского короля. Мои люди при дворе Фридриха IV неоднократно в своих записях доносили о нелестных его высказываниях по отношению к Петру Алексеевичу и войску Аникиты Репнина. Но и сам Фридрих IV не стеснялся, открыто высказываясь по поводу того, что присутствие русских войск в Мекленбурге наносит вред датско-русским отношениям и подобно удару ножом в спину датского королевства. Ганновер же практически превратился в центр антирусских настроений, а свою государственную политику это немецкое герцогство стало в основном ориентировать на то, чтобы государь со своими войсками как можно быстрее покинул бы все германские земли.

Петр Алексеевич внимательно прочитал послание британского короля Георга I английскому адмиралу сэру Джону Норрису, доставленное в Копенгаген ганноверским министром Бернсдорфом. Затем это письмо государь швырнул мне в лицо и хмуро сказал:

— Знаешь, Алешка, почему-то я верю тебе, что это письмо моего английского брата Георга действительно им писано и им подписано. Но я-то хорошо знаю Джона и верю в то, что этот хитрый морской лис на такое дело не пойдет. Кому это хочется в мире прославиться тем, что стал цареубийцей. Ты помнишь, какие у этого адмирала были глаза, когда мы с тобой на его флагманский корабль доставили тело убитого на борту «Ингерманландии» англичанина. Уже по одному этому можно было понять, что адмирал ничего о готовящемся покушении не знал. А ты, подлец, воспользовавшись случаем, с него потребовал тысячу гинеев,^[85] целое богатство получил.

Уже на следующий день адмирал сэр Джон Норрис в сопровождении пары офицеров британского флота прибыл в замок, в котором стоял царский двор. Его встречать вышел Борька Куракин и сразу провел на кухню, где Петр Алексеевич завтракал и расслаблялся, разговаривая со мной. Увидев входящего британца, в пух и прах разодетого в белый мундир с красными отворотами, я вскочил со своего стула и, рукавом протерев сиденье, пододвинул стульчик Джону Норрису, чтобы он мог позавтракать вместе с государем.

До этой встречи этот британец уже несколько раз встречался с нашим государем, знал и привык к его простому обращению. Своими белыми панталонами он вполне спокойно устроился на несколько грязноватом стуле, мною поданном. А свою треуголку сбросил на руки одному из сопровождающих его офицеров, а затем честнейшими глазами морского волка уставился в глаза Петру Алексеевичу. Тот взял тарелку с куриными костями и, одним движением руки сбросив их на пол, швырнул на тарелку четверть курицы, после чего тарелку пододвинул под нос британскому адмиралу.

Адмирал Норрис был истинным британским аристократом и большим политиком, было видно, что этот британец сейчас колеблется, решая, есть или не есть грязный ошметок курицы. Со стороны я наблюдал за тем, как делается британская политика: очень нерешительно и двумя пальчиками сэр Норрис пододвинул к себе тарелку с курицей и посмотрел по сторонам в поисках ножа и вилки. Зря он это сделал, ведь наш государь был простым человеком, любил простую народную еду, которую полагалось есть одними руками.

Тогда политик в сэре Джоне Норрисе взял вверх верх над аристократом, он отбросил

обшлага рукавов адмиральского мундира и, заказав мальвазии, руками схватил курицу. Я же мысленно ахнул, сэр Джон Норрис оказался великолепным и предусмотрительным политиком, предугадав следующий дипломатический ход нашего государя, он перешел в контрнаступление. Ведь как большой дипломат адмирал Норрис был бы не вправе отказать Петру Алексеевичу, когда бы тот предложил ему выпить вместе с ним свою любимую анисовку.

Но я зря восхищался дипломатическими талантами и увертками сэра Джона Норриса, противу железной воли государя и дипломатия не поможет, на кухню для перевода пришел Борька Куракин,^[86] он принес бутылку анисовки.

Но перевода не потребовалось, государь Петр Алексеевич из-за пазухи достал и в лицо британского адмирала бросил письмецо от Георга I. Да, британцы — люди не от мира сего, это надо же такое выдержать, когда тебе в морду бросают секретнейшее письмецо, о существовании которого мир и слышать не должен был. Все это время адмирал Норрис оставался невозмутим, словно Будда в пагоде, он даже успел крепкими зубами хватануть кусок нашей курицы и совершенно не хотел этого куска упускать. Жуя, он жирными руками — это была британская хитрость: оставив жирный след рук на письме, после выяснить, каким оно образом попало в наши руки, — развернул королевскую цидулку и внимательно ее прочитал.

В этот момент всеми силами я пытался мысленным щупом проникнуть в сознание этого британского адмирала.

Но до чего эти британцы являются предусмотрительными людьми!

Ну скажите, зачем сэр Джон Норрис, отправляясь на встречу с русским государем, на свою голову натянул серебряную сеточку! Ведь только великие знатоки магических искусств знали о том, что сеточка на голове являлась непреодолимым препятствием любому мысленному проникновению в сознание человека.

Адмирал Норрис, не обращая внимания на находящихся в кухне людей, поднялся на ноги и несколько раз в глубокой задумчивости взад и вперед прошелся перед Петром Алексеевичем. В этот момент наш государь наконец-то прекратил жевать курицу и, взяв в руки бутылку анисовки, начал внимательно рассматривать ее содержимое. По недовольному виду государя и его нахмуренным бровям было понятно, что ему не совсем понравился цвет этой жидкости. Он уже открыл рот, чтобы в очередной раз объяснить Борьке, что тот должен хорошо разбираться не только в своей вшивой дипломатии, но в окраске анисовки.

Адмирал сэр Джон Норрис прекратил метаться по кухне, остановился перед государем и на неплохом русском языке произнес:

— Государь Петр Алексеевич! Аглицкий адмирал не может выполнить приказ ганноверской канцелярии и запросит официального подтверждения этого приказа лондонскую канцелярию британского короля Георга Первого.

С этими словами британский адмирал сэр Джон Норрис снова сел на грязный стул, взял в руки оловянную чарку и смело протянул ее Петру Алексеевичу.

На следующее утро, перед самым рассветом, недвижимое тело сэра Джона Норриса, великого адмирала, дипломата, политика и человека, вынесли из адмиральской каюты вице-адмирала Петра Михайлова и на руках осторожно перенесли к борту «Ингерманландии», где к тому времени уже пришвартовался баркас с флагманского корабля английской эскадры. Для проверки прицела и меткости матросов экипажа и для вящей предосторожности по приказу капитан-командора Мартина Гесслера первым в баркас сбросили пьяное тело

одного из английских офицеров, которые сопровождали адмирала Норриса.

Бросок получился удачным, тело британца упало прямо в руки английских матросов. Затем пошло тело сэра Джона Норриса, и на старуху бывает проруха: как наши матросики ни прицеливались и ни примерялись, бросок у них не получился, несмотря на стоящий в копенгагенской гавани полный штиль. Тело британского адмирала упало в двух метрах от борта баркаса и начало быстро погружаться в воду. Пьяным и море по колено, а адмирал сэр Джон Норрис был более чем пьян, он был вусмерть накачан анисовкой, поэтому с ничего не выражающим лицом начал спокойно тонуть.

Матросы на борту «Ингерманландии» и британские матросы аглицкого баркаса недоуменно наблюдали за тем, как тонет великий флотоводец. Русские и британские офицеры флота подобного конфуза или промашки не ожидали, поэтому сами не прыгали за борт судов и своим матросикам такого приказа о спасении великого флотоводца не отдавали.

Одним словом, английскому генералу сэру Джону Норрису пришлось бы на веки веков упокоиться на дне копенгагенской гавани, если бы не мой салажонок Тишка. Этот дурень прямо с борта русского флагмана сиганул в воду и скрылся под водой в том месте, где уже перестал пузыри пускать Джон Норрис, видимо, он уже смирился со своей участью. Вскоре голова Тишки снова оказалась над водой, он плыл к аглицкому баркасу и кого-то за волосы тянул вслед за собой. Тут же зазвучали команды офицеров на русском и английском языках, чуть не потонувшего адмирала подняли на борт баркаса, и шестеро матросов начали его дружно откачивать.

Таким образом, мой слуга спас английского генерала, я за это получили очередную деревеньку от Петра Алексеевича и тысячу рублей, сотню из которых отвалил Тишке.

В конце августа государь Петр Алексеевич снова сплавал на разведку к шведским берегам и вел артиллерийскую перестрелку с одним из шведских укреплений. После чего государь окончательно пришел к мысли о том, что осенью высадка коалиционного десанта на шведские берега может обернуться большой глупостью и гибелью десанта. Петр Алексеевич решил не рисковать жизнями пятидесяти двух тысяч русских парней, которые составили бы основу коалиционного десанта.

Высадку десанта на шведские берега государь Петр Алексеевич перенес на весну следующего года.

В начале сентября пришла желанная весточка о том, что наконец-то моя убойная команда добралась до Копенгагена и была готова поступить в мое распоряжение. Я полагаю, что не стоит говорить о том, что очень сильно обрадовался этому сообщению, аж даже горел желанием скорее познакомиться со своими бойцами. Поэтому с нетерпением ожидал условленного сигнала от командира о дате и месте встречи с членами группы. При отборе бойцов и их подготовке князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский проявил невероятную скрытность и таинственность. Он ни единым словом не обмолвился о ее персональном составе, ни разу не упомянул о том, кто является ее командиром. В переписке между нами князь-кесарь только изредка общими словами упоминал о том, что «обучение группы продолжается» или что «группа отбыла в твое распоряжение».

К этому времени я с Тишей переехал на постоянное квартирование в копенгагенский замок, который занимал двор Петра Алексеевича. Две комнаты на нижнем этаже прекрасно нас устраивали, так как позволяли нам всегда знать о том, кто пришел или покинул замок, кто в нем сейчас находится. Появление у меня молодого слуги не осталось придворными незамеченным, сказалось на подъеме моего авторитета и росте уважения к моей особе в придворной иерархии. Теперь не только одни слуги кланялись при моем появлении, но и многие офицеры, вельможи и сановники двора государя приветствовали меня своими поклонами. Я теперь больше не носился сломя голову по дворцовым помещениям, а степенно прохаживался, переходя из одного помещения в другое, посматривая только вперед, прямо перед собой. Правда, при встречах с такими людьми, как Александр Данилович Меншиков или Яков Вилимович Брюс,^[87] я первым кланялся.

Я уже начал подумывать о том, чтобы для еще большего повышения к себе авторитета, обзавестись джентльменской тростью, чтобы, как Сиятельный князь Меншиков, ходить, припадая на правую или левую ногу, опираясь на эту великолепную трость. И чтобы трость имела тяжелый набалдашник из золота или серебра, чтобы в случае опасности его использовать в качестве оружия защиты, или чтобы она имела клинок в черенке — это уже для неожиданного нападения.

В этот момент мои сладкие мысли о возвышении при дворе государя были прерваны появлением тени, которая внезапно отделилась от одной из колонн залы и бесшумно скользнула ко мне. Я слишком размечтался, да и трости с набалдашником со мной в тот раз еще не было, поэтому я только успел разинуть рот, чтобы кричать и звать на помощь. Но тень, коснувшись моего правого бока, исчезла в темени залы и коридора королевского замка. Судорожно похлопав себя по боку, я никакого ранения не обнаружил, облегченно вздохнул, а в правом кармане камзола лежала записка, в которой было написано

Hans. Morgen. In der Taveme «Drei Eber», 14:00 Uhr. Johann.^[88]

На встречу в трактир «Три кабана» я отправился вместе со своим лучшим другом, карликом и государевым шутом Лукой Чистихиным, Петру Алексеевичу уже было за сорок,

но государь по-прежнему сохранял мальчишеское любопытство и любовь ко всяким диковинам и невероятностям этого мира. При его дворе можно было встретить самого высокого или самого низкого человека в мире. В эту поездку в Европу русское посольство не было таким большим, каким, скажем, было Великое посольство, посещавшее европейские страны в конце прошлого века, но официально в его состав были включены шесть русских певцов и плясунов, а также государевы шуты нормального человеческого роста и карлики. Так, Лука был росточком в локоть человеческой руки, не имел внешних уродств, у него было нормальное, только миниатюрное, телосложение и блестящий разум. Иногда мне приходилось наблюдать, как Лука Чистихин молчаливым и без дурацких кривляний покидал государев кабинет, видать, и государь прислушивался к советам этого маленького человечка. Петр Алексеевич его любил и вместе с собой возил по всему миру, стараясь надолго с ним не разлучаться.

Почему я взял шута-карлика с собой? Да потому, что своей внешностью, умом и поведением Лука наверняка отвлечет внимание посетителей трактира от моей особы и встречи с бойцами группы, благодаря его усилиям я мог бы с ними в полной мере пообщаться.

В этот день Лука был до безобразия весел, много смешил меня, чуть ли не довел до колик в животе. Я за всю свою жизнь столько не смеялся, но сохранять какую-либо серьезность при шутках Луки было невозможно. С диким хохотом мы так и ввалились в трактир. Я уже был весь в слезах от этого истерического хохота, они сплошной рекой текли по моим щекам, а Лука с самым невинным и с серьезным видом рассказывал очередную прибаутку из жизни государева двора.

Трактир «Три кабана» в это обеденное время был до отказа забит посетителями, которые с удивлением посматривали на меня, заливающегося смехом, а затем переводили взгляд на маленького Луку, который был мне ниже пояса. Но после этого взгляда на шута они уже больше ни на что не смотрели, карлик начинал полностью занимать их умы. Чтобы датчане лучше понимали Луку Чистихина, я сделал так, чтобы шутки и прибаутки карлика в помещении трактира автоматически переводились, с сохранением фольклорного юмора, на датский язык. После чего Лука окончательно превратился в центр всеобщего внимания, на него и только на него смотрели посетители трактира. Они слушали и смеялись над его шутками. В зал вышла вся прислуга трактира, и даже хозяин этого заведения, обладатель мощного пивного животика, красовался в проеме кухонной двери.

Поначалу в зале трактира звучали отдельные и легкие смешки, датчане, по своему характеру весьма сдержанные люди, несколько замедленно реагировали на выступление моего маленького друга-карлика. Затем смешки начали переходить в смех, сначала вполголоса. Ну вы знаете, это когда люди стесняются смеяться и из-за этого глупого стеснения прикрывают рот руками. Совершенно незаметно смех вполголоса перешел в дикий хохот, который вскоре захватил все помещение трактира. Над шутками и мимикой государева шута Луки Чистихина поголовно ржали все посетители зала трактира, громко смеялась прислуга и держался за живот хозяин трактира.

К моему столу подошел некий русский негоциант Иван Чернов, а на деле поручик русской армии Иоганн Зейдлиц, и хотел начать представлять бойцов своей группы, но жестом руки я его остановил. Мне требовалось время, для того чтобы перебороть радость, которая сейчас меня охватила, при виде этого немца, который так неожиданно стал играть значимую роль в моей жизни. По всей очевидности, Иван-Иоганн догадался об этих моих

чувствах, но повел себя так, как и должен был вести простой немецкий бургер. Он остался холоден и непроницаем, ни одним жестом или мимикой не выдал обуревавших его внутренних чувств, по которым мы уже должны были броситься друг к другу в объятия. А вместо этого в течение полуминуты посматривали друг другу в глаза, стараясь ими выразить наши внутренние чувства.

Все-таки я вероломный человек, пока мы рассматривали друг друга, мой мысленный зонд проник в сознание Ивана Ивановича Чернова и произвел небольшие действия. А именно, сделал так, чтобы Иван Иванович мог бы обмениваться со мной мыслями на расстоянии, чтобы он мог бы внутренне определять настрой человека, лжет или говорит правду его собеседник, а в иных случаях и «подсказывать» человеку, как ему следует поступать в той или иной ситуации.

Затем Иван Иванович поднялся на ноги и вернулся за свой стол, теперь мы могли обмениваться мыслями, не поднимаясь со своих мест и не привлекая чужого внимания. Со своего места Иван Иванович вкратце рассказал о своих бойцах, о двадцати молодых парнях в возрасте от девятнадцати до двадцати трех лет. В группе в основном были крестьянские сыновья, которым присвоили солдатские и капральские чины, но в ней также было несколько молодых дворян из семей староверов, которым нравилось подраться и которые не желали учиться европейским наукам. Иван Иванович мыслил несколько замедленно, одну за другой он называл клички бойцов и давал им краткую характеристику.

Ни один из бойцов группы, разумеется, не поднимался на ноги и ко мне не подходил, не кланялся в пояс, как требовалось бы по регламенту. Все ребята оставались на своих местах, пили пиво или слабое вино, некоторые перекусывали. Я же только с этими парнями обменивался взглядами, успевая в их подсознание закладывать метки, чтобы впоследствии любой из этих парней при любых ситуациях мог бы меня признать, чтобы подчиниться и выполнить мои приказания.

Только мы с Иваном Ивановичем закончили мысленную процедуру знакомства с бойцами группы, как в хохочущий трактир ввалилась толпа новых визитеров. Посетители продолжали хохотать шуткам Луки, не обращая внимания на новых посетителей. В этот момент я успел только отметить, что среди вновь появившихся не было ни датчан, ни русских и вели они себя довольно-таки грубовато. Проходя мимо сидевших за столами к свободному столу, они громко разговаривали и шпагами явно намеренно задевали старых, смеющихся посетителей. По всей вероятности, это все же были немцы или, если уж быть совсем точным, этими людьми были ганноверцы.

С появлением ганноверцев в моей голове впервые за все это время прозвенел тревожный колокольчик, словно он предупреждал о приближающейся опасности. Я мысленно связался с Иваном Ивановичем и попросил, чтобы он обратил внимание на появившихся в трактире немцев, ганноверцев.

Почему-то ганноверцы объектом своей атаки выбрали Луку Чистихина. Трое здоровущих немецких парней-быков, выставив перед собой шпаги, пошли на него в атаку. Но государев карлик был не лыком шит и отличным оказался гимнастом. Он вовремя ушел из-под атаки парней. Он вспрыгнул на один из столиков и, повернувшись к ним спиной, неприлично оголил свой тощий зад, чем вызвал новый взрыв истерического хохота. А Лука стремительно уходил от преследования, перепрыгивая со столика на другой столик. Как ловкий и гуттаперчевый гимнаст, Лука легко уходил от преследования неуклюжих и неповоротливых немецких парней со шпагами, при этом он совершал такие уморительные

сальто и кульбиты в воздухе, что все посетители трактира от хохота повалились на пол.

Навстречу его преследователям из-за столов поднялись три датчанина и своими шпагами легко отбили натиск ганноверцев.

Я в одиночестве сидел за своим столом, когда на меня устремились другие пять человек из этой толпы только что вошедших в трактир людей. Я снова оказался в ситуации, когда требовалось принимать мгновенное решение. Совершенно случайно, собираясь на встречу со своими ребятами, я захватил два пистоля, заряженных круглыми свинцовыми пулями, никогда ранее огнестрельного оружия я с собой не брал и постоянно его не носил.

Вывхватив пистолы из кобур, не прицеливаясь, тут же спустил курки. Последовали два негромких выстрела, двое из пяти бежавших ко мне немцев повалились на пол, один с кровавой дырой во лбу, а другой, выронив шпагу из рук, схватился за плечо. Трое немецких бугаев со шпагами в руках продолжили свой бег, да и бежать-то им оставалось всего шага три, не более. Через секунду один из этой тройки наверняка шпагою пронзит мне грудь или живот. Моя же шпага по-прежнему весело болталась на моем левом боку, но я даже не схватился за ее эфес.

Что толку — фехтовать-то я совсем не умел и шпаги в руках не держал?!

Одновременно с этой мыслью мой мозг пронзила другая мысль о том, что сегодня я зря не надел свой бронекombineзон, ведь теперь мне оставалось одно только — достойно принять смерть.

Но ганноверцы, так спешившие со мной покончить, вдруг уткнулись в еще одно препятствие в лице троих неизвестно откуда появившихся датчан, их шпаги легко парировали выпады ганноверских шпаг, а кинжалы в правых руках этих датчан так же легко и быстро завершили дело. Три ганноверца умерли, так и не успев понять, откуда пришла их смерть.

Оставшаяся в живых последняя вражья тройка перегруппировалась и, выставив во все стороны клинки своих шпаг, пятясь, попыталась покинуть негостеприимный трактир. Возможно, эти ганноверцы так бы и ушли подобру-поздорову, бросив своих погибших товарищей, если бы им на пути не встал Лука Чистихин. В самую последнюю секунду этот карлуша, когда тройка ганноверцев перешагивала порог трактира, выхватил кочергу из очага и нанес ею мощный удар по голове последнему отступающему немцу. С тяжелым ранением головы тот, потеряв сознание, свалился у порога.

В мгновение ока я оказался рядом с ним и под видом оказания ему медицинской помощи проник ганноверцу в сознание. Довольно-таки быстро я нашел то, что мне требовалось. Англичане дознались, это кто-то из наших чужие деньги любящих доброхотов им донес, что я сбиваю с пути истинного государя Петра Алексеевича, рекомендуя отказаться от стратегического союза России с Англией в пользу союза с Францией.

В этой связи правительство британской короны поручило своей секретной службе, а та перепоручила это дело ганноверцам, мое физическое устранение, объявив за меня награду в две тысячи английских гиней. Принимая такое решение, британское правительство очень надеялось на то, что когда дурного советника в близком окружении не будет, то государь-мальчишка передумает и в своей дальнейшей государственной политике снова будет ориентироваться на «владычицу морей».

Мне оставалось поставить точку в этом небольшом эпизоде моей скрытной жизни. Я вытащил стилет и пару раз им ткнул в шею раненого ганноверца.

Первого сентября на генеральный консилиум собралось все русское военное

командование и единогласно решило от идеи высадки на шведское побережье в этом году отказаться и перенести ее на следующий год. Принятием такого решения государь Петр Алексеевич прикончил им же создаваемую антишведскую коалицию из России, Ганновера, Дании.

Сентябрьская погода в Копенгагене совершенно не напоминала погоду в этом месяце в нашем отечестве. Не было ранних холодов, не выпадал снег, не лили занудливые, на весь день, дожди, а сохранялось настоящее августовское тепло.

В течение всего этого месяца я занимался делами разведгруппы, вернее было сказать, Иван Иванович Чернов отправлял пары и тройки бойцов своей команды по столицам и крупным городам различных держав Европы.

Сначала Иоганн Зейдлиц в штыки воспринял мою идею, чтобы всех членов команды распределить по европейским странам, чтобы они там прижились и пустили корни, занялись сбором информации, время от времени выполняя свою непосредственную работу. Первоначально его немецкому складу ума не понравилась сама идея растарабарывания по небольшим частям своей прекрасно сработанной команды. Но, немного подумав, Иван Иванович Чернов принял-таки мое предложение, до него дошло понимание того, что со временем он получит семь-восемь таких команд, каждая из которых будет работать и базироваться в европейских столицах.

После чего Иван Иванович сообщил мне, что в течение месяца будет заниматься вопросами разделения команды на пары и тройки, а затем их отправкой в другие страны. Тут выяснилось, что немаловажным обстоятельством оказалась финансовая сторона обеспечения такой работы, потребовались большие средства на обустройство наших парней в зарубежных столицах.

Когда я в давние времена, еще в самом начале своей карьеры на ниве государственной разведки, впервые перед князем-кесарем Федором Юрьевичем Ромодановским поднял этот финансовый вопрос, то он заметно оторопел от этого моего вопроса, затем посмотрел на меня как на умалишенного, чтобы после этого задумчиво молвить:

— Я-то думал, что ты умный человек, Алешка! О каком специальном фонде ты молвишь, когда все финансы государя у тебя в кармане? Если ты такой фонд создашь, то Алексашка Меншиков тотчас в него свою руку запустит и беззастенчиво будет из него в свой карман деньги переключать, а на что ты тогда жить будешь? Ты бы лучше подумай и так деньги Петра Алексеевича распредели, чтобы ему и тебе хватало бы.

Получив указание сверху, я кое-что изменил в финансовой отчетности государя, создав пару-тройку неподотчетных Сенату финансовых фондов. Ефимок, вращавшихся в этих фондах, со временем оказалось достаточно для того, чтобы всякие любопытства и уродства для государевой Кунсткамеры^[89] добывать, Петра Алексеевича, супругу и государевых детей содержать и для того, чтобы содержать команду Чернова — Зейдлица и самого себя. В тот наш разговор я не забыл Ивану Ивановичу упомянуть о том, что если его парни хотят хороший заработок от работы своей получать, то они должны много работать, а Чернову посоветовал, чтобы он основал какую-либо всемирную компанию, чтобы та в каждой стране имела свои отделения и торговлей занималась.

Тогда Иван Иванович на меня такими удивленными глазами посмотрел, видимо, совсем не ожидал во мне увидеть столь рачительного и прагматичного немца.

А я, особо далеко не удаляясь от государя Петра Алексеевича, отдался глубокими размышлениями по другому проекту, которым в настоящее время занимался. Уж очень меня беспокоило положение дел в вопросе взаимоотношений государя со своим первенцем, с царевичем Алексеем Петровичем.

Ну вы же понимаете, Россия все ожидает, что у великих людей гениальные отпрыски рождаются будут, всегда ж получается наоборот — у великих государей и различных гениев сыновья дураки рождаются. Так произошло и в случае с государем Петром Алексеевичем, у него родился сын, царевич Алексей Петрович. Вы, разумеется, понимаете, что я не хочу сказать, что царевич Алексей Петрович был полным дураком, но жизнь по-своему разрушила судьбы отца и сына, сделав их заложниками друг друга.

Я так до конца и не смог сформировать своего определенного отношения к царевичу Алексею Петровичу, первому сыну Петра Алексеевича. Мой друг Сашка Кикин ходил у него в лучших дружках и многое о нем рассказывал. К тому времени Сашка оставил службу денщиком у государя Петра Алексеевича и начал служить офицером для особых поручений у царевны Марьи Алексеевны, у сводной сестры государя. Его общительный характер, вернее, длинный и без костей язык, а также неугасимое желание выпить за чужой счет позволили ему быстро войти в круг друзей царевича и стать ему близким другом.

Я же только изредка встречался с царевичем Алексеем Петровичем, но не входил даже в дальний круг его друзей.

Поэтому мнение об Алексее Петровиче мне приходилось в основном формировать на основе знакомства с перепиской между отцом и сыном, которую вели писари Ваньки Черкасова, а также мыслей государя Петра Алексеевича, которыми он временами изволил со мной делиться.

Государь Петр Алексеевич не любил своей первой жены Евдокии Лопухиной, а женился на ней по настоянию своей матери, царевны Натальи Кирилловны. Через год Евдокия принесла ему сына, наследника царского престола, царевича Алексея. Всем своим сердцем молодой государь обрадовался появлению на свет сына и полюбил его всей душой. Но в ту пору ему самому было всего восемнадцать лет, поэтому Петр Алексеевич был совершенно плохим отцом своему первенцу.

В такие годы юноши только начинают в полной мере знакомиться с окружающим миром. Вот и государь с широко раскрытыми глазами впитывал в себя понимание того, что же это такое жизнь, какое место он в ней занимает. Он по-юношески спешил жить, боясь, что не успеет познать все новое и непознанное. И в действительности у молодого Петра Алексеевича не хватало времени на то, чтобы познать науки и ремесла. Еще меньше времени у государя имелось на то, чтобы заниматься воспитанием сына. Да и Евдокией он быстро пресытился, его больше к ней не влекла юношеская страсть, поэтому в покоях царицы он появлялся только изредка, а настоящую жизнь вел в стороне от Евдокии.

Царица же, необразованная и ничего не знающая боярская дочь, ничего духовного и настоящего не могла вложить в своего сына. Она его страстно любила, но, как говорится, очень странной любовью. Евдокия делала все возможное, чтобы своей материнской любовью уберечь сына от влияния того, чем в то время занимался ее супруг, государь Петр Алексеевич. Все это происходило в то время, когда у ее сына, царевича Алексея, формировался будущий характер. Государь Петр Алексеевич тогда совершил величайшую

глупость и ошибку, оставив сына Алексея в раннем возрасте на руках матери.

Те несколько лет, которые царевич Алексей Петрович провел с матерью, превратили его в слабовольного и слабохарактерного подростка. Царевич полюбил чтение, но читал только богословские книги. Алексей Петрович рос и вырос патриархальным русским боярином, полюбил русскую старину, неторопливость и размеренность старой жизни. По своей натуре царевич Алексей, будучи подростком, и думать не думал о реформаторстве, он совершенно не был таким, каким в таком же возрасте был его отец, Петр Алексеевич.

Телосложением, ростом и красотой лица царевич пошел в отца, но характером и разумом, а также восприятием жизни — в мать.

Когда царевичу Алексею Петровичу исполнилось пятнадцать лет, государь Петр Алексеевич вспомнил о сыне и решил его приблизить к себе. Ему очень хотелось, чтобы его сын был таким же, как и он сам. Но эта государева попытка приблизить к себе родного сына, чтобы он перевоспитался, привела к совершенно противоположному результату. Царевич Алексей Петрович, столкнувшись с характером отца, сильно перепугался, с тех пор он начал страшиться и избегать своего отца.

Но к этому времени царевич Алексей Петрович научился сдерживаться и говорить неправду. Внешне он ничем не проявил своего испуга и боязни общения с родным отцом, запрятав чувство глубоко в свою душу. Правда, до конца своей жизни Алексей Петрович так и не сумел избавиться от этого страшного внутреннего чувства, именно поэтому так много ошибок и глупостей он наделал в своей жизни. На людях он браво брался за исполнение любой поручаемой отцом работы, но выполнял ее с большим нежеланием, при любой возможности от нее отлынивая или переваливая работу на чужие плечи.

Государь Петр Алексеевич обратил-таки внимание на эту нехорошую, по его мнению, черту характера сына. Вскоре он окончательно убедился в том, что его сын «неправильно» воспитан и не может в должной мере выполнять поручаемые ему задания. Это государя насторожило, у него впервые в голове зародились мысли о том, что его сын и наследник престола не пойдет по его стопам, не сможет в должной степени продолжать реформирование России.

Тогда Петр Алексеевич решил перевоспитать или довоспитать своего сына, царевича Алексея, направив его мысли и деяния на путь истинный. Государь по-прежнему был по горло занят государственными делами и проектами, поэтому воспитание сына поручил своему лучшему другу и самому доверенному соратнику, Сиятельному князю Александру Даниловичу Меншикову.

Александр Данилович рьяно принялся за порученное дело, он свято верил в то, что труд и наказание обезьяну превратили в человека. Может быть, я несколько преувеличиваю, когда говорю об обезьянах и человеку в понимании такого безграмотного человека, как князь Меншиков. Разумеется, Александр Данилович знал и видел обезьян в зоопарках европейских государств, которые посещал вместе с государем. Но он наверняка не был знаком с дарвиновской теорией происхождения человека, так до конца жизни не научившись самостоятельно читать книги.

Что касается воспитания царевича, то в этом вопросе Александр Данилович проявил всю свою житейскую безграмотность. Он научил Алексея Петровича пить водку, матерно ругаться, грубо обращаться с прислугой и строго наказывать подчиненных. За любую провинность или плохо выполненное задание Александр Данилович самолично драл царевича за волосы, порол кнутом. А отец царевича Петр Алексеевич стоял неподалеку и,

покуривая любимую голландскую трубку, наблюдал за тем, как его фаворит воспитывает его же сына.

Эти оба человека были твердо уверены в том, что наказанием можно исправить и перевоспитать любого человека. Я не знаю, как бы Петр Алексеевич поступил, если бы только он знал о том, к чему может привести перевоспитание царевича его фаворитом, Александром Даниловичем Меншиковым?!

Царевич Алексей Петрович возненавидел отца и окружающих его людей, твердо решив, что когда займет царский престол, то первым делом он искоренит реформаторские нововведения отца.

Разногласия между отцом и сыном происходили не в пустом пространстве, а на глазах большого количества придворных, которые постоянно совали свои носы не в свои дела.

Любому человеку было ясно и понятно, что государь Петр Алексеевич, осуществляя свои реформаторские идеи в государстве, сыскал много врагов, которые, если обладали бы такой возможностью, то уничтожили бы реформатора и его идеи. Но враги государя и государства были умными людьми и хитрыми политиками, ненависть к государю и неприятие его новой политики они прятали глубоко в своих душах, в том месте, в котором только Бог мог докопаться.

Помаленьку, потихоньку эти люди начали собираться и группироваться вокруг царевича, превращая его в центр своего недовольства царскими нововведениями и реформами. В царевиче Алексее Петровиче они находили отдушину своим чувствам и слабую надежду на то, что со временем жизнь в их государстве вернется на прежнюю стезю, исчезнут иноземные платья, прекратится эта непонятная европейская суэта. Требовалось бы только набраться терпения, немного подождать, когда больной государь Петр Алексеевич естественным путем отойдет в мир иной.

А царевич Алексей Петрович в свою очередь в этих людях находил поддержку и ласку своим убеждениям, мечтам о спокойном и безоблачном будущем без отца и непонятных людей, его окружающих. Но следует отдельно выделить и специально упомянуть о том, что ни царевич Алексей Петрович, ни люди вокруг него не допускали и мысли об открытом ниспровержении государя, об открытом выступлении против отцовских нововведений.

Я утверждаю это с такой уверенностью потому, что превосходно знал обо всем том, что творилось вокруг царевича Алексея Петровича, мои людишки уже начали вращаться в его окружении и давали информацию. Заговора, разумеется, там никакого не было, а было сплошное трепание пьяными языками. Людям требовалась возможность высказывать свои искренние мысли, своего рода отдушину, но повторяю, что они не мыслили поднять руку на Петра Алексеевича. Очень осторожно эту мысль я пытался довести до разума государя Петра Алексеевича, но первоначально он мало внимания уделял вопросу престолонаследия, а когда в дело вступила государыня Екатерина Алексеевна, то мое мнение утонуло в ее требовании.

Жизнь шла своим чередом, отец и сын женились. Их жены почти одновременно, с разницей в пару месяцев, родили им сыновей, которых называли Петрами. Но как только у государя родился второй сын, то ситуация в этом вопросе резко изменилась, мгновенно обострились отношения между отцом и сыном, стал ребром вопрос о престолонаследии. Государыня Екатерина Алексеевна активно, но незаметно для чужих глаз включилась в борьбу, вот уже много лет шедшую между отцом и его первым сыном. Государь Петр Алексеевич потребовал, чтобы Алексей Петрович официально отрекся от самодержавного престола. Царевич Алексей опять-таки в силу своего характера, будучи не способен открыто

бороться со своеволием отца, занял выжидательную позицию, надеясь, что рано или поздно судьба повернется к нему лицом.

По совету друзей на все требования отца — отречься от престола, уйти монахом в монастырь, он отвечал согласием, но никаких активных действий со своей стороны в этом направлении не предпринимал.

Государь Петр Алексеевич устал ждать, в последнем августовском письме, мною сочиненном для истории, он потребовал, чтобы царевич Алексей Петрович выехал к нему в Копенгаген. Алексей Петрович, собираясь в дорогу к отцу в Копенгаген, начал по друзьям и недругам занимать деньги в дорогу. Как совсем недавно мне стало известно из сообщения лейб-гвардии капитана Румянцева, в конце сентября царевич Алексей Петрович покинул Москву, отправившись на встречу с отцом.

Алексей Иванович Румянцев мне также сообщал, что недавно в Сенате Алексей Петрович, обнимаясь с князем Яковым Долгоруковым,^[90] шептал ему на ухо, что вскоре покинет его, но чтобы тот не бросал его дружбы. На что Яков Федорович ему отвечал:

— Всегда рад служить вашему величеству. Если ты решил уехать, то уезжай, но обратно ни в коем случае не возвращайся. Здесь ты навсегда лишишься своей головы.

3

Государя Петра Алексеевича великая авантюра пребывания в Копенгагене, как и предполагалось, завершилась ничем. Перед отъездом из города Петр Алексеевич позвал меня к себе. Как и в лучшие времена, во время сидения в турецком окружении на Пруте, мы распили с ним по чарке синеватой анисовки. Государь было зело задумчив, он всегда глубоко в душе переживал, когда ему не удавался или с треском проваливался задуманный им проект. Но государь практически никогда не впадал в уныние, так как умудрялся тут же находить новую заинтересованность.

Его голубая мечта — как можно быстрее покончить с этой бесконечной войной со шведами — из-за решительного противодействия британцев и ганноверцев пока не осуществилась. Но еще не покинув Копенгагена, государь уже начал размышлять о том, как подойти к решению проблемы окончания войны со Швецией с другого конца. Он начал думать о поисках новых союзников, на поддержку которых могла бы положиться Россия.

Когда я незадолго до этого вошел в государев кабинет, то Петр Алексеевич стоял у окна и всматривался в пролив Эресунн. Затем государь вспомнил о своей курительной трубке и глазами молча показал мне на трубку и лежащий рядом на столе полупустой кисет. Я моментально догадался о том, что этим кивком головы хотел мне сказать государь. Настала моя очередь, это уже по второму кругу, закупать ему голландского табачка.

Подаренный пруссаками табачок оказался весьма забористым и ароматным, но уж очень он был дорогим по торговой цене. А государю этот табачок чрезвычайно понравился, но он, будучи по жизни большим жмотом, этот табачок сам никогда не покупал. Внутренняя натура Петра Алексеевича не позволяла ему такие деньжищи на какой-то там табак тратить. Поэтому проблему поставки голландского табака государь решил древнейшим способом: время от времени он намекал друзьям и приятелям о том, что табачок-то у него заканчивается. А те старания ради, чтобы стать еще ближе к государю, с большою радостью шли на расходы, этот дорогой голландский табачок покупая, и ему, как подарок, передавали.

Эту свою привычку к голландскому табаку государь перенес и на государственные закупки, которые якобы должны делать люди, хорошо в том разбирающиеся. Когда в свое время я написал ему докладную записку о необходимости учреждения нашей тайной резидентуры при дворах европейских монархов, то это мое предложение государь благосклонно воспринял, но вопрос опять-таки решил по-своему. Он начал отбирать своих любимчиков и в качестве наших тайных резидентов направлять к европейским дворам. Помимо составления аналитических записок о политических интригах того или иного двора, мои резиденты были обязаны, но, слава богу, только по поручению государя, заниматься покупками интересных и познавательных книг, художественных картин, философских работ и работ в других областях науки.

Государь закурил, пуская дым в открытое окно, я присел за стол и начал доедать гуся, на три четверти съеденного Петром Алексеевичем, уж очень голоден в этот день был. Зная привычку государя, протянул и из наполовину опустошенной бутылки разлил анисовку по двум чаркам. Вторая чарка в горло обычно идет с некоторым трудом, но эта под суровым взглядом Петра Алексеевича рыбкой проскочила в мое горло. Утерев мокрый от водки рот рукавом кафтана, ведь после второй чарки водки не закусывают, я внимательно посмотрел государю в глаза.

Следует признать, что Петр Алексеевич очень не любил, когда ему так внимательно и бесстыдно смотрят в глаза, быстро на это гневался, а иногда бил кулаком по голове, приговаривая:

— Не туда смотришь, дурак, смотри в другую сторону.

Но на этот раз государь на мой бесстыдный взгляд не обратил внимания и сказал:

— Плохи мои дела, Алешка. Старею я, да и болезни совсем донимают. С сыном, Алешкой, не могу общего языка найти. Чувствую я, что он злобу начал противу меня таить. К тому же ты, чертяка, оказался совсем прав в отношении поведения датчан и англичан, поэтому я принял окончательное решение в следующем году отправляться в Париж и искать там поддержки нашим делам и планам. Так что займись перепиской с двором французского регента, готовь поездку в Париж. Зиму проведем в теплой Европе, зима тут гораздо мягче нашей русской зимы. Катька-то опять на сносях, ей будет совсем не вмоготу возвращаться домой по плохой дороге. Что же касается англичан, сделай так, чтобы они немного помандражировали по этому поводу. Устрой им пару неприятностей, а то они считают себя великими и неприкосновенными. Но особо не перебарщивай, войны мне с Англией пока не надо.

Когда я с Петром Алексеевичем принимал третью чарку, к государю заглянул карлик Лука и, страшно оскалив лицо, этой улыбкой монстра попытался развеселить мрачного и грустного Петра Алексеевича. Тот только краем губ улыбнулся в ответ своему верному шуту и сказал, чтобы тот позвал певчих. Должен признать, что анисовка — это наилучший напиток, которого можно выпить ведро, под благословенное русское пение. Русские песни брали за душу и наизнанку нас выворачивали.

Восемь певчих выстроились в полукруг перед нашим столом и сладкими голосами затянули русские фольклорные песни. Пришел Борька Куракин и, толкнув меня в бок, влез сидеть между мной и государем. К нам попытался присоседиться тайный советник Петька Толстой, но тут у меня не выдержал характер и спяну я его так шуганул... Так он, гад конопатый, вывернулся и пристроился с другого бока государя Петра Алексеевича. Последним пришел Долгоруков Василий Владимирович,^[91] который молча пристроился

рядом с Петькой Толстым, я хорошо знал и уважал этого человека. Правда, краем уха слышал, что многие новации государя он не уважал и дерзко хулил, но выпить в хорошей компании никогда не отказывался. По долгу службы я многое знал, но особо не любил распространяться о тайных сторонах и качествах придворных и приближенных государя Петра Алексеевича, одновременно делая так, чтобы они обо мне ничего не знали.

Компания собралась хорошая и много пьющая, каждый член этой компашки хорошо знал свое место и возможности, поэтому не выпячивался, а сидел и слушал, что государь в это время говорил.

Я по опыту общения с Петром Алексеевичем хорошо знал, чем обычно кончаются эти вечерние посиделки с государем под звон чарок и пение певчих. Немного поднапрягся и силой воли попытался вывести из своего тела излишний алкоголь, вернуть голову к ясному мышлению. К своему удивлению, я вдруг осознал, что мне это удалось сделать, мне полегчало, голова посвежела, в нее вернулись хорошие мысли, но виду я не показал. Сохранил на лице умное, молчаливое и одновременно гнусное выражение лица, личину, которую я носил последнее время. Двумя перстами с брезгливым отвращением взял чарку с анисовкой и, благородно отворотив морду в сторону от благой компании, одними губами осторожно начал посасывать водку из чарки.

Борька Куракин, сидя рядом с государем, оказался не в состоянии выдержать этого моего антисанитарного чудачества и, по-приятельски толкнув меня плечом, с усмешкой поинтересовался:

— Леха, ну чего ты анисовку так грязно пользуешь, это ж ведь благой, божеский напиток, а ты ее, словно отраву какую, принимаешь. Смотри, как Петр Алексеевич чарку лихо заглотал. Любо-дорого смотреть и за державу не обидно, что у нас такой государь! А ты, гад проклятый, сосешь и сосешь, да и губами причмокиваешь, словно за мамкину титьку ухватился. Ведешь себя так, что мне непонятно, то ли ты русский, то ли басурман проклятый!

Я не стал вдаваться в полемику с этим великим ученым дипломатом. Как ни крути, он всегда последнее слово скажет, а ты все равно в дураках останешься. Я поднял чарку к губам и в один глоток ее опорожнил.

В этот момент слуга Балакирев принес легкую закуску, мне в ней больше всего нравились соленые орешки в скорлупе, которые датчане называли фисташками. А Петр Алексеевич своей лапищей ухватил еще одну ножку гуся и, похрюкивая от удовольствия, начал ее обглаживать. Видимо, голоден государь оказался, удивительная соразмерность в нем имелась, когда он пьет, то и невероятное количество еды уничтожает.

Куда в него только влезает?!

Мне всегда нравилось наблюдать за тем, как этот почти уже сорокапятилетний монарх ведет себя за столом подобно маленькому ребенку, ему хочется все понюхать и попробовать, всем полакомиться. Как любое другое дело, Петр Алексеевич любил хорошо поесть, хотя в еде был совершенно непривередлив.

В этот момент государь перестал ножку гуся жевать и с хитрецей во взоре на меня посмотрел, видимо, подумал, что я специально этот гешефт-выпивку организовал и заранее людей на нее пригласил, чтобы развеять ему грусть и тоску. Этим взором государь меня как бы в некотором роде благодарил за проявленную инициативу, но на этот раз Петр Алексеевич ошибался. Я ничего не организовывал и людей на эту выпивку не приглашал. Они сами пришли, видимо, почувствовали, что у государя анисовку пьют, вот и пришли на

запах государевой водки.

К этому времени государь уже был зело пьян, но его голова пока еще неплохо варила, соображала, да и его язык еще не заплетался. Возможно, именно сейчас настала минута, которую я так долго ждал, мысленным щупом по государеву сознанию пройтись. Но одновременно я так боялся этой минуты, что путешествие по головному мозгу Петра Алексеевича постоянно откладывал, не хватало у меня на это смелости и куража.

Я незаметно сделал глубокий вдох, дождался, когда очередная чарка анисовки упадет в желудок, согреет его, и только после этого свой мысленный зонд запустил в государево сознание. В этот момент Петра Алексеевича аж всего передернуло, шея его одеревенела, по левой стороне лица пошли судороги. Очень походило на то, что у Петра Алексеевича начиналась его обычная головная лихоманка. Судорожным продвижением мысленного щупа я просканировал его головной мозг, чтобы убедиться в том, что под государевой черепной коробкой все в полном порядке, что его головной мозг функционирует нормально. В следующий момент последовала яркая вспышка белого света, меня, словно пробку из бутылки шампанского, вышвырнуло из сознания Петра Алексеевича, после чего я начал заваливаться в беспамятство, когда напоследок услышал слова Васьки Долгорукова:

— Совсем парень озападился, нос воротит от родной русской водки. Всего-то шесть чарок анисовки принял, а уже, гляди-ка, в обморок падать намерился, словно в сарафанную девицу превратился!

У моей кареты внезапно сломалось колесо, и, как сказал солдат-ямщик, починить его в дороге не было никакой возможности. Нужна была деревенская кузня и кузнец, который весь ремонт мог бы сделать за пару минут. Посольский обоз только что выехал из одной немецкой деревушки. Было бы целесообразно развернуть карету и вернуться в эту деревушку, чтобы произвести там нужный нам ремонт.

Ваську Черкасова я отправил предупредить государя Петра Алексеевича о том, что вынужден задержаться в деревушке для небольшого ремонта.

Когда Ванька собрался бежать и догонять едва плетущийся посольский обоз, то в моей голове внезапно всплыла мысль о том, что поломка колеса — это дело неспроста. К тому же я оставался в полном одиночестве. Солдат-ямщик был не в счет, я его совершенно не знал. В Копенгагене все старые солдаты, к которым мы за время поездки по Германии и Дании привыкли и хорошо знали их лица, были заменены на новых солдат посольской охраны, лица которых даже не успели запомнить. Поэтому я крикнул вслед Ваньке Черкасову, чтобы он нашел и прислал кого-либо мне в помощь. Ванька в ответ только махнул рукой, я так и не понял, слышал он или не слышал мою последнюю просьбу.

Кое-как развернувшись и в карете, ковылявшей на трех колесах, мы добрались до немецкой деревушки, которая встретила нас тишиной и безлюдьем на улицах. На улице не было ни одного немца, у которого можно было бы спросить, где проживает деревенский кузнец. Мы остановились у одного из домов деревушки, я вылез из кареты, подошел к калитке в заборе и специальным деревянным молоточком постучал по металлической пластине, укрепленной на калитке, вызывая хозяев. В ответ на мой стук сначала послышался лай сторожевого пса, а затем тихо скрипнула открываемая дверь дома, и до моих ушей

донесся звук старческих шаркающих шагов. Немного погодя басовитый женский голос спросил на немецком языке:

— Чем могу вам помочь, герр путник?

— Извините за беспокойство, но в моей карете сломалось колесо. Нет ли в вашей деревушке кузнеца, который мог бы починить это колесо? — спросил я, немного грассируя хорошим швабским акцентом.

— Кузнец, разумеется, имеется, но герр Люцке вместе со всеми деревенскими мужчинами сейчас работает в поле и вернется домой только к вечеру, когда начнет темнеть, — последовал ответ владелицы дома. — Я бы вам посоветовала остановиться на некоторое время в нашем трактире и там подождать возвращения герра Люцке. Трактир находится в переулке, который отходит направо от этой улицы за два дома от моего, следующий дом после трактира принадлежит деревенскому кузнецу, герру Люцке. Желая вам удачи, герр путник. — После этих слов послышался звук удаляющихся шаркающих шагов.

Солдат-ямщик стоял рядом со мной и, небрежно поигрывая кнутовищем, сказал:

— Не нравится мне эта тишина, вашбродь. Слишком уж тихая она, эта тишина. Даже если мужики в поле работают, то дети и бабы всегда по деревне бродят. А здесь никого не видно, словно жители этой деревушки все повымерли. Не нравится мне эта обстановка, но что будем делать, вашбродь?

В душе я несколько удивился той коммуникабельности и ясности ума, которую только что проявил мой солдат-ямщик, но не показал виду, а только поинтересовался тем, как его кличут.

— Васькой, вестимо, вашбродь. Васька Суворов, вашбродь, — сказал солдат и вытянулся по стойке смирно.

От этого ответа я чуть не подпрыгнул на месте: неужели передо мной стоит прародитель гениального русского полководца? Суровой рукой я сдержал выражение своих восторженных чувств перед этим солдатом. Ведь в таком деле всегда можно ошибиться, вдруг я случайно встретился с однофамильцем нашего военного гения, да и только. Сдерживая чувства, в спокойной тональности я объяснил рядовому преображенцу Василию Суворову, что сейчас мы направляемся в трактир, где будем ожидать возвращения домой герра Люцке, местного деревенского кузнеца. Но попросил его оружие на всякий случай привести и держать в боевой готовности.

Внешне этот трактир ничем не отличался от других деревенских трактиров Немецтины, которые так регулярно и так часто встречались по пути движения посольского обоза. Аккуратная вывеска, аккуратный вход и хорошо натопанная дорожка, ведущая к дверям трактира. Только этот трактир находился не в переулке направо, как говорила хозяйка дома, а в переулке налево и за ним никаких других домов не было.

С появлением нашей кареты из дверей трактира выскочил немецкий отрок лет пятнадцати и, открыв дверцу кареты, вежливо поддерживая меня под локоток, помог мне выбраться из кареты. Широким и гостеприимным махом руки он предложил мне проходить в трактир, по-мальчишески быстро протараторив, что багаж из кареты принесет вслед за мной. Но я легонько одной рукой отстранил его, заглянул внутрь кареты и достал оттуда свою дорожную сумку, с которой направился в трактир, на ходу объясняя парнишке, что карете требуется ремонт. Преображенец Васька Суворов решил лично сторожить наше основное достояние — карету и нашу дорожную поклажу, если надо, то и ночь провести на

конюшне. Там ему будет гораздо удобнее и спокойнее наблюдать за происходящими событиями и в случае необходимости прийти мне на помощь, как позже Васька объяснил мне свое решение.

Обеденная зала трактира была совершенно пустынна, в ней стояло несколько идеально прибранных длинных столов, проходы между которыми были аккуратно и чисто выметены. Несколько раз я принюхался, но так и не уловил приятного носу ароматного запаха ранее приготовленных блюд. Кругом был свежий воздух, но такого не могло быть, я еще не бывал ни в одном трактире, где на вечные времена не сохранялся бы запах пережаренного или недожаренного мяса, подгорелого или прогорклого масла. В моей голове начала формироваться мысль о том, что это не настоящий трактир, а его убого подготовленная декорация для театрального действия.

Но я вновь не показал вида, а высоко подняв голову и прижимая платочек, который демонстративно достал из кармана кафтана, к носу, прошел к одному из столов и сел на лавку. Кончиком пальца презрительно касаясь его поверхности, я громко прохныкал о том, что голоден, устал, что после еды мне хотелось бы немного поспать.

Скоро передо мной склонилась абсолютно лысая голова тучного немца, вероятно, хозяина этого декоративного трактира. Противным и протяжным голосом я потребовал принести чего-нибудь вкусенького, но чтобы пища была не очень тяжелой для желудка, а также бутылку анисовки. Водку я заказал из чувства противоречия, желая немного поиздеваться над немцами, которые наверняка не знают, что это такое — русская анисовка, и как таковую не имеют. Но вскоре передо мной стояла глубокая тарелка с протертым томатным супом, большая тарелка с громадным куском буженины и маленькая тарелочка с русским хреном. А под правой рукой горделиво высился штоф голубоватой анисовки с глиняной чаркой.

Одним словом, сервировка стола отвечала моим вкусам, я решился все же пообедать. Первым делом, разумеется, я, как истинно русский человек, протянул руку к бутылке анисовки и набулькал полную чарку, с громким кряком пропуская водку в себя. Еще до того момента, когда анисовка достигла желудка, сжигая все на своем пути, силой воли я свой организм привел в состояние, при котором крепость водки не действовала на мой разум. Сделал я это потому, что интуитивно чувствовал, что расслабляться в этом трактире опасно.

Еще в тот момент, когда только перешагивал порог трактира, я попытался проникнуть в сознание встречавшего нас немецкого отрока, но оно было заблокировано. Причем блокировка сознания парня была произведена не дилетантом, а настоящим мастером своего дела. Да еще и это полное отсутствие запахов в трактире наводило на размышления о том, что дело здесь нечисто. Поэтому во время поглощения пищи и чрезмерного питья безалкогольного напитка под названием «анисовка», я сделал так, чтобы мой дух оставил человеческую плоть и немного попутешествовал бы по служебным помещениям трактира.

Воспарив над своей плотью, некоторое время я понаблюдал за тем, как мое человеческое отражение, этот чистоплый в образе человека, пьет чарками анисовку и с ножа жрет свежую буженину. Временами он со вкусом крякал и обильно намазывал отлично приготовленное мясо толстым слоем хрена.

От такого сладострастного чавканья у меня, у духа, слюнки чуть не потекли!

Затем я осторожно начал перемещаться в сторону кухни, чтобы посмотреть, чем сейчас занимается толстяк хозяин трактира. По дороге на кухню подо мной прошел немецкий отрок, встретивший меня, он с моей высоты показался мне совсем не отроком, а

симпатичным лилипутом, лицо которого мне кого-то напоминало.

Я не стал ломать голову над решением этой проблемы, а прямо через дощатую стену попытался проникнуть на кухню, но стены как таковой на месте не оказалось. Вместо нее был мерцающим зеленым цветом вход в магический портал. На выходе из портала, я оказался в странном голубом мире, где было яркое бело-голубое солнце, голубое небо и ярко-зеленая трава, на которой вальяжно развалилось несколько одетых в черные кафтаны мужчин неприятного вида. Все они были вооружены холодным оружием, палашами, саблями и шпагами, а перед ними взад и вперед расхаживал толстяк и с важным видом что-то им рассказывал.

Мне многое стало ясным и понятным, а главное — я понял, что даже мое продвижение не во плоти будет этими людьми наверняка замечено. Поэтому я решил вернуться в свое тело, к тому же утром мне предстояла встреча с генерал-адъютантом прусского короля графом Гребеном, а к этой встрече я должен был быть при полном параде.

5

Обед оказался на удивление вкусным. Я в полной мере наелся прекрасной немецкой пищи. Но прежде чем отправляться на боковую, я решил сходить на конюшню, чтобы узнать, как там время проводит мой преображенец Васька Суворов. Удивительное дело, но этот рядовой солдат и на конюшне чувствовал себя преотлично, устроился так, как будто вернулся в казарму родного Преображенского полка.

Когда я заходил на конюшню, то сразу обратил внимание на то, что и здесь отсутствуют какие-либо ароматы и запахи, которые должны быть присущи конюшням, здесь вообще не было запахов лошадей — ни тебе аромата лошадиного навоза, ни запаха свежескошенного сена.

Суворов занимал отдельное стойло и с огромным аппетитом грыз большую баранью ногу, жирное мясо которой запивал холодным пивом. Заряженное ружье с примкнутым багинетом лежало на чистой тряпице на расстоянии вытянутой руки от солдата. Палаш тоже находился под рукой, солдат его не отстегнул от поясной перевязи. Таким образом, рядовой преображенец Васька Суворов, обедая, был готов во всеоружии встретить любую неожиданность, отбить удар любого врага. Но мы так и не успели с ним и единым словом обмолвиться.

Наши лошади первыми почувствовали другие запахи и забили тревогу, начав тихонько ржать и перебирать копытами в своих стойлах. По их поведению можно было догадаться, что лошади явно чем-то встревожены. Тревога лошадей передалась и нам, мы оба насторожились, а Ванька Суворов, с большим сожалением отложив в сторону баранью ногу, взял в руки ружье и поднялся на ноги.

Двери конюшни начали медленно, без какого-либо скрипа раскрываться. Когда щель между створками ворот достаточно расширилась, то на пороге конюшни появилось нечто несуразное, скорее это был медведеподобный человек. Этот человек был не очень высокого роста, но имел широкие плечи, могучие и длинные руки, которыми, не наклоняясь, запросто доставал до земли.

Человек-медведь улыбнулся, продемонстрировав нам два ряда прекрасно заточенных белых зубов, и проговорил короткими фразами на хорошем русском языке:

— Господа, я свое дело сделал. Колесо вашей кареты отремонтировано. Кое-что я изменил и добавил в устройство вашей кареты. Примите это как мой подарок вам. Теперь вы можете отправляться в путь. Только должен вас предупредить, что вам вряд ли удастся без боя покинуть этот трактир, которого у нас в деревне никогда не было. Мы, местная нечисть, немецкие оборотни и волколаки,^[92] в ваши человеческие дела не вмешиваемся. Это не наша война! Поэтому помочь вам не можем, вы не нашего рода и племени существа. Так что спасаться вам придется самим.

С этими словами деревенский кузнец герр Люцке развернулся и, сделав шаг в сторону, пропал из нашего поля зрения. Правда, волколак нам так и не сказал, от кого следует спасаться и кто нас преследует.

Отремонтированная карета стояла прямо у ворот конюшни. Не говоря ни слова, рядовой Суворов перебросил ружье за плечо и стал выводить лошадок из стойл. Когда лошади были запряжены в карету, то я вспомнил, что в обеденном зале трактира осталась моя дорожная сумка с двумя пистолями, которыми я дорожил, один раз они спасли мне жизнь. Васька Суворов уже сидел на козлах и с недоумением в глазах смотрел на то, как я развернулся и пошел прочь от кареты в сторону входа в трактир.

Перешагнув порог, я вдруг вспомнил все то, что наблюдал во время путешествия своего духа. Я внимательно осмотрелся по сторонам, но обеденная зала была по-прежнему пуста и безлюдна. Моя дорожная сумка одиноко лежала на лавке у стола, за которым я только что обедал. Всего несколько шагов до сумки, а после этого можно было бы спокойно покидать это опасное место. Но в этот момент дальняя стена залы начала мерцать редкими вспышками зеленоватого цвета. Любому дураку было понятно, что это начал работать магический портал. Через секунду в трактире появятся те молодцы, которых я видел в потустороннем мире.

Одним большим скачком я долетел до сумки, выхватил из нее оба пистоля, одновременно взведя их курки.

А портал уже работал, первым в стене начал проявляться знакомый мне толстяк, хозяин трактира. Он-то и получил первую пулю в лоб, так и навсегда застыв, наполовину проявившись, в мерцающей кухонной стене. Второй выстрел я попридержал, стремительно бросаясь к выходу из трактира.

В этот момент навстречу мне попал немецкий отрок, который преградил мне путь к спасению. Паренек непонимающими глазами уставился на меня, не двигался и в то же время не уступал мне дорогу. Я не привык стрелять или драться с детьми или подростками, поэтому постарался паренька обежать сторонкой. Но немецкий отрок совершенно неожиданно бросился мне под ноги, я споткнулся об него и кубарем полетел в сторону от выхода.

Я еще лежал на полу, а отрок в этот момент начал превращаться в маленького человечка, лилипута, который тут же принялся совершать странные движения руками, прищепывая при этом губами.

Разум мне подсказал, что этот лилипут плетет магическое заклинание. Не задумываясь, я направил в него мысленный силовой удар-толчок, который подготовил на всякий случай, еще находясь в конюшне. От этого воображаемого удара лилипут приподнялся в воздух и с большой скоростью влетел в мерцающую зеленую стену кухни. Врезаясь в портал, он своим щедротным телом сбил с ног здорового верзилу, который только что начал проявляться в проеме портала. Тот с грохотом и воем, словно его очень больно ударили, покатился по полу

трактира. А вслед за ним в обеденном зале один за другим стали проявляться и другие громилы разбойно-бандитского вида.

Вскочив на ноги, я стремительно побежал к выходу из трактира, на бегу стрельнув из пистоля за свою спину. Выстрел и на этот раз оказался удачным, он поразил в живот одного из моих преследователей. Но остальные громилы оказались храбрыми вояками и, ни на секунду не задерживаясь, чтобы оказать помощь раненому товарищу, продолжали меня преследовать. Я уже слышал за спиной их тяжелое дыхание, когда, прыжком перескочив порог, выскочил на улицу, с силой захлопнув за собой тяжелую дубовую дверь.

Васька Суворов оказался смекалистым русским солдатом, он умудрился так подогнать карету ко входу в трактир, что мне было нужно только вскочить на ее подножку и ему матерно и азартно прокричать, чтобы он как можно быстрее гнал своих лошадей.

Карета уже трогалась с места, когда в дверях трактира появился первый преследователь. Я выхватил шпагу, поудобнее за нее ухватился и, как дротик, ее бросил в лицо этого преследователя, удивительное дело и, наверное, мне просто повезло, но острие клинка шпаги попало прямо в переносицу этого громилы. Дикий, нечеловеческий вопль пронесся над деревней, преследователь, выронив из рук турецкий ятаган, схватился за окровавленные глазницы и ничком повалился на землю перед входом в трактир. Выбегавшие из трактира другие громилы-преследователи обязательно спотыкались об его тело, заваливаясь на землю. В результате чего на деревенской улице, прямо у входа в трактир, образовалась груда человеческих тел, в которой натужно копошились шесть взрослых мужчин с оружием в руках.

А наши немного отдохнувшие лошадки весело галопировали по сельскому тракту, увлекая за собой отремонтированную карету. Они хорошо поели овса, неплохо отдохнули и сейчас стремительно уносили нас прочь от этой оравы разбойников и бандитов.

Я уже подумал о том, что все опасности позади и мы спасены, как в этот момент увидел летящего по воздуху лилипута. Он быстро догонял нашу карету и вскоре, зависнув прямо над нашими головами, начал опять совершать какие-то движения руками и шевелить губами, затем одновременно взмахнул кистями обеих рук, словно с вымытых рук стряхивал воду. Одна из наших лошадок тотчас копытом попадает в глубокую ямку, неизвестно откуда вдруг появившуюся на ровной дороге. Тут же послышался хруст ломающейся кости лошадиной ноги, и она кувырком через голову полетела за обочину тракта, своим туловищем разрывая постромки.

Карета мгновенно остановилась, едва не опрокинувшись набок.

Васька Суворов продолжал сидеть на козлах, ни жив ни мертв.

На своем веку этот петровской выучки солдат многое повидал, но такого, чтобы человек, хоть и совсем маленький, летал бы над землей, ему еще не приходилось видеть.

А лилипут, злорадно ухмыляясь, завершал плетение нового заклинания, завершая движения кистями рук. Я сидел в карете и спокойно наблюдал за действиями этого непонятно откуда появившегося лилипута, понимая, что на этот раз его магический удар придется по мне. Магии заклинаний, к сожалению, я не ведал, не практиковал, поэтому в данный момент этому чародею мне нечем было ответить и нечего противопоставить.

Открыв дверцу кареты, я сошел на обочину дороги, чтобы принять смерть на свежей травке, а не в дорожной пыли.

Но в этот момент громко бабахнул ружейный выстрел, это преображенец Васька Суворов спустил курок своей фузеи. Свинцовая пуля восемнадцатимиллиметрового калибра

шлепнула лилипута прямо в его лоб. Но, разумеется, она лилипута не убила, а далеко отбросила его в сторону от нашей кареты. Несколько секунд лилипуту потребовалось, чтобы прийти в себя от прямого попадания Васькиной пули, чтобы снова приняться за любимое дело — плетение нового магического заклинания.

Но на этот раз в дело вмешался я и не дал лилипуту времени на то, чтобы он до конца довел свое колдунское дело. Вытянув руку в его сторону и слегка подтолкнув его ладонью, я мысленно пожелал, чтобы лилипут вернулся в свой потусторонний мир. На наших глазах лилипут замерцал зеленоватым цветом и вскоре исчез из поля зрения, растворившись в воздухе.

Васька Суворов палашом озлобленно рубил постромки травмированной лошади. А я, перезарядив пистолы, подошел к бедной лошадке и со слезами на глазах, приставив один из пистолей к ее уху, спустил курок.

О случае с колесом и о встрече с лилипутом мы с Васькой Суворовым договорились особо не распространяться.

Кто может поверить в то, что человек умеет летать по воздуху, или в те необыкновенности, что с нами случились в трактире немецкой деревушки, где проживают немецкие оборотни.

Да никто, ни один нормальный человек в такое никогда не поверит!

Поэтому мы и решили держать языки за зубами. Но после этого приключения я сильно запал на дружбу с Васькой Суворовым и сделал ему протекцию, представил как верного человека государю Петру Алексеевичу. Теперь во время остановок обоза мы, встречаясь в других немецких трактирах, пропускали по чарочке дерьмового немецкого шнапса. Громко кричали, вытирали рукавами кафтанов рот, а так как на закуску денег всегда не хватало, то многозначительно переглядывались и весело и громко ржали. А если у нас случалось очень хорошее настроение, то пропускали еще по чарочке шнапса, уважительно кивали друг другу головами и расходились по своим компаниям.

6

Государь Петр Алексеевич на какое-то время забыл о моем существовании, последнюю неделю пути он меня к себе совсем не звал и не передавал каких-либо спешных или новых указаний, позволяя мне предаваться бездумной лени и воспоминаниям о прошлой жизни.

К новой встрече с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I давно уже все было готово. Федька Шафиров дописывал последние параграфы договора, который монархи должны были подписать.

А я пил анисовку, не переставая, и сначала не пьянел, а после — не помнил. Но на людях не показывался, чтобы свое реноме «умного и непьющего» человека не подрывать. Ванька Черкасов был на побегушках, к Антону Девиеру за водкой он часто бегал. А тот все удивлялся и говорил, что наша компания весь государев неприкосновенный запас водки выпила. Антошка полагал, что в моей карете прячутся и пьют водку человек по крайней мере пять-шесть.

Знал бы он, сколько нас там было всего!.. Но меня Антон сильно уважал и отказать не хотел.

А я знал и хранил секрет пополнения Девиером неприкосновенного запаса анисовой

водки. Когда на первой неделе пути посольского обоза в Европу вся анисовка внезапно закончилась, то, решая проблему пополнения анисовой водки, Антон завел специальную старуху, которую в крытой телеге возил и на волю ни при каких оказиях не выпускал. Теперь вам понятно, почему у него анисовка такой разноцветной была — то синей, то зеленой или белой?! Просто та старуха слегка подслеповатой оказалась, но водку варила высшего класса.

Что касается государственных дел, то переписка государя с Россией шла налаженным чередом. Над ней работали, не покладая рук и не разгибая спин, дьяки и подьячие кабинет-канцелярии, которой я руководил, но всю ответственность нес Ванька Черкасов. Кабинет-курьеры и кабинет-гонцы передвигались с немецкой пунктуальностью и согласно утвержденному графику между Россией и европейскими странами, где в то или иное время находилось наше посольство. В эти дела лучше было бы не вмешиваться, а то по пьяни внесешь ненужную суету в их и так напряженную работу.

В свое время, занимаясь государственной перепиской, в глубине души я сильно потешался над тем, что зверье в петербургском зоопарке отказывается от питья легкого вина, требуя его замены на водку. Видимо, служители петербургского зоопарка, злоупотребляя служебным положением, съедали все продукты и выпивали все напитки, выделяемые этим бедным зверушкам, требуя увеличения и того и другого. Мне от души становилось жалко государева любимца Александра Даниловича Меншикова, который в письмах на мое имя просил доложить Петру Алексеевичу печальное известие о том, что единственный слон городского зоопарка помер из-за нехватки продуктов для его кормежки. И тогда смех прекращался, а я думал о том, насколько же велик Петр Алексеевич, что из-за своей любознательной натуры желал быть в курсе всего, что происходило в его отечестве.

Таких или подобных писем на адрес государя приходило великое множество. Изредка я делал подборку этих писем и давал ее на прочтение государю, но обычно Петр Алексеевич довольствовался моей устной информацией по вопросам такого уровня. Моим писарям приходилось изводить громадное количество листов бумаги, отвечая на любые вопросы, поступающие ко двору государя со всех уголков великой России.

Мне приходилось заниматься организацией и сбором денежных подношений, которые поступали из российской глубинки, губерний. Некоторые генерал-губернаторы, занимая должность губернатора, мгновенно догадались об основном принципе, заложенном в рентмейстерстве,^[93] организуя и делая такие подношения к государеву двору. Вскоре нам стало поступать такое количество денег, что их стало хватать не только на карманные государевы расходы, на содержание царского двора, осуществление государственных закупок, но и на организацию и проведение скрытых операций.

Таким образом, я стал настоящим казначеем, рентмейстером государя Петра Алексеевича. В любое время дня и ночи я мог государю Петру Алексеевичу без запинки рассказать, сколько у нас денег имеется, сколько потрачено и какое их поступление ожидается в ближайшем будущем.

Размеренное движение посольского обоза и беспробудное пьянство с Ванькой Черкасовым делали свое дело. Постепенно мы с моим помощником от вынужденного безделья превращались в одичалых детей естественной природы. Только появление Павла Ивановича Ягужинского в карете предотвратило наше окончательное единение с дикой природой. К тому моменту мы с Ванькой из-за большого количества опрокинутых в себя чарок анисовки перестали узнавать друг друга, а я уже подумывал над тем, как бы шпагой проколоть этого надутого индюка, который постоянно лезет ко мне целоваться и предлагает

дружить до скончания веков. Просто у меня никак не получалось найти свою шпагу...

Павел Иванович открыл дверцу, выпуская на волю скопившиеся за это время сильные пары анисовки, и, не спрашивая разрешения, полез в нашу карету. Мы с Ванькой сильно поежились от холода, проникшего в карету из-за открытой дверцы, слегка начав соображать, но с места не двинулись.

Павел Иваныч некоторое время посидел, посмотрел на нас и вдруг случайно заметил полуопустошенный штоф с анисовкой беловатого цвета, валявшийся в ногах на полу. Молча он нагнулся и, правой рукой цепко ухватив штоф, его горлышко поднес к своему рту, в долю секунды заглотив его белое содержимое. Затем приоткрыл дверцу кареты, запустив в карету новую волну холода, и профессиональным движением руки метнул штоф за обочину дороги. Тут же послышался звук разбившейся стеклянной посуды и протяжный человеческий вопль на ненашем языке. Но Пал Иваныч не обратил на это никакого внимания, прикрыл дверцу кареты, снова уселся на свое место и, дружески ткнув меня кулаком в грудь, отчего у меня перехватило дыхание, весело сказал:

— Ну что, Лешка, воруеть понемногу государственные деньги?

От этих дружеских слов я мгновенно протрезвел, но не из-за того, что испугался. Нет, пока мне бояться было нечего, не зря же в народе говорят: «не пойман — не вор». А меня за руку никто не ловил и не поймают, пока еще маловато было на Руси грамотных людишек, которые могли бы хорошо писать и считать. Да и кто позволит человеку со стороны секретные государевы бумаги читать, а затем сопоставлять их с реальными государевыми тратами. За это недолго и на плаху к палачу с топором попасть.

Просто в данную минуту Пал Иваныч не совсем хорошее время нашел для подобных шуток. Рядом со мной на сиденье пьяным валялся мой помощник Ванька Черкасов, память у него и в пьяном виде отлично работала, я неоднократно в этом на собственном личном опыте убеждался. Когда-нибудь он может вспомнить эти слова и невзначай где-нибудь сдуру об этом ляпнуть, тогда пойдет по всему миру гулять глупая людская молва обо мне как о воре, которую уже ничем нельзя будет остановить.

Пересилив боль и головокружение, я принял сидячее положение, хотя копчик ужасно болел от неровностей дороги, чтобы посмотреть в глаза этому честнейшему на всем белом свете человеку. Недавно я подозревал Пал Иваныча в том, что именно он сдает меня англичанам. Но в том воображаемом немецком трактире, где произошло столкновение с магом-лилипутом, я случайно выяснил, что таким доброхотом-злопыхателем уже давно является мой любимый недруг Петр Андреевич Толстой. Характер у этого человека был таким эксцентричным, что ну не мог он, даже будучи в таком почтенном возрасте, не предавать или не закладывать других людей. Стараясь не утонуть и не запутаться во всех этих мыслях о друзьях-товарищах и о друзьях-предателях, огромным напряжением воли я изгнал из себя излишние пары алкоголя.

Уже почти трезвым человеком, у которого мгновенно и страшно заболела голова, посмотрел в честные глаза Пал Иваныча Ягужинского. В этих глазах я прочел, что он пришел ко мне по поручению государя Петра Алексеевича, чтобы обсудить вопрос реорганизации государственной власти в России для борьбы с казнокрадством и коррупцией.

Девятого ноября одна тысяча семьсот шестнадцатого года в Леопольдштадте, в одном из богатых районов Вены, происходили странные и непонятные события.

Сначала неизвестно откуда появился странный экипаж.

Вернее было бы сказать, что странным был не экипаж, который был обычной дорожной каретой, а пассажиры экипажа. Все они, а их было пять человек, были одеты в черные одежды, черные плащи на плечи были накинuty таким образом, чтобы скрывать их лица. Эти люди в черных одеждах, выйдя из дорожной кареты, испуганно оглядывались по сторонам, с большим испугом посматривая на любого проходящего мимо или к ним приближающегося венского горожанина.

Особо подозрительно вел себя человек, который был выше всех ростом в этой странной группе людей. Он первым выскочил из кареты, несколько раз тяжелой трусцой пробежался взад и вперед по улице, где стоял трактир, у подъезда которого остановилась карета. После нескольких таких пробежек по венской улице этот великан нерешительно направился к дверям трактира.

К этому времени совсем уже стемнело и собирался пойти осенний дождик. Внезапно двери трактира распахнулись, и на пороге появился швейцар, который вышел зажечь фонари у входа в трактир. Разумеется, трактирный швейцар обратил внимание на этих людей и их странное поведение.

Высокий человек, по-видимому, сильно испугался появления швейцара и его подозрительных взглядов. Он продолжал нерешительно стоять перед самым входом в трактир, обеими руками ухватившись за сердце, словно испуганная барышня, собравшаяся падать в обморок. Великану потребовалось некоторое время для того, чтобы отойти от испуга, он повернулся к своим спутникам и что-то им приказал. Так эти люди всею гурьбой бросились к карете и начали тащить из нее дорожный багаж. Швейцар не сумел разобрать, на каком языке общались приезжие, но был твердо уверен в том, что это не был немецкий язык. Он хотел помочь приезжим перенести багаж в трактир, но те грубо его оттолкнули и сами поволокли все вещи.

Высокий человек, продолжая прятать лицо в складках черного плаща, коротко переговорил с хозяином трактира и потребовал две комнаты: одну большую для себя и для пажа, одну маленькую — для своих товарищей. Он говорил на хорошем немецком языке, но с каким-то непонятным акцентом. Но хозяин больше обратил внимание на большую нервозность в поведении этого высокого ростом человека.

Со стороны казалось, что он всего боится и от кого-то сейчас прячется.

Уже в трактире человек попросил хозяина заложить для него дрожки, чтобы отвезти его к господину Шенборну. Хозяин, разумеется, не знал, кто же это такой господин Шенборн, и поинтересовался у незнакомца, знает ли тот адрес, где этот господин проживает? Когда тот ему разъяснил, что имел в виду господина Шенборна, канцлера Священной Римской империи, то хозяин схватился за голову и, громко запричитав, отказался везти куда-либо этого странного незнакомца. Два золотых дуката на столе быстро разрешили проблему,

дрожки были заложены и поданы к порогу трактира, ожидая высокого незнакомца, который в книге для гостей трактира расписался именем господина подполковника Коханского.

Было уже девять часов вечера, когда канцлер Священной Римской империи Руди Шенборн прошел в свою спальню и начал раздеваться, чтобы отойти ко сну. Он перекрестился и, подобрав ночную рубашку, совсем уже собрался шагнуть под балдахин, чтобы возлечь на нежные шелковые простыни, когда в спальню неожиданно вошел слуга. Громким шепотом он сообщил, что внизу к канцлеру пытается прорваться странный незнакомец, который хочет срочно с ним переговорить. В этот момент дверь спальни шумно распахнулась, в нее ворвался человек, лицо которого показалось Шенборну знакомым.

Человек не говорил, а кричал дурным голосом на немецком языке:

— Господин канцлер, мне срочно нужно встретиться с императором. Я пришел искать у него защиты. Император — мой свояк, и он обязательно мне должен помочь. Он должен спасти мою жизнь и жизнь моих бедных детей, так как отец хочет нас погубить и лишить престола.

С большим трудом канцлер признал в этом вечернем горлопане сына московского государя Петра Алексеевича, царевича Алексея. Он пришел в тихий ужас и от слов царевича и от самой ситуации, в которой был вынужден принимать участие и говорить с царевичем Алексеем Петровичем. Прежде всего, Шенборн постарался успокоить царевича Алексея говоря ему, что сейчас он находится в безопасности, никто в этом месте не собирается его убивать или терзать. Через короткую паузу канцлер добавил, не мог бы Алексей Петрович объяснить, какая такая беда или несчастье привели его в императорскую Вену.

— Отец принял решение и хочет меня погубить, а я ни в чем не виноват. Я слабый человек, ни в чем ему не противился и не отказывал. Алексашка Меншиков меня так нарочно воспитал; споил, умышленно расстроил мое здоровье. Отец мне говорит, что я не гожусь ни к войне, ни к правлению, поэтому хочет меня постричь в монахи и посадить в монастырь, чтоб отнять престол... Я не хочу в монастырь... Пусть император защитит меня и сохранит мою жизнь.

Пока царевич рассказывал свою историю, он и минуты не мог спокойно постоять на месте, беспокойно метался по спальне имперского канцлера, сметая все на своем пути. Задел кресло, и оно кубарем покатило в дальний угол спальни, а Алексей Петрович этого даже не заметил. Вдруг у него пересохло горло, он потребовал пива, но в доме Шенборна такого напитка никогда не бывало. Слуги принесли легкого мозельвейна и дали бокал Алексею Петровичу. Залпом осушив бокал, царевич рукавом кафтана вытер рот и потребовал немедленной встречи с Карлом VI,^[94] императором Священной Римской империи и своим родственником.

Спокойным и вежливым голосом канцлер Шенборн сказал, что сейчас время уже позднее, завтра, как только император проснется, он доложит ему о прибытии Алексея Петровича в Вену и о его конфиденткой просьбе. А до этого времени канцлер посоветовал царевичу запереться в помещении и на улицу своего носа не показывать, ожидая решения императора.

постоянно переваливаясь с боку на бок. Все это время ему спать не давали беспокойные и нехорошие мысли о постояльцах, об этих странных приезжих людях, которые три дня назад поселились в его гостинице.

Подполковник Коханский, как назвался высокий ростом человек, вместе с маленьким пареньком занял большую комнату. Паренек, по всей очевидности, был личным слугой подполковника, его пажом, но он совершенно не следил и никак не присматривал за своим господином. Служанка, которая занималась уборкой комнат постояльцев, уже вчера приходила вся в слезах и заявила, что не будет за хозяйские гроши убирать комнаты этих господ.

— Я многое на своем веку повидала, господин, но такого безобразия я еще не видела! — кричала служанка, обращаясь к хозяину. — Эти приезжие господа свои комнаты превратили в настоящий хлев для животных. Прямо в сапогах они ложатся в постель, белье которой сплошь в больших и жирных пятнах грязи, их невозможно отстирать. Мебель в комнате порушена, везде валяются объедки и пустые бутылки из-под вина и водки, а в одном углу... сильно наблевано. Одним словом, срам, да и только. Если судить по простыням, то мальчишка спит с господином и этого совершенно не стесняется. Если вы, господин, не прибавите мне денег за уборку этих комнат, то убирать я там не буду, — рыдала безутешная служанка.

Хозяин трактира и гостиницы, старый венский еврей, который много на своем веку насмотрелся, рано утром, едва поднявшись с постели, отправился к подполковнику Коханскому, чтобы переговорить с ним по поводу безобразий, творимых в комнатах гостиницы. Но когда, вежливо постучав, он приоткрыл дверь в большую комнату, то от увиденной картины едва не свалился в обморок: господин подполковник увлеченно занимался любовью с мальчишкой. Но, присмотревшись, хозяин гостиницы сумел разглядеть, что «мальчишка» имел красивую девичью грудь и длинные волосы на голове. Нервишки старого венского еврея этого богохульства не выдержали: как это можно при белом свете дня, да еще сзади, любить то ли девушку, то ли мальчишку!

Перекрестившись, хозяин гостиницы решил не беспокоить этих господ, оставив разговор с подполковником на более позднее время. Он покинул большую комнату и отправился в малую комнату, чтобы образумить ее постояльцев. Подойдя к комнате, он фалангами пальцев вежливо постучал в дверь. Никто не ответил, хотя в комнате были слышны какие-то странные голоса. Хозяин снова постучал в дверь и снова не получил ответа. Тогда он набрался решимости и после третьего стука, повернув ручку, вошел в комнату, где первым делом ему в нос ударил страшный смрад водочного перегара и аромат ношенных портянок.

На полу на матрасах в фривольных позах и в фривольной одежде, в одном только исподнем, лежали три мужика. Когда дорожные путники занимали комнату, то они потребовали себе тюфяки с сеном, которых у хозяина приличной венской гостиницы, разумеется, не оказалось. Пришлось им выдать настоящие немецкие перины, которые эти постояльцы превратили в незнамо что, так как они, по всей очевидности, спали на них в одежде и в сапогах. Пока хозяин трактира и гостиницы мучительно долго искал ответ на вопрос, почему сейчас постояльцы неприлично раздеты, а по ночам на матрасах спят одетыми и в сапогах, один из постояльцев на ломаном немецком языке поинтересовался:

— Ты чего хочешь, мужик?

Хозяину трактира и гостиницы потребовалось мгновение, чтобы понять, что эта троица

пьяна. И не просто пьяна, а по-свински пьяна и ничего в данный момент не соображает. Разговаривать с такими людьми было не о чем, их просто не стоило трогать, от них можно было бы ожидать только одни проблемы. Старый венец тяжело вздохнул и решил это дело пустить на самотек, легче пару грошей заплатить служанке, но зато сэкономишь здоровье.

Через пару часов пятерка этих странных людей спустилась в обеденную залу для завтрака, на который они заказали большие блюда картошки с жареной свининой. Затем эти люди попросили принести анисовки и много буженины. Буженина в трактире имелась в наличии, но вот что касается анисовки, хозяину пришлось по этому вопросу самому и долго разбираться с подполковником, что он имел в виду в отношении этого напитка.

Когда хозяин убедился в том, что под словом «анисовка» его клиенты подразумевали простую водку, то каждому из гостей принесли по стопочке отличного немецкого шнапса, который хозяин сам принимал для возбуждения аппетита. А эти клиенты его любимую водку обозвали нехорошим словом «дерьмо», потребовав этого дерьма в неограниченном количестве. Слово «дерьмо» хозяин хорошо разобрал, но не понял, почему им шнапс был нужен в неограниченном количестве. Как можно пить так много шнапса, ведь даже после двух стопок этого алкоголя совершенно невозможно работать. А эти постояльцы глотали шнапс чарками, буженину и ветчину жрали так, словно неделю пахали крестьянское поле. Подполковник Коханский и его мальчишка-девушка паж не отставали от других членов группы, после завтрака пятерка отправилась досматривать утренние сны.

Когда стемнело, за стенами трактира поливал холодный ноябрьский дождь, то в трактире появился очень вежливый гвардейский офицер.

Случайно хозяину трактира удалось подслушать, о чем этот гвардеец разговаривал с подполковником Коханским — того приглашали посетить канцлера Шенборна. По всей видимости, Коханский был птицей высокого полета, раз его приглашал имперский канцлер Шенборн и за ним присылал карету. Поэтому хозяин трактира и гостиницы решил больше не беспокоить разговорами о поведении этих своих постояльцев.

Подполковник Коханский вернулся улыбающимся и весьма довольным человеком далеко за полночь. Еще с порога этот человек, не обращая внимания на то, что в гостинице все приличные люди уже спали, прокричал, чтобы на его людей подавали питье и закуску, они праздновать будут. Правда, он не объяснил, что именно они собираются праздновать, но веселились всю ночь. Несколько раз к хозяину гостиницы приходили другие постояльцы и вежливо интересовались, что это за люди веселятся в обеденном зале трактира. Ночь напролет из этого зала неслись дикие вопли, крики, звон разбиваемой посуды и протяжные завывания, которые эти люди называли песнями.

Утром постояльцев не стало, их увезли в черной карете без окон. Поклажу этих постояльцев забирали австрийские солдаты. Капитан солдат ударил хозяина кулаком в зубы и грубо велел ему держать язык за зубами и ничего и никому о своих постояльцах впредь не рассказывать.

— Ты, мразь пузатая, забудь о них, словно их никогда здесь не было, — сказал австрийский капитан, вытирая о кафтан хозяина кровь со своей белой кожаной перчатки.

Вот из-за чего хозяин трактира и гостиницы так беспокоился на своей кровати, боясь жужжания мухи и постоянно пересчитывая золотые талеры, которые получил от неизвестного гражданина империи за свой рассказ о странной пятерке постояльцев.

Лейб-гвардии капитан Александр Иванович Румянцев в своем письмишке мне указал что хозяин венского трактира ему продался всего за пятьдесят золотых талеров и в деталях

поведал ему историю некоего господина подполковника Коханского. Эту сумму в семьдесят пять талеров я несколько позже внесу в графу «тайные расходы» баланса ежемесячных государевых трат. Далее Румянцев писал, что австрийский капитан продался всего за сто золотых дукатов, и сообщил, что господина Коханского и его людей под видом арестованных отправили в замок-крепость Эренбург, что находится в баварском Тироле.

В ответном письме я попросил Александра Ивановича съездить в этот тирольский Эренбург, чтобы на месте убедиться в том, что царевич Алексей и его прислуга венским императорским двором спрятаны именно в этом замке. Отдельно попросил лейб-гвардии капитана также выяснить, нет ли в группе прислуги царевича Алексея женщины?

Замок Эренбург гордо высился на скальном выступе, с трех сторон окруженный неприступными горными ущельями, а дорога, ведущая к замку, была перекрыта глубоким ровом, заполненным водой. Скальный выступ имел каплевидную форму, своей более узкой частью обращенную к дороге. Из амбразур надвратной башни замка хорошо просматривалась дорога и подвесной мост, перекрывающий искусственный ров. Сразу же за воротами располагался нижний двор с хозяйственными постройками.

Над нижним двором и оранжереей высилось здание цитадели, сердце и главное оборонительное сооружение замка Эренбург. Стены этого сооружения были от полутора до трех метров толщиной, в те времена ни одна пушка не могла их пробить. Вход в Южную башню располагался на втором этаже, первый же этаж башни был отведен под темницу, в которую можно было бы попасть, только спустившись по лесенке в отверстие в потолке. Вход в северную башню также располагался на втором этаже, к нему вела деревянная площадка из примыкавшего к цитадели жилого здания этого замка. В самой же башне находился подъем на смотровую площадку, расположенную на вершине башни.

Командир гарнизона замка-крепости Эренбург, немецкий капитан Гольде, в своем распоряжении имел полуроту солдат. В основном это были пожилые солдаты, успевшие повоевать с турками, или инвалиды, выжившие после тяжелых ранений. Военным командованием Священной Римской империи^[95] они были направлены в Баварию доживать свой солдатский век. Многие из них успели жениться и родить детей, которые жили вместе с ними в этом же замке. Служба в замке, расположенном практически в самом центре Священной Римской империи, для этих солдат была настоящей благодатью, истинным подарком судьбы. Они с удовольствием несли службу, стояли на постах, а после службы не спеша возвращались домой, где жены кормили их вкусным обедом или ужином.

Когда в замке Эренбург появилась эта пятерка арестантов, то солдатам и членам их семей запретили даже близко к ним подходить, разговаривать или задавать им вопросы. Было запрещено даже внимательно всматриваться в их лица. Лица арестантов, когда они выходили на прогулку, были всегда скрыты складками плащей, накинутых на плечи. Да и между собой эти люди разговаривали очень мало. Только капитан Гольде имел право подходить к этим арестантам, но разговаривать он мог только с одним арестантом из этой пятерки заключенных. Даже капитан гарнизона замка не знал истинных имен арестантов, за какие грехи они были брошены в крепость.

Глубокой ночью в тюремной карете без окон этих арестантов доставили в крепость Эренбург. Их по одному выводили из кареты и при свете двух факелов и под конвоем солдат при оружии препровождали по выделенным им комнатам. В соответствии со строжайшими распоряжениями имперской Вены, арестантов не держали под замком или на цепях в темнице замка. Они были с комфортом размещены в комнатах жилого здания цитадели.

Каждый день им позволялись утренние и вечерние прогулки на смотровой площадке замка.

Арестантов кормили отдельно от солдат и капитана гарнизона. Вместе с ними из Вены приехал повар, который и готовил им отдельную еду. Каждую неделю повар посещал проводимые в конце недели крестьянские рынки, где закупал свежие продукты. Когда повар отправлялся на рынок, то в помощь себе он обязательно брал одного или двух солдат. Изредка скуки ради делился с ними информацией по заключенным.

Но и по рассказам повара становилось ясным, что и он мало чего знает об этих заключенных. Повар в основном говорил о том, что арестанты ели и пили, какие блюда им наиболее всего нравились.

Таким образом, по понятиям гарнизонных солдат получалось, что эти заключенные неплохо устроились, они ели, спали и постоянно пили шнапс. Изредка арестанты все-таки покидали свои комнаты и выходили на прогулку. Но, пошатавшись из угла в угол смотровой площадки, они снова спускались в свои комнаты, чтобы пить халявный шнапс. Причем, как, вспоминая, говорил повар, особенно хорошо у арестантов получалось питье шнапса, которого они выпивали по ведру на брата в день. Этому обстоятельству гарнизонные солдаты замка дико завидовали и мечтали о таких временах, когда сами могут оказаться в таком райском положении.

Чаще всего на смотровой площадке появлялись два арестанта — самый высокий и самый низкий люди этой группы. Эти два парня прижимались друг к другу и, нежно держась за руки, целовались, думая, что никто их в этот момент не видит. Солдаты же со своих постов все это прекрасно видели и улыбались себе в усы: они-то хорошо знали, что это такое — мужская любовь, много времени проводя в казармах!

Солдатам гарнизона крепости Эренбург по службе особо делать, кроме дежурств на постах, было нечего. Ни тебе занятий шагистикой на плацу, ни изучения оружейных приемов, ни занятий стрельбой — все это они давным-давно изучили и прошли, когда проходили обучение молодыми рекрутами. Капитан Гольде сквозь пальцы смотрел на их постоянные отлучки из замка-крепости.

Но с появлением этих арестантов жизнь солдатам и членам их семей резко ограничили, строго-настрого запретив покидать службу и общаться с местным населением. За одно лишнее слово об арестантах они могли быть выброшены из этой своей солдатской службы, быть с позором изгнаны из имперской армии без какой-либо пенсии и льгот по выплатам налогов за выслугу лет. Поэтому солдаты делали все возможное, чтобы держаться особняком и подальше от арестантов. Как им приказывал капитан Гольде, они молчали и не отвечали на вопросы местных жителей, когда те интересовались тем, что происходит у них на службе.

Но, разумеется, солдаты, да и сам Гольде, держали язык за зубами только в тех случаях, когда им предлагали не очень большие суммы денег!

Это было крестьянское ржаное поле, причем очень небольшое по своим размерам. По всей очевидности, это был надел не очень богатого крестьянина. Приподнявшись на локтях, я осмотрелся кругом, поле просматривалось от начала и до конца.

Было тепло, но не слишком жарко.

Затем я перевел взгляд на самого себя, чтобы осмотреться. Первым же делом удивился тому, что не увидел на себе никакой одежды, я был совершенно наг! Удивление было вызвано в основном тем, что на мне отсутствовал бронекombineзон. Он позволял выживать в любых условиях окружающей среды. Последнее время я его носил не снимая, из-за угроз трейси. Непонятное крестьянское рубище, то ли это была рубаха, то ли рогожный мешок с вырезами для рук, валялось от меня неподалеку.

Голым лежать на земле было крайне неудобно, да и прохладно. Телом я ощущал тянувшийся от вспаханной земли холодок. Я легко поднялся на ноги, чтобы еще раз убедиться в том, что я находился не в своем теле, к которому успел привыкнуть и обжиться. Сейчас я находился в теле совсем молодого парня, лет пятнадцати-шестнадцати.

Долго удивляться подобному обстоятельству мне не дали, рядом со мной внезапно объявился лилипут-изобретатель оборонительной ширмы. Он как-то странно повел себя. Сначала долго смеялся, затем долго кому-то грозил своими маленькими кулачками, а затем обратился ко мне с совершенно непонятными словами:

— Полковник Барк, краем уха мы слышали о том, что ты могущественный маг, но не верили этому, потому что только трейси могут быть могущественными магами в той вселенной, которую нам с тобой пришлось оставить. Из-за своего неверия я и оказался в этой проекции жизни планеты Земля. Тебе, Барк, не очень-то повезло в переброске наших сознаний, ты попал в тело местного аборигена, и тебе придется много поработать, чтобы перебороть его генетическую память и снова стать самим собой. А теперь, полковник, прощай, мне нужно найти своего аборигена, в котором стану в дальнейшем развиваться и совершенствоваться. Так что прощай и до встречи в этом времени.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Великое посольство — дипломатическая миссия России в Западную Европу в 1697–1698 годах.

Петр Михайлов — в 1697 году Петр Первый отправился изучать Европу в составе Великого русского посольства под именем урядника Петра Михайлова.

Фёдор Матвеевич Апраксин (27 октября 1661 — 10 ноября 1728) — русский государственный деятель, сподвижник Петра Великого, граф, генерал-адмирал с 1708 года. Командовал русским флотом.

Екатерина I (Марта Самуиловна Скавронская, Екатерина Алексеевна Михайлова; 1684-1727) — российская императрица с 1721 года — как супруга царствующего императора, с 1725 года — как правящая государыня; вторая жена Петра Великого (1712) мать императрицы Елизаветы Петровны.

Елеосвящение — это таинство чаще называют соборованием (поскольку оно обычно совершается несколькими священниками, то есть соборно), во время которого молятся за исцеление болящего, если на то будет Божья воля. А также во время таинства соборования человек получает прощение грехов.

Тимофей Васильевич Надаржинский был духовным отцом Петра I и всей царской фамилии.

Людовик XIV де Бурбон (5 сентября 1638 — 1 сентября 1715) — король Франции и Наварры с 14 мая 1643 года. Царствовал 72 года, дольше, чем какой-либо другой европейский король.

Отношения с Францией — еще во времена Великого посольства Петр Алексеевич хотел посетить Францию и установить с этим государством дружественные отношения. Но французский король Людовик XIV («король-солнце») в то время был вовлечен в борьбу за Испанское наследство и рассматривал Россию как патриархальное отсталое государство, с которым было бы трудно поддерживать нормальные отношения. Поэтому он отказался принять Великое русское посольство и государя Московского царства. 1 сентября 1715 года Людовик XIV умер, в результате чего у России появился шанс договориться с новыми правителями Франции.

Фёдор Матвеевич Апраксин (27 октября 1661 — 10 ноября 1728) — русский государственный деятель, сподвижник Петра Великого, граф, генерал-адмирал (1708), командующий русским флотом.

В тот момент А. Меншиков был Светлейшим князем Римской империи и генерал-губернатором Ингерманландии.

Ингерманландия — исторический регион, расположенный по берегам Невы, ограниченный Финским заливом, рекой Нарвой, Чудским озером на западе и Ладожским озером с прилегающими к нему равнинами на востоке. Границей с финской Карелией считается река Сестра. В 1708 году эти земли вошли в состав обширной Ингерманландской губернии, с 1710 года — Санкт-Петербургской губернии, а с 1927 года — Ленинградской области.

Антон Мануилович Девиер (António Manuel de Vieira; 1682 — 24 июня (6 июля) 1745) — видный российский государственный и военный деятель, сподвижник Петра I, первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга (1718–1727 и 1744–1745), граф (1726), генерал-аншеф (1744).

Карлсбад — немецкое название Карловых Вар, Чехия.

Молодой царь начал страдать досадным, нередко заставлявшим его испытывать мучительные унижения недугом. Когда Петр возбуждался или напряжение его бурной жизни становилось чрезмерным, лицо его начинало непроизвольно дергаться. Степень тяжести этого расстройства, обычно затрагивавшего левую половину лица, могла колебаться: иногда это был небольшой лицевой тик, длившийся секунды две-три, а иногда настоящие судороги, которые начинались с сокращения мышц левой стороны шеи, после чего спазм захватывал всю левую половину лица, а глаза закатывались так, что виднелись одни белки. При наиболее тяжелых, яростных припадках затрагивалась и левая рука, она переставала слушаться и непроизвольно дергалась; кончался такой приступ лишь тогда, когда Петр терял сознание.

7 августа 1689 года царевна Софья, которая из-за малолетства братьев правила в ту пору, поручила начальнику стрельцов Федору Шакловитому снарядить отряд стрельцов для ее сопровождения в Донской монастырь. Петр Первый понял это как попытку своего убийства и полуголым бежал из Москвы.

Иван V Алексеевич (27.08.1666 — 29.01.1696) — русский царь в 1682–1696 годы. Сын русского царя Алексея Михайловича Тишайшего и царицы Марии Ильиничны, урожденной Милославской. Был болезненным и малоспособным человеком. Хотя Иван назывался «старшим царем» («младшим царем» считали Петра Великого), он никогда не занимался государственными делами. В 1682–1689 годах за него Россией управляла царевна Софья, а в 1687–1696 — Петр Великий.

Герцог Карл-Леопольд Мекленбург-Шверинский (26 ноября 1678 — 28 ноября 1747) — правящий герцог Мекленбург-Шверина с 1713 года. Супруг Екатерины Иоанновны и отец Анны Леопольдовны.

Фёдор Юрьевич Ромодановский (ок. 1640 — 17 сентября (28 сентября) 1717) — князь, русский государственный деятель. Приближённый Петра I с середины 1680-х. В 1686–1717 глава Преображенского приказа розыскных дел, кроме того, руководил Сибирским и Аптекарским приказами. Первым в России из рук государя получил высший чин, стоявший вне системы офицерских чинов, — генералиссимус.

Георг I (28 мая 1660 — 11 июня 1727) — король Великобритании с 1 августа 1714 года, первый представитель Ганноверской династии на королевском троне Великобритании.

Полушка — русская монета достоинством в половину деньги. В исторических письменных источниках упоминается также под названием полуденьга. Денежная реформа Петра Великого ввела в обращение медную полушку как номинал, эквивалентный $\frac{1}{4}$ медной копейки.

А. В. Макаров начал работать придворным секретарем Петра Алексеевича — 5 октября 1704 года.

24 сентября (5 октября) 1706 года Август II втайне заключил мирное соглашение со Швецией. По договору он отказывался от польского престола в пользу Станислава Лещинского, разрывал союз с Россией и обязывался выплатить контрибуцию на содержание шведской армии.

Прутский поход — поход в Молдавию летом 1711 года русской армии под предводительством Петра I против Османской империи в ходе русско-турецкой войны 1710–1713. В ходе похода русская армия во главе с Петром Алексеевичем была окружена 120-тысячным турецким войском.

Фридрих Вильгельм I (14 августа 1688 — 31 мая 1740) — с 1713 года король Пруссии, курфюрст Бранденбурга, выходец из династии Гогенцоллернов. Известен как «король-солдат». Отец Фридриха Великого.

Оулу, или, по-шведски, Улеборг — старейший город в Северной Финляндии. Город основан в 1605 году.

Регентство (от *лат.* *regens*, «правлящий») — временное осуществление полномочий главы государства коллегиально (регентский совет) или единолично (регент) при малолетстве, болезни или временном отсутствии монарха.

Филипп I, герцог Орлеанский (Philippe, duc d'Orléans; 21 сентября 1640 — 8 июня 1701) — сын Людовика XIII Французского и Анны Австрийской, младший брат Людовика XIV Французского. Имел титулы «Единственный брат короля» и «Месье». Родоначальник Орлеанской ветви дома Бурбонов.

Толстой Петр Андреевич (1645 — 17.02.1729) — государственный деятель, дипломат, граф. Был начальником Канцелярии тайных розыскных дел (1718–1726), одним из шести членов Верховного тайного совета (с февр. 1726).

Немецкая слобода — место поселения иностранцев в Москве и других городах России в XVI–XVII веках (в Санкт-Петербурге, Воронеже и др.). В Москве Немецкая слобода находилась в северо-восточной части города, на правом берегу реки Яузы, близ ручья Кукуй. В простонародье Немецкая слобода называлась Кукуем. Немцами называли не только уроженцев Германии, но и вообще любых иностранцев, не знавших русского языка («немых»).

Андрей Иванович Ушаков (1672–1747) — начальник тайной розыскной канцелярии, сенатор, возведён в графское достоинство.

Алексей Александрович Курбатов — известный деятель эпохи Петра I. Крепостной Б. Д. Шереметева, он был у него в доме дворецким и вместе с ним путешествовал за границей. В 1699 г. он подал царю в подмётном письме проект введения гербовой бумаги и был назначен «прибыльщиком», получив право докладывать царю о вновь открываемых им источниках государственного дохода. В 1711 г. Курбатов был назначен вице-губернатором Архангелогородской губернии. Его столкновение в Архангельске с представителями Меншикова вызвало вражду Меншикова с Курбатовым. Обвинённый в казнокрадстве и взятках, Курбатов в 1714 г. был отрешён от должности и попал под суд. Он умер в 1721 г. ещё до решения суда, наложившего на него начёт в 16 тыс. рублей.

Виллим Монс, подписывался де Монс (1688–1724) — брат любовницы Петра I Анны Монс, адъютант императора, камер-юнкер, камергер императорского двора. Казнен за взятки и любовную связь с императрицей Екатериной.

Василий Иванович Суворов (1708–1775) — начал службу денщиком Петра Великого, впоследствии занимал прокурорские должности, активно участвовал в перевороте 1762 года и пользовался большим доверием Екатерины II, дослужился до генерал-аншефа. Отец русского генералиссимуса Александра Васильевича Суворова.

В 1690-х Н. М. Зотов занимал место думного дьяка. В 1703 году заведовал Ближней походной канцелярией, был печатником. Видную роль он играл в дружеской компании приближенных лиц государя — Всешутейшем, Всепьянейшем и Сумасброднейшем Соборе. В этой компании, где Пётр назывался «святейшим протодиаконом», Зотов носил титул «архиепископа прешпурского, всея Яузы и всего Кокуя патриарха», а также «святейшего и всешутейшего Ианикиты» (с 1695 года). В 1710 году ему был дарован титул графа.

Лифляндская губерния — средняя из трёх (до 1783) Прибалтийских (Остзейских) губерний Российской империи, располагалась на берегу Рижского залива Балтийского моря. Была образована в 1721 году после захвата русскими войсками территории бывшей шведской Ливонии. В настоящее время территория поделена между Латвией, в составе которой находится большая её часть, включая бывший губернский город, и Эстонией.

По Альтранштедтскому миру между Швецией и Саксонией (1706) Август II выдал Иоганна фон Паткуля Карлу XII. 7 апреля 1707 года фон Паткуль был закован в цепи. 10 октября он был, как изменник, колесован живым, а затем четвертован.

Титул «Ваше высокопревосходительство» — в петровской России, согласно положения «Табели о рангах» звания I–II классов предусматривали обращение «Ваше высокопревосходительство». Но сам «Табель» был официально принят только 1 февраля 1721 года, поэтому князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский мог не знать о возможности обращения к нему таким титулом.

Шереметев Борис Петрович (1652–1719) — граф (1706), русский военачальник и дипломат, генерал-фельдмаршал (1701). После взятия власти Петром I (1689) стал его сподвижником. Во время Северной войны (1700–1721) проявил себя как способный, но крайне осторожный и несколько медлительный военачальник, в 1715–1717 гг. командовал корпусом в Померании и в Мекленбурге.

Мнишек — польский дворянский род герба Коньниц (или Мнишек). Происходит из Богемии, откуда Николай Мнишек выехал в 1533 г. в Польшу; был великим подкоморием коронным. Сын его Ежи (1548–1613), сандомирский воевода, львовский староста и управляющий королевской экономией в Самборе, сначала дружил с протестантами, потом стал горячим католиком. Ведя роскошную жизнь, он всегда нуждался в деньгах и поправил свое состояние только браком дочери своей Марины с Лжедмитрием. Вместе с дочерью жил в Москве и Ярославле; в 1608 г. навсегда покинул Россию.

Пётр Алексеевич Голицын (1660–1722) — князь, русский государственный деятель, дипломатический представитель России в Австрии, сенатор, архангелогородский, рижский, киевский губернатор, президент Коммерц-коллегии, кавалер ордена Андрея Первозванного.

Швабский диалект — один из диалектов алеманнского наречия немецкого языка, распространённый в Баден-Вюртемберге и Баварской Швабии. При этом понятие «швабский» нередко используется как синоним слова «алеманнский». Швабский диалект является более молодым диалектом на юго-западе Германии.

Александр Борисович Бутурлин (18 июля 1694 — 30 августа 1767) — русский военачальник, граф, генерал-фельдмаршал, Московский градоначальник. Сын капитана гвардии. В 1714 году был записан солдатом в гвардию, с 1716 по 1720 год обучался во вновь учреждённой морской академии, где преподавались науки, необходимые для мореплавания, фехтование и некоторые иностранные языки.

Ефимок — русское название западноевропейского серебряного талера.

Так при дворе государя Петра Алексеевича называли палача.

Екатерина Ивановна родит от Карла-Леопольда только через два года Анну Леопольдовну (7 декабря 1718) — будущую императрицу Российской империи с 9 ноября 1740 года по 25 ноября 1741 года.

Брак между Карлом-Леопольдом и Екатериной Иоанновной тоже не стал счастливым. Герцог обращался с Екатериной грубо и даже жестоко. В 1716 году Леопольд навлек на себя нерасположение Петра I и, потеряв престол, умер в крепости Дёмиц в 1747 году. В 1722 году Катерина Ивановна оставила супруга и вместе с маленькой дочерью вернулась в Россию.

Георг I (28 мая 1660 — 11 июня 1727) — король Великобритании с 1 августа 1714 года, первый представитель Ганноверской династии на королевском троне Великобритании.

Роберт Гарлей или Харли, первый граф Оксфорд Мортимер (1661–1724) — английский политический деятель, лидер партии вигов, спикер английского парламента, лорд-казначей правительства, создатель скандально известной компании «Южные моря» — первой в мире финансовой пирамиды.

Карл-Леопольд принимал участие в военных походах шведского короля Карла XII. Мекленбуржец не только восхищался шведским абсолютным монархом, но и подражал шведскому королю в одежде, жестикуляции и манере речи. Вскоре он прослыл чудаком, а принц Евгений Савойский называл его «обезьяной Карла XII». Летом 1713 года Карл-Леопольд унаследовал герцогство Мекленбург-Шверин после смерти своего брата Фридриха Вильгельма.

Селадон (*устар.*) — человек, обычно пожилой, который любит ухаживать за женщинами, волокита.

А. И. Репнин, князь — Аникита Иванович (1668 — 3 июля 1726) — русский генерал-фельдмаршал времен Великой Северной войны, отвечал за взятие Риги в 1710 году и был губернатором Лифляндской губернии с 1719 года до самой смерти.

Висмар — последний порт в то время на немецкой земле, еще принадлежавший шведам.

В документах так и не сохранилось имя и полная должность этого дипломата, повсюду он упоминается как «саксонский дипломат Лос». Так, например, во время пребывания Петра Алексеевича в Париже в 1717 году французский философ Анри Сен-Симон писал, что саксонский дипломат Лос всюду следовал за царем, не столько в качестве дипломата, сколько в качестве лазутчика. (*Брикнер А. Г. История Петра Великого: В 2 т. Т. 2. — М.: ТЕРРА, 1996. С. 159*)

Федор Павлович Веселовский — родственник Шафирова, работал секретарем Б. И. Куракина и повсюду его сопровождал. С 1.02.1715 исполнял обязанности резидента при английском дворе. 9.06.1717 назначен резидентом в Лондоне. Участвовал в переговорах о возвращении города Висмара герцогу мекленбургскому; построил в Лондоне православную церковь.

В 1715 году появились официальные русские резиденты при иностранных дворах. Русским резидентам было поручено составить подробные описания государственных учреждений тех стран, где они были аккредитованы.

Анисовка — сорт водки; водка, настоянная на семенах аниса. Водками в те времена называли лишь те крепкие алкогольные напитки, которые обладали дополнительным вкусом, ароматом или цветом. Простой хлебный спирт настаивали вместе с травами, ягодами, пряностями и другими ароматическими и вкусовыми компонентами. После этого настой перегоняли — передваивали. Получался достаточно крепкий напиток на уровне 17–25°. Его разводили родниковой водой или употребляли в чистом виде. Водку называли по имени основного ароматизатора: анисовая, тминная. Анисовые водки производятся во многих уголках земли, но называются по-разному. В Турции это — ракия, в Греции — узо, в Ираке и в Ливане — арак, во Франции — пастис, в Италии — самбука, в Испании — анизетта.

Петр Павлович Шафиров (1669–1739) — известный государственный деятель петровских времен, барон, вице-канцлер, блестящий дипломат, одержавший ряд крупных дипломатических побед. Шафиров сыграл важную роль в проведении внутренних реформ Петра, высоко оцененную не только русским царем, но и иностранными государственными деятелями.

Яков Вилимович Брюс (1669–1735) — российский государственный деятель, военный, инженер и учёный, один из ближайших сподвижников Петра I. Умелый полководец, генерал-фельдмаршал (1726), создатель российской артиллерии, граф.

Павел Иванович Ягужинский (1683–1736) — граф, генерал-аншеф, русский государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I.

Граф Генрих Иоганн Фридрих Остерман, в России — Андрей Иванович (1687–1747) — один из сподвижников Петра I, выходец из Вестфалии, фактически руководивший внешней политикой Российской империи в 1720–1730-е годы.

Ганнибал (Абрам Петрович) — «Арап Петра Великого», негр по крови, прадед (по матери) А. С. Пушкина. В биографии Ганнибала до сих пор еще много невыясненного. Сын владетельного князька, Ганнибал родился, вероятно, в 1696 г.; на восьмом году похищен и привезен в Константинополь, откуда в 1705 или 1706 году. Савва Рагузинский привез его в подарок Петру I, любившему всякие редкости и курьезы, державшему и прежде арапов.

Королевство Пруссия было образовано в 1701 году и просуществовало до 1918 года. В 1871 году Прусское королевство стало ведущим государством Германской империи, представляя собой почти две трети всей площади империи. Своё название королевство переняло от исторической области Пруссия, хотя её главным городом являлся Берлин, находящийся в Бранденбурге.

Бад-Пирмонт — город в Германии, курорт, расположен в земле Нижняя Саксония. Входит в состав района Хамельн-Пирмонт. Население составляет 21 355 человек (на 31 декабря 2006 года). Занимает площадь 61,96 км².

Царевич Пётр Петрович (1715–1719) — сын Петра I от Екатерины Алексеевны, умерший во младенчестве. Родился в Санкт-Петербурге 29 октября (9 ноября) 1715 года, через 17 дней после своего тёзки и племянника — великого князя Петра Алексеевича (будущего Петра II).

Алексей Петрович (18 февраля 1690 — 26 июня 1718) — царевич, наследник российского престола, старший сын Петра I и его первой жены Евдокии Лопухиной.

Карл Гессен-Кассельский (3 августа 1654 — 23 марта 1730) — ландграф Гессен-Касселя в 1670–1730 годах.

Роберт Джэксон — чрезвычайный и полномочный посол Великобритании при дворе шведского короля Карла XII.

Карлскруна — административный центр шведского лена Блекинге. Заложен Карлом XI как главная (а теперь и единственная) база шведского флота на 33 островах у берега Балтийского моря. Название в переводе означает «корона Карла».

Фредерик IV (11 октября 1671 — 12 октября 1730) — король Дании и Норвегии с 25 августа 1699 года. Сын датского короля Кристиана V и Шарлотты Амалии Гессен-Кассельской. Из династии Ольденбургов.

Карлой государь Петр Алексеевич любил называть своего любимого придворного карлика Якима Волкова, росточком чуть больше человеческого локтя.

Чёрный кабинет — орган, занимающийся перлюстрацией и дешифрованием корреспонденции, и помещение, служащее для этих целей, обычно тайная комната в почтовом отделении. Название берет начало от соответствующей французской службы (*фр.* Cabinet Noir). Первый черный кабинет организовал кардинал Ришелье в 1628 году.

Тридцатилетняя война (1618–1648) — один из первых общеевропейских военных конфликтов, затронувший в той или иной степени практически все европейские страны (в том числе и Россию), за исключением Швейцарии. Война началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии, но затем переросла в борьбу против гегемонии Габсбургов в Европе.

Александр Иванович Румянцев (1680–1749) — был денщиком и лицом, близким к Петру I, который давал ему разные дипломатические поручения.

Фёдор Матвеевич Апраксин (1661–1728) — русский государственный деятель и сподвижник Петра I. Граф, генерал-адмирал (1708), глава Адмиралтейского приказа.

Александр Борисович Бутурлин (1694–1767) — в то время денщик, русский военачальник, граф, генерал-фельдмаршал, Московский градоначальник.

Матвей Христофорович Змаевич (Матия Крстов, 1680–1735) — российский флотоводец. Происходил из знатной семьи Змаевичей, город Перист в Бока-Которском заливе Адриатического моря (ныне в Черногории), племянник архиепископа Андрии Змаевича.

Иван Александрович Балакирев (1699–1763) — доверенный слуга императора Петра I и его супруги Екатерины I, впоследствии придворный шут императрицы Анны Иоанновны. Пользовался славой большого остроумца и балагура.

Александр Хьюм-Кэмпбелл, второй граф Марчмонт (1675–1740), был отпрыском знатного шотландского рода, политиком и судьей. С 1715 по 1721 год был послом Великобритании в Дании.

Василий Лукич Долгоруков (Долгорукий) (1670–1739) — князь. Российский посол, посланник, полномочный министр в Польше, Дании, Франции, Швеции. Член Верховного тайного совета; за участие в так называемом «заговоре верховников» сослан в Соловецкий монастырь, где и обезглавлен в 1739 году.

Ассамблея — празднование, европейская форма проведения досуга.

Звание генерал-адмирала в России ввел Петр Великий. Первым генерал-адмиралом в 1708 году стал граф Ф. М. Апраксин.

Шнява — небольшое парусное торговое или военное судно, распространённое со второй половины XVII века до конца XIX века в северных странах Европы и в России.

Волею судеб свершилось так, что с высоты своей блестящей карьеры Шафиров был низвергнут в бездну мздоимства. В 1722 году он был обвинен в казнокрадстве, мздоимство было свойственно почти всем без исключения «птенцам гнезда Петрова». Шафиров был особо жестоко наказан из-за того, что из-за своего вздорного характера при разборе своего дела учинил в Сенате безобразный скандал, чем грубо нарушил регламент. Петр Великий повелел, чтобы Шафиров был «казнен смертью без пощады и чтоб никто не надеялся ни на какие свои заслуги, ежели в сию вину впадет».

1 мая 1715 года корабль был спущен на воду. Его длина 46 м, ширина 12,8 м, средняя осадка 5,5 м. Он имел усовершенствованное парусное вооружение. Корабль отличался хорошими мореходными качествами и имел мощное по тем временам артиллерийское вооружение.

Питер, перед нами не люди, а самая настоящая нечисть. У них светятся глаза. Бежим отсюда (*англ.*).

Гинья (*англ.* guinea) — английская золотая монета, имевшая хождение с 1663 по 1813 год. Впервые была отчеканена в 1663 году из золота, привезённого из Гвинеи, отсюда и появилось её неофициальное название. Вес гиньи колебался в пределах 8,3–8,5 г (содержание золота превышало 90 %), диаметр — 25–27 мм.

Князь Борис Иванович Куракин (1676–1727) — первый постоянный посол России за рубежом, один из видных представителей российской дипломатии, сподвижник и свояк Петра Великого (Пётр Первый и Куракин были женаты на родных сёстрах — Лопухиных). Крестник царя Фёдора Алексеевича.

Яков Вилимович Брюс (1669–1735) — российский государственный деятель, военный, инженер и учёный, один из ближайших сподвижников Петра I. Умелый полководец, генерал-фельдмаршал, создатель российской артиллерии, граф.

Ганс. Завтра. В таверне «Три кабана», в 14:00. Иоганн (*нем.*).

Кунсткамера — кабинет редкостей, в настоящее время — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук, первый музей России, учреждённый императором Петром Первым и находящийся в Санкт-Петербурге. Обладает уникальной коллекцией предметов старины, раскрывающих историю и быт многих народов. Но многим этот музей известен по коллекции «уродцев» — анатомических редкостей и аномалий.

Долгоруков Яков Фёдорович (1639–1720) — князь, сподвижник Петра I, его советник и доверенное лицо. Участник Азовских походов и создания регулярной армии. В 1700–1711 гг. в шведском плену. С 1712 г. — сенатор, с 1717 г. — президент Ревизионной коллегии.

Долгоруков Василий Владимирович (январь 1667 — 11 февраля 1746) — русский военачальник, генерал-фельдмаршал (1728), участник Северной войны 1700–1721 годов, член Верховного тайного совета (1727–1730), президент Военной коллегии (1741).

Волколак (волкодлак) — в славянской мифологии оборотень, принимающий образ волка: это или колдун, принимающий звериный образ, или простой человек, чарами колдовства превращённый в волка.

Рентмейстер — должность в российской провинции. Рентмейстер выполнял функции казначея, в обязанности которого входил сбор денег, поступающих от плательщиков, земских комиссаров и магистратов, а также выдача денег по законным требованиям. При этом требовалось вести строгую отчётность, для которой устанавливалось пять книг. Каждый год в рентереях проводилась ревизия. За похищение казённых денег рентмейстеру грозило лишение имущества, чести и жизни.

Карл VI (1 октября 1685 — 20 октября 1740) — император Священной Римской империи с 17 апреля 1711 года, последний потомок Габсбургов по прямой мужской линии. Король Чехии с 17 апреля 1711 года, король Венгрии с 17 апреля 1711 года и претендент на испанский престол.

Священная Римская империя — политическое объединение, сохранявшее в продолжение десяти веков (800–1806) одну и ту же форму, одни и те же притязания. Внешняя история империи есть, в сущности, история Германии и Италии в Средние века.